

Гильдия судебных репортеров

**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ
ПРАВОСУДИЯ: ВОПРОСЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМИ
И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ**

Стенограмма

Москва
«ЛексЭст»
2005

Стенограмма

Москва, 15 декабря 2004 года

Председатель — Чижков Сергей Львович

Транспарентность правосудия: вопросы взаимодействия СМИ и судебной власти [стенограмма] / [сост. С.Л. Чижков]. — М.: ЛексЭст, 2005. — 144 с.

Издание содержит сокращенную и отредактированную стенограмму экспертного семинара по проблеме транспарентности правосудия и вопросам взаимодействия судебной власти и СМИ, проходившего 15 и 16 декабря 2004 года в Институте государства и права РАН.

С полным текстом стенограммы семинара читатель сможет познакомиться на сайте Гильдии судебных репортеров www.sudinform.ru.

Тексты экспертных заключений были опубликованы отдельным изданием («Проблемы транспарентности правосудия» - М., «ЛексЭст», 2005).

Издание предназначено для научных работников, судей, преподавателей и студентов юридических факультетов вузов, адвокатов, журналистов, специализирующихся в области правовой журналистики, а также всех интересующихся вопросами правосудия.

С.Л. Чижков, директор Гильдии судебных репортеров. Несколько слов о нашем мероприятии. В 1999 году, то есть еще в прошлом веке, Леонид Никитинский предложил идею, которая показала всем простой и понятной.

Давайте все решения мы будем набирать на компьютере, создадим сеть, единую базу данных, и все решения будут поступать в эту базу. Тем самым мы достигнем главного параметра транспарентности, доступности судебных решений. Однако оказалось, что за этой простой идеей стоит много непростых проблем. А наличие компьютеров и сети и даже баз данных не решает многих вопросов. Проблема даже не в том, что кто-то не желает, чтобы его решение было доступно. Проблема не в субъективном моменте (хотя он, наверное, тоже присутствует), в том, что многие вопросы оказались совершенно не урегулированы. Те проблемы, с которыми сталкиваются журналисты, когда приходят в суд и пытаются получить какую-то судебную информацию, часто носят отнюдь не субъективный характер. Несмотря на то что первоначально казалось: все очень просто — нужны какие-то технические решения, оказалось — нет, не просто. Технические решения будут работать только в том случае, если для этого имеется какая-то необходимая база: правовая в первую очередь. Поэтому вот уже несколько лет гильдия выступает инициатором различных экспертных исследований в области транспарентности и информационной открытости судебной власти.

Первоначально мы в большей степени акцентировали свое внимание на вопросах взаимоотношений и взаимодействия судов и СМИ. При этом одна из главных задач, которую мы хотели решить, как наладить взаимоотношения и продуктивное взаимодействие этих двух институтов.

Таким образом, этот проект движется от такого практически ориентированного исследования в сторону исследования теоретического. И это вполне понятно: чем дальше мы идем, чем глубже развиваются отношения между СМИ и судебной властью, тем больше обнаруживается нерешенных проблем, и в первую очередь в сфере законодательства. Вопросы этики, эффективного взаимодействия, корректного отношения журналистов к судебной влас-

ти, понимание ими специфики судебной власти и рассматриваемых и решаемых проблем — это предмет в большей степени второго дня нашей экспертной работы.

Предмет первого дня — исследование норм российского и международного права, касающихся доступа к информации. При этом под информацией понимается не только письменная информация, но и события, которые происходят в судах, начиная от вопросов карьерного роста, назначений и кончая судебными заседаниями. Именно этим вопросам будет посвящен первый день нашей работы.

Хочется отметить одну проблему, которая становится все более и более острой — доступ к судебным решениям, судебным актам. Попытаюсь объяснить, в чем здесь дело, и почему в последнее время она стала важной, если не сказать — ключевой проблемой судебной журналистики. Дело в том, что журналистика — это вещь довольно специфическая, и те, кто работает в журналистике или работал с журналистами, знают все эти проблемы, в том числе нравственные. Более того, Гильдия судебных репортеров возникла как некоторый ответ на те процессы, которые были в журналистике, в том числе в правовой и судебной журналистике. Гильдия возникла как ответ тем журналистам, которые считали, что они могут позволить себе все, что угодно, что они властители дум и так далее. Она возникла также как утверждение одной важной вещи: правосудие — это высшая ценность, которая есть и которую нужно отстаивать. Поэтому какая бы ни была ситуация в самой судебной системе, гильдия исповедует важнейший из записанных в ее декларации принципов: правосудие превыше всего — превыше интересов, политических пристрастий и процессов. Защита и пропаганда идеи правосудия — это, по существу, главное, чем занимается Гильдия. Делает она это, в первую очередь, через развитие квалифицированной судебной журналистики, внедрение этических принципов. Известно что невозможно подготовить нормальный журналистский материал, не ознакомившись с судебным решением, и все семь лет существования гильдии мы постоянно требовали от журналистов: «Знакомьтесь с судебными актами. Без них вы не в состоянии подготовить судебный материал». Первоначально мы боролись с желанием журналистов получить информацию у прокуроров, следователей, адвокатов, сторон по делу, поскольку каждый раз наталкивались на то, что к нам материал поступал неквалифицированный, тенденциозный, фальшивый. Очень часто даже хороший журналист превращается (что бы он о себе ни думал, как о властителе дум) в простую марионетку. Им манипулируют, как хотят. Особенно тяжелая ситуация у нас была с Северным

Кавказом. Мы просто прекратили работу с этим регионом — оттуда нет практически ни одного члена гильдии, ни одного корреспондента. Поэтому требование знакомиться с судебным актом, с судебным решением — для нас аксиома. Но в чем проблема?

Она заключается в том, что в большинстве случаев в самом судебном заседании оглашается только резолютивная часть. А ведь смысл любого журналистского материала состоит в том, чтобы увидеть мотивировку, показать людям аргументы. Если журналист присутствовал на судебном заседании и ознакомлен с резолютивной частью, но не знает мотивировки, начинается домысливание подчас, не всегда корректное. И мы пришли к выводу, что без знакомства с судебным актом просто не может быть нормальной судебной журналистики.

Однако при этом столкнулись с главной проблемой — получение этих решений. Сегодня практически все технологии работы журналистов построены на том, что у них сложились хорошие отношения с судьями, председателем суда, кем-то еще. И они получают эти судебные акты. Тем не менее прийти в канцелярию, попросить и получить необходимое — большая проблема, особенно в последние полтора — два года. Отказы мотивируются ссылками на инструкции Судебного департамента при Верховном Суде.

Это и стало предметом нашего иска в Верховный Суд по поводу данных инструкций Судебного департамента. Нам было отказано на том основании, что кроме инструкций существуют еще законы о СМИ, информатизации и так далее, где все эти права журналистов прописаны. Сами инструкции, прав не ущемляют, а проблема, как заметил представитель ответчика, — в «малограмотных» работниках канцелярий судов. Формально игра была проиграна, но наша цель была в том, чтобы в мотивировочной части решений содержались положения о правах журналистов и ссылки на соответствующие законы. Этого мы добились, что, однако, никак не повлияло на ситуацию. Как показало время, «малограмотными» оказались не только работники канцелярий, но и председатели некоторых судов.

Хочется подчеркнуть, что вопросы доступа к судебной информации — с одной стороны, необходимое условие квалифицированной работы журналистов, но с другой — это залог адекватного информирования общества о работе судов. Одна из задач Гильдии и учрежденного ею Агентства судебной информации как раз и заключается в том, чтобы собирать позитивный опыт региональных судов и транслировать его на российскую аудиторию. Но в любом случае без ознакомления с мотивировкой, с судебным решением такая работа, как правило, превращается в нечто сомнительное.

Получение текста судебного решения журналистом не является **достаточным** условием появления грамотной статьи, но я на 100% уверен, что ознакомление с текстом решения — важнейшее **необходимое** условие судебной журналистики.

Приведу пример. Журналист, достаточно квалифицированный, прислал материал, его опубликовали. Но когда эту работу прочел судья Верховного Суда, который изучал данное дело и вносил протест, он очень удивился. Его первым вопросом было: «А журналист-то ваш видел само решение, держал его в руках?». Это был грамотный журналист, но решения он не видел — написал со слов. Оказывается, там совсем все было не так, и в первую очередь другой была. Подчеркнем: что это был грамотный журналист, кандидат юридических наук, один из лучших региональных корреспондентов, но текста решения в руках не держал. И было, конечно, обидно, больно и, честно говоря, стыдно.

Поэтому экспертиза вопроса доступа к судебной информации стала для нас центральной задачей. В связи с этим и проводится данный семинар.

Я не знаю, какие слова приветствия произнести в данном случае — здесь уважаемая аудитория. Здесь представлен цвет российской юридической науки. Все вы видели программу нашего семинара — действительно подключились к экспертной работе ведущие специалисты. И это нас очень радует потому, мы должны выйти на какой-то более серьезный уровень работы и выработки рекомендаций. И вполне возможно, что мы сможем, предложить наши экспертные материалы для готовящегося Пленума Верховного Суда по вопросам, скажем так, транспарентности правосудия. Разговоры об этом пленуме велись давно.

Я предоставляю слово Игорю Леонидовичу Петрухину, он — наш первый докладчик и представитель учреждения, в котором мы сегодня проводим экспертный семинар.

И.Л. Петрухин, заведующий сектором проблем правосудия Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Позвольте сердечно приветствовать вас в стенах академического Института государства и права, который чрезвычайно заинтересован в контактах с прессой. Впрочем, и пресса, надо полагать, тоже заинтересована в том, чтобы поддерживать связи с научно-исследовательскими институтами. Это уже не первое наше собрание, и можно с уверенностью сказать, что они приносят нам большую пользу. Кое-что журналисты узнают от нас, и об этом свидетельствует тот

круг вопросов, которые были поставлены перед нами как перед экспертами. С другой стороны, мы получаем очень ценную информацию о том, как нам лучше контактировать с прессой, в каком виде подавать материалы, над которыми мы работали. Вообще, у нас единые цели.

И журналисты, и юристы ставят общество в известность относительно тех процессов, которые происходят в этом обществе, в частности, в сфере права. Я думаю, что такое сотрудничество, весьма полезное и эффективное, будет продолжено и сегодня на этом семинаре. Теперь позвольте мне сказать несколько слов уже по поводу темы нашей работы.

Гражданское общество учредило суд как орган защиты прав граждан и публичных интересов. Поэтому оно, общество, имеет право контроля над нашим государством, в том числе и судебной системой, в частности, прибегая к помощи журналистов. Бывает так: суд заинтересован в том, чтобы скрыть некоторые детали — они не должны просвечиваться, становиться достоянием широкой публики. Именно этому во многом служат так называемые пресс-службы. В настоящее время они организованы во многих учреждениях: МВД, ФСБ и некоторых других органов. Я не отношусь отрицательно к данным службам, но хотел бы отметить следующее: службы процеживают ту информацию, которая к нам поступает. Я ни разу не видел и не слышал, чтобы представитель пресс-службы МВД или ФСБ критиковал систему. Наоборот, он выдает дозированную информацию о том, как работает эта система.

В шестом номере журнала «Российская юстиция» помещена статья руководителя пресс-службы Верховного Суда Одинцова. Он говорит: «Как хорошо, что мы, наконец, создали эту пресс-службу. Она позволяет нам контактировать с журналистами». Это верно, но дальше следует такой вывод. Одинцов считает, что «система правосудия должна быть в курсе всех ссылок и информации». Это значит: любые ссылки и сведения относительно работы Верховного Суда должны обязательно пройти через пресс-службу, она играет роль своего рода цензора и только после этого позволит нам и вам, журналистам, опубликовать тот или иной материал. Я думаю, к этому надо относиться очень осторожно.

Конечно, журналистам очень важно знать содержание уголовных и гражданских дел, если они пишут об этих делах. Но данный вопрос имеет определенную правовую сторону: необходимо доказать, что журналист все-таки имеет такое право. Можно сослаться на ст. 29 Конституции, где говорится о том, что каждый имеет пра-

во искать, получать и передавать информацию. Но это, конечно, абстрактная формулировка, и она нуждается в конкретизации. Если мы без проникновения в смысл этой фразы начнем, когда нам угодно, приходить в суд, чтобы изучать уголовные и гражданские дела, то, конечно, ничего хорошего из этого не получится. В таком случае все население может устремиться в суды, которых будут завалены различными просьбами о пересмотре дел. Тут нужно соблюдать чувство меры.

Есть специальный закон, в котором этот вопрос решается более конкретно — Закон о средствах массовой информации. В нем говорится, что журналист (потому что речь идет о журналисте) имеет право доступа к материалам, не содержащим государственную и иную тайну. А многие уголовные дела, большинство таких дел как раз и не содержат ни государственную, ни личную тайну. В соответствии с этим законом получается, что журналист может прийти в суд и потребовать для изучения то дело, которое его интересует. Но это был бы значительный шаг вперед, может быть, даже несколько излишний. Тут нужна какая-то корректировка, поскольку трудно все-таки представить, что любой журналист придет в суд, потребует уголовное дело, и тут же ему это дело вручат. Я думаю, что фразу, которую я процитировал, необходимо применять к тем случаям, судебное дело уже закончено, следствие завершено, когда суд вынес приговор, и этот приговор вступил в законную силу. Вот только тогда, мне кажется, можно ссылаться на выше названный закон как на основание для того, чтобы предоставить журналисту право на ознакомление с уголовным или гражданским делом.

С проблемой прозрачности связан принцип гласности судопроизводства. По общему правилу судопроизводство является гласным (и уголовное, и гражданское). Однако существует ряд огорок, которые делают исключение из этого общего правила. Судопроизводство негласно, если существует опасность разглашения государственной тайны, личных тайн граждан, коммерческой тайны и в каких-то других случаях. Поэтому сказать, что вообще любое дело мы можем посмотреть, каким бы оно интересным ни было, было бы неверно.

В настоящее время не только в России, но и во всем мире складывается интересная тенденция, которую должны учитывать журналисты. Эта тенденция заключается в том, что принцип гласности постепенно вытесняется другим принципом, а именно принципом защиты прав личности, интересов человека, его част-

ных интересов, жилища и других личных прав. Я думаю, такую эту тенденцию надо оценить положительно, но, конечно, она не аннулирует принцип гласности, продолжая существовать и, безусловно, являясь одним из важнейших принципов нашего судопроизводства. Правда, должен заметить, что в прежнем кодексе гласность фигурировала как принцип уголовного процесса. В новом кодексе этого нет, среди принципов уголовного процесса гласность не указана. О нем говорится только в разделе о судебном разбирательстве. Таким образом, получается, что гласность стала иметь меньший ранг по сравнению с тем, который она имела. Может быть, это и вызвано тем, что на предварительном следствии нет гласности. Там, в основном, следственная тайна, а этот принцип помещен в раздел, где говорится о суде. Тем самым законодатель напоминает, что гласность должна соблюдаться именно в судах, и условием реализации этого принципа является участие общественности в отправлении правосудия. Пока можно назвать две формы такого участия.

Одна форма — народные заседатели (их уже нет в нашей системе), а другая — присяжные заседатели. И те, и другие представляют общество. Присяжных заседателей много. Они представляют совершенно разные слои общества — рабочих, крестьян, интеллигенцию и т.д. Но законодатель отказался от института народных заседателей. Основание было такое: народные заседатели пассивны, они слушают все, что им говорит судья, они в подчинении у судьи, и поэтому их участие в процессе является неэффективным. Я думаю, такие соображения не вполне обоснованы. Все-таки народных заседателей вызывали в суд на несколько дней (на 10 дней). Они могли иметь возможность видеть суд изнутри, чувствовать порядок судопроизводства, видеть, как работает судья, насколько он загружен, что делают секретарь судебного заседания, приставы и т.д. И когда они обо всем этом узнают, срок их полномочий в суде завершен, они с большим удовольствием рассказывают это гражданам. Таким образом, все, что происходит в суде благодаря помощи народных заседателей, становилось известным многим гражданам.

То же самое, может быть, даже в большей мере, можно сказать о суде присяжных. Дело в том, что присяжные (а их у нас 12) также осуществляют своего рода социальный контроль за отправлением правосудия. Они, как и народные заседатели, не так уж пассивны. Когда ликвидировали институт народных заседателей, наблюдалась другая тенденция: люди с большим интересом отно-

сились к праву, правосудию, справедливости при отправлении правосудия, знали многие законы. Этот институт был, как мне кажется, на взлете, а не в процессе падения. И вот его взяли и отменили, и думаю, напрасно.

Что касается присяжных заседателей, то тут существует опасность того, что этот институт сначала будет значительно урезан, а затем и вовсе ликвидирован, и сейчас активно обсуждается этот вопрос. Говорят, присяжные заседатели — это люди с улицы. Они ничего не знают и не понимают в праве, им трудно оценить доказательство, особенно по хозяйственным делам, и, таким образом, предлагается вообще аннулировать или ограничить этот институт. Мне кажется, что все прогрессивные силы нашего общества и, прежде всего, журналисты, и юристы должны встать на защиту этого очень важного правового института. Присяжные выносят справедливые решения. Они не ориентируются на те стандарты, которые сложились в суде и складывались в течение длительного времени, они решают уголовные дела по своей совести, и это не всегда совпадает с совестью коронных судей.

Совсем недавно Генеральная прокуратура внесла в Государственную Думу законопроект, в котором предлагается резко сократить подсудность суду присяжных, и сейчас этот законопроект обсуждается в комиссии, в которой я тоже участвую.

Вы знаете, французский математик Буассаме провел интересное исследование. Он с позиций теории вероятности предпринял попытку установить, сколько невиновных осуждает суд присяжных. И получилось так: если дело рассматривает единолично судья, то, согласно Буассаме, он осуждает 7% невиновных. Если же присяжные заседатели единогласно проголосовали за оправдательный вердикт, по данным Буассаме, один необоснованно осужденный приходится, примерно, на 157 миллионов жителей страны. Это рассуждения математика, но на них, я думаю, следует обратить внимание. Нужно защитить суд присяжных, и только тогда будет обеспечена подлинная гласность правосудия и возможность получать широкую информацию, в том числе и журналистам, о том, как работает наш российский суд.

Возникает вопрос: могут ли журналисты вести запись судебного процесса. На этот вопрос следует ответить положительно — безусловно. Любое лицо, присутствующее в зале суда, в том числе и журналист, имеет право вести бесшумную стенограмму или использовать диктофон — опять-таки бесшумное средство, чтобы не мешать судье осуществлять правосудие. Что касается других тех-

нических средств, таких как кинозапись, видеозапись и так далее, то обычно судья разрешает применять их в начале заседания, а затем они уже не применяются или применяются в каких-либо перерывах, когда берут интервью у некоторых участников процесса. У нас суд выносит решения таким образом, что он все-таки опирается на действующий закон. В России нет прецедентного права, такой традиции нет уже давно. До революции тоже не существовало прецедентное право, и его также нет в некоторых странах континентальной Европы, которое, ссылаются на статутное право. Но постепенно приходят мысли о том, что и прецедентное право должно быть использовано. В частности, к нему прибегают в том случае, когда толкуют отдельные положения европейской Конвенции или Международного пакта о правах граждан. Ссылаются также и на постановления Верховного Суда. Однако с моей точки зрения, закон определяет статус не лучшим образом. Если раньше Пленум Верховного Суда в своих постановлениях давал толкование законодательства, то теперь он лишь излагает результаты обобщения судебной практики. По старому закону постановления Пленума Верховного Суда были обязательными для всех судей и, кроме того, для правоохранительных органов. В новом законе эта ссылка на обязательность отсутствует. Поэтому роль суда несколько принижена. И над этим надо думать. Многие предлагают, чтобы все-таки постановление Пленума Верховного Суда имело значение источника права, на который можно ссылаться. Кстати, на него и ссылаются по гражданским делам, а вот по уголовным делам — в редчайших случаях. В настоящее время наша судебная система переживает трудные времена.

В России в XIX веке, после принятия уставов 1864 года, сначала была эйфория, сложившаяся мнением, что эти уставы несовершенны. Особенно это касалось суда присяжных. Победоносцев написал на имя царя Александра II, что этот нехороший суд надо вообще ликвидировать. Нечто подобное происходит и в наше время. Тогда была реформа 1864 года и контрреформа — в конце 80-х и в 90-е годы. Контрреформа состояла в том, что были приняты некоторые акты, в том числе, законодательный акт, который ограничил компетенцию суда присяжных тем, что из их компетенции изъяли уголовные дела о должностных, политических преступлениях и некоторых других.

То же самое происходит и в наше время. Генеральная прокуратура представила в Государственную Думу проект, из которого следует, что по многим категориям дел суд присяжных не нужен. И

там дела не только о политических преступлениях, которые, по мнению Генеральной прокуратуры, не должны рассматриваться этими судами. Речь идет и о других преступлениях, которые традиционно всегда рассматривались судом присяжных, например, дела об умышленных убийствах, посягательствах на правосудие и т.д. Сейчас идет спор, от которого во многом зависит, примет ли Дума такой закон или она такой законопроект отвергнет.

Далее я хотел бы обратить ваше внимание на так называемые квалификационные коллегии судей. Они включают представителей общественности, поэтому можно говорить о том, что эта проблема имеет отношение к транспарентности. По прежнему закону квалификационные коллегии состояли из 29 человек, из них 18 судей, т.е. подавляющее большинство. Однако спикер Верхней палаты господин Миронов предложил другой законопроект, который сейчас обсуждается и, боюсь, будет принят. Это проект, на основе которого 10 судей избираются съездом, но это уже не обязательное, а рекомендательное решение. Затем материал попадает к Президенту, потом назначает этих судей членами квалификационных коллегий. Таким образом, исполнительная и судебная власть вмешиваются в судебные дела, ограничивают возможности судов в том смысле, что они должны иметь эффективные средства, т.е. собственные организации.

Далее предлагается ввести в состав квалификационных коллегий 10 судей, представителей общественности. Происходит это так, что спикер Верхней палаты подбирает представителей общественности, и, сами понимаете, он выберет тех людей, которые будут ему более или менее послушны. Затем спикер представляет эти кандидатуры Совету Федерации, который, в свою очередь, назначает членов квалификационных коллегий. Последние (может быть, раньше нужно было сказать об этом) имеют очень существенное значение, поскольку ведают наделением граждан полномочиями судьи, принимают решение о приостановлении и о прекращении полномочий судьи. Квалификационные коллегии дают заключение (обязательное) о том, что данный судья должен предстать перед судом, т.е. разрешение на возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица.

Очень часто, уважаемые журналисты, в ваших публикациях появляются цифры. Причем они берутся со слов судей или откуда еще. Приведу пример. Не далее как вчера в Гуманитарном университете состоялась конференция. Выступал один профессор, который был настроен явно в пользу судебной системы. Он сказал:

«Посмотрите, в системе арбитражных судов обжалуется только 1% вынесенных судебных решений. Только 1%. В системе судов гражданского судопроизводства — только 4%». И сделал вывод: «Это говорит о том, что граждане удовлетворены правосудием и считают, что решения, приговоры судов вынесены правильно. Поэтому их и не обжалуют». Знаете, это большое заблуждение на данный счет. По моим наблюдениям (я этим занимался), такой низкий процент обжалования зависит не оттого, что хорошо работают, а потому, что нет смысла жаловаться, — жалобы, как правило, отклоняются вышестоящими инстанциями.

Я думаю, что многие проблемы еще будут в дальнейшем обсуждены на этой конференции, и мы сможем высказаться по некоторым вопросам. На этом позвольте закончить.

Светлана Праскова, аспирантка Российской академии правосудия. Как вы считаете, должна ли гласность правосудия распространяться на все стадии судебного разбирательства? Вернее, скажем так: на все стадии правосудия (на стадии досудебного разбирательства при подготовке дела, на судебном разбирательстве, после того, как дело принято и уже зафиксировано в материальном виде и хранится в архивах)? На все ли эти моменты?

И.Л. Петрухин. На предварительном следствии — тайно, да? Гласность в суде первой инстанции — это принцип, который провозглашен законом. Я уже говорил, что после вступления приговора в законную силу можно ознакомиться с этим приговором. Гласность в вышестоящих судах совершенно четко определена законом. В нем говорится: судопроизводство во всех судах является открытым, это конституционная норма. Это значит, что и в кассационных, и в надзорных инстанциях необходимо вести гласный процесс, если не отсутствуют основания, которые требуют закрытия дверей судебного заседания. Но, к сожалению, данная норма, как мы все знаем, нарушается. Попасть в Верховный Суд можно только по приглашениям или по вызову. Да и в областной или городской суд тоже трудно попасть. Поэтому имеет место массовое нарушение этого конституционного принципа.

Как выйти из такого положения? Думаю, что надо строить большие здания для судов. И, в конце концов, можно снять стражу у входов в суды. Но существует другая опасность: в суды тогда проникнут хулиганствующие элементы, террористы.

С. Праскова. И еще один вопрос. Должна ли гласность распространяться на иные виды деятельности суда: по разъяснению, и судебному управлению?

И.Л. Петрухин. А что такое судебное управление?

С. Праскова. Я имею в виду внутренние организационные проблемы, т.е. вопросы организации деятельности суда, распределения дел внутри суда между судьями.

И.Л. Петрухин. Нет, вы знаете, закон этого не требует. Хотя, было бы неплохо, чтобы заседатель, присяжный или народный, наблюдал за тем, что происходит в суде, и составлял себе определенное мнение об этом.

Л.В. Никитинский. Старшина Гильдии судебных репортеров, кандидат юридических наук. Скажите, пожалуйста, в той комиссии, в которой Вы сейчас занимаетесь (я отдаю Вам должное: это, наверное, очень трудно — отбиться от этого предложения по сокращению компетенции суда присяжных), обсуждается ли там то, что происходит с присяжными в Мосгорсуде, например, повторный роспуск, уже второй роспуск коллегии присяжных? То, что присяжные утверждают: в совещательной комнате слушаются их разговоры? Как Вы относитесь к тому, что, например, возможен закрытый процесс с участием присяжных? Это отдельный вопрос, касающийся еще того, на бумаге все очень гладко, а на практике — закрывают судебные заседания отнюдь не только по тем основаниям, которые или предусмотрены, в законе. Или их просто придумывают. Как пример дело Пичугина-Пешкуна, которое слушается с участием присяжных, которых позавчера распустили, в закрытом режиме. Основание — совершенно надуманное. Там нет никакой государственной тайны. Ничего нет. Вот то, что Вы рассказали — теория, а вот это — практика. Что делать? Как этому противостоять?

И.Л. Петрухин. Эти вопросы обсуждаются в комиссии. Вы говорили по поводу роспуска скамьи присяжных. Судья имеет право трижды распустить скамью присяжных. Трижды. Это в интересах человека, а не в интересах судебной власти.

Первый такой роспуск, когда, несмотря на жеребьевку, состав присяжных оказался тенденциозным. Ну, допустим, судят православному только мусульмане или судят выходца из Чечни только русские, или такой состав, что только женщины.

Я помню во Франции, был случай, когда адвокат (кстати, черный) защищал негра, который совершил изнасилование. И он воспользовался правом на безмотивный отвод присяжных. Я был свидетелем того, как он их отводил: во-первых, белых — старался, чтобы в составе присяжных было как можно больше черных. Во-вторых, адвокат отводил пожилых людей, считал (об этом говори-

ли уже потом), что пожилые люди более строго относятся к подобным проявлениям сексуальной жизни граждан.

Вы еще задали вопрос, последний, по поводу роспуска. Это сначала возможен роспуск, а потом, если судья не согласен с обвинительным вердиктом присяжных, он распускает скамью присяжных и назначает другое заседание. Речь идет только об обвинительном вердикте! И, наконец, если присяжные вынесли обвинительный вердикт, то в одном случае судья может с ними не согласиться и вынести оправдательный приговор, несмотря на наличие обвинительного вердикта присяжных. Это тот случай, когда дело прекращается, вернее, выносится приговор на основании, отсутствия состава преступления. Это правовой вопрос, и решается он только председательствующим. Присяжные не должны высказываться по такому вопросу. Так что трижды судья может использовать свое право роспуска.

Относительно закрытых заседаний я ничего не могу сказать. Это уже просто явное нарушение закона. И с ним надо бороться. Участники процесса могут об этом написать в кассационную инстанцию, после вступления приговора в силу можно обжаловать этот приговор в надзорную инстанцию, поскольку были допущены явные грубые нарушения закона.

В.М.Зубенко, аппарат Уполномоченного по правам человека Российской Федерации. Неправительственные организации утверждают, что в регионах практически им не удается включить своих экспертов в состав квалификационных коллегий судей. Вы с этим утверждением согласны?

И.Л. Петрухин. Я думаю, на уровне регионов должен соблюдаться тот же принцип. Примерно так же, как и Высшая квалификационная коллегия, я думаю, что в регионах они должны комплектоваться таким же образом. Я с вами согласен.

С.И. Уральский, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, юридический отдел. Игорь Леонидович, мы говорили об открытости судебной власти и говорим по существу. По Вашему мнению, должна ли быть определенная подготовка журналистов, пишущих на судебные темы (не на околосудебные, а на судебные)? Мне представляется, что должна. Я думаю, Вы свое мнение выскажете. Видите, что получается. Передача «Петровка 38», журналист подходит и говорит: «Скажите, а вы совершили это?». Ну и получается, что он говорит: «Да, я совершил». О какой ст. 51 Конституции идет речь? Но используется это сплошь и рядом. Потом показывают следователей: «Ты же признался...» И так далее. Видите, как?

Когда материал выверен с точки зрения процесса, права — слов нет. Но когда на всякий случай напишут, что был злодей, его задержали, и ведь очень интересно пишут некоторые журналисты: «Следователи работали с ним, с подозреваемым, всю ночь». Чувствуете? Следователи, несколько человек, допрашивали. Так вот, по Вашему мнению, все-таки специализация нужна, безусловно ли?

И второй вопрос. Я вспоминаю интересную книгу «Язык процессуального закона» покойного Валерия Михайловича Савицкого. В ней написано: «Пособие для юристов, для судей, для следователей и для журналистов». Ее забыли. Кстати, у нас идет спор с Гильдией судебных репортеров, надо ли предоставлять широкую возможность журналисту прийти в суд и получить тот или иной судебный акт или нет? Проблем много. Это будет пока еще кассационное рассмотрение... Вот такие вопросы по поводу специализации, подготовленности и компетентности журналистов.

И.Л. Петрухин. Вы знаете, подготовленность и специализация — это немножко, все-таки, разные вещи. Если придерживаться принципа специализации, то надо ввести журналистов по уголовным делам, арбитражным и гражданским делам, а это довольно сложно, хотя и желательно. Как можно приобрести специализацию журналисту, который много лет работает в судах? Я думаю, он уже сам может выбрать направление, в котором будет работать: специализироваться по уголовным, арбитражным или гражданским делам и т.д. В настоящее время чувствуется, что некоторые журналисты недостаточно подготовлены. Мне приходилось публиковать различные работы, и я вижу, что одни журналисты прекрасно это понимают, а другие слабо разбираются в правовой материи. Но есть очень хорошо подготовленные журналисты. Они могут браться за любое дело — уголовное и гражданское, но все-таки желательно, хотя бы для начала, чтобы они специализировались. Я думаю, может быть, нам создать такой специальный орган, допустим, совет экспертов-правоведов. Человек 10, 15, 20. Этот совет мог бы принимать адвокатов, журналистов, на бесплатной основе, безвозмездно и давать им соответствующие рекомендации. Кстати, адвокатам мы даем такие советы. К нам обращаются адвокаты, и мы пишем заключение по их просьбе. Я думаю, что такой совет для журналистов тоже был бы полезен. Там могла бы быть определенная специализация.

С.Л. Чижков. Я думаю, гильдия — это организация, которая могла бы взять на себя труд что-то подготовить совместно с Институтом государства и права и другими академическими учреждениями. Совершенно замечательная идея.

Л.Н. Майкова, председатель Федерального арбитражного суда Московского округа. Я бы хотела поделиться некоторыми мыслями в связи с выступлениями.

Во-первых, если говорить о гласности судебного процесса, я абсолютно согласна: этот принцип, который действует в суде, должен воплощаться и в возможности участвовать в судебных разбирательствах и получить судебный акт — ничего плохого в этом нет. Но мы упираемся здесь в одну, может быть, простую, а с другой стороны, не простую проблему. Прозвучала мысль о том, что прийти в суд и поучаствовать в судебном заседании невозможно. Да, действительно, в условиях нынешней ситуации приходится обеспечивать безопасность не только работников суда, но и людей, которые приходят в суд. Здесь можно отметить два момента: с одной стороны — безопасность, с другой — принцип гласности. Что из них важнее на сегодняшний день? И те, и другие будут правы. Поэтому, допустим, в Московском окружном суде в суд может попасть любой, но для этого необходимо просто оформить пропуск. И мне кажется, что такая система, которая позволяет обеспечить и безопасность, и гласность — абсолютно нормальная.

Что касается решений и приговоров (решений — имеются в виду решения в судах общей юрисдикции, в арбитражных судах, приговоров — касается судов общей юрисдикции), я бы не стала здесь говорить, что нарушается принцип гласности. Да, любой может познакомиться с решением и приговором, потому что процесс — гласный. Даже в судебных заседаниях, которые проводят в закрытом режиме, приговор и решение объявляются обязательно в открытом судебном заседании.

Но мы должны также иметь в виду еще и частную жизнь участников процесса, которые являются сторонами или субъектами, если говорить об уголовном праве, в этом процессе. Если это уголовные преступления, относительно которых по каким-то причинам не хотелось бы, чтобы знали детали, подробности и т.д., вряд ли можно отказать этим людям в том, чтобы судебный акт не «гулял» сначала к журналисту, потом от журналиста еще куда-то. Нужно очень четко определиться, какие приговоры, какие решения могут быть доступны для всеобщего обозрения или помещены на сайте или в определенной базе. Мы столкнулись с этой проблемой и посчитали: когда речь идет о физических лицах, может быть, это не правильно. Необходимо пытаться найти консенсус и выход из создавшегося положения. Мы пришли к выводу, что фамилии физических лиц не должны фигурировать. Они должны шифро-

ваться. Я не совсем согласна с тем, что после вынесения приговора и окончания дела журналист может познакомиться с материалами дела. Мне кажется, что это не согласуется с процессом.

И последнее. Приведу только один пример: арбитражные суды рассматривают секретные дела. Вы знаете, я иногда беру это секретное дело, и мне самой хочется сказать: «А почему его засекретили?» Ответ: только потому, что в деле (многотомном) имеются одно какое-то постановление Правительства или какой-то документ, которые являются секретным. Все дело становится секретным, и мы ничего здесь сделать не можем. Приходит адвокат, которому мы естественно, говорим: «Подписку, пожалуйста, что вы не разгласите государственную тайну». А он отвечает: «Я не буду давать подписку». Мы вынуждены ему сказать: «Раз Вы не даете подписку, мы вынуждены не допустить Вас в судебное заседание». Поэтому, мне кажется, бросать нам упрек, что это немотивированно, без каких-то оснований, нельзя. Надо просто разобраться, почему это произошло, что в этом деле появилось такое, из-за чего необходимо было закрыть судебное заседание, а с подобными ситуациями мы сталкиваемся очень часто. С каждым таким обстоятельством нужно разбираться.

С.Л. Чижков. Безусловно, нам нужно учиться понимать друг друга. Претензии к судебной власти часто бывают необоснованными. А вот что касается назначения закрытых заседаний, то я не уверен, что действует некий непреодолимый механизм. Думаю, последнее слово все-таки за судьей. Во всяком случае, мне так кажется.

Я хотел бы акцентировать ваше внимание на одной важной идее, которую высказал Игорь Леонидович: о том, что суды на самом деле имеют дело не просто с каким-то конкретным казусом. У них есть большая гражданская воспитательная функция, о которой мы никогда не говорим, в законодательстве она нигде не прописана и не может быть прописана. То, что Игорь Леонидович сказал про обратное воздействие суда на общество, это очень важно. У суда есть некая особая функция, ни в каком законе не прописанная, но реально существующая. Суд — это то место, где не только рассматриваются какие-то конкретные дела, но происходит что-то более важное по формированию самого общества. Через суд общество себя не только «нормализует», но также модифицирует и развивает. Я думаю, что на эту тему мы еще поговорим. Это действительно важная вещь. В связи с этим важно оценить информационные ресурсы судов. Именно там находится информация о том, чем

является общество в действительности, для нас же это важный аспект разговора.

С.Л. Чижков. Я хочу предложить сейчас обсудить вопрос о том, от кого зависит принятие решения. Со слов Людмилы Николаевны я понял, что она не вправе решить вопрос о том, слушать дело в закрытом или открытом заседании, если там присутствует какой-то документ, который является закрытым. Леонид Васильевич задал вопрос: почему судья не в состоянии это сделать? Странная вещь, когда судья не вправе решить такой вопрос, который на самом деле в пределах его компетенции. Кто-нибудь может прокомментировать, действительно ли наши судьи в некоторых случаях не вправе принять решение обратное тому, что приняло следствие или прокуратура? Прокуратура — в данном случае.

И.Б. Михайловская, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Данный вопрос решается до судебного рассмотрения. И, конечно, решает судья. В законе есть критерии, на основании которых решается этот вопрос: государственная тайна, интимные обстоятельства жизни человека.

Л.В. Никитинский. Конкретно по делу Пичугина-Пешкуна. Дело уже пришло в опечатанном пакете, хотя там есть два совершенно формальных документа, которые представляют из себя внутреннюю переписку правоохранительных органов. А оно уже пришло из прокуратуры с каким-то шестигранником (или как это теперь делается), и судья это воспринимает так: «Раз оно так пришло, я не имею право его слушать открыто».

И.Б. Михайловская. Судья может воспринимать все, как угодно. Мы можем найти столько восприятий, что не хватит трех или десяти дней конференции. Я говорю о том, что все решения по делу принимает судья, как указано в ст. 7 УПК. Они должны быть мотивированы, обоснованы законом. Судья, несет ответственность за принятое решение, конституционно отвечает, правильно оно или неправильно. Пришло ли дело в запечатанном виде или нет (оно вообще должно приходиться нормально упакованным), не имеет ровно никакого значения. Вопрос об открытом и закрытом деле решается на основании критериев, указанных в законе. Судья имеет право закрыть часть судебного процесса, а не весь процесс целиком. Оттакаясь от какого-то устного или высказанного в печати мнения, можно развивать целые теории, но лучше основываться на законе.

С.Е. Вицин, начальник кафедры уголовного процесса Московского института МВД РФ, заместитель председателя

Совета по совершенствованию правосудия при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор. Я хотел бы напомнить, что мы искусственно усложняем проблему. Не будем забывать, что на этот счет есть закон. И, прежде всего, есть европейская Конвенция и Конституция России, в конце концов. Давайте будем помнить, что по ст.10 Гражданского процессуального кодекса, ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса именно судья принимает решение о том, полностью или частично закрытым будет разбирательство. Кроме того, возможны ситуации, когда судья вообще может исключить документ или доказательство, оценить на предварительном заседании и сказать, что оно не нужно. Я не исключаю, что именно правоохранительные органы злоупотребляют такой возможностью, полагаясь на то, что судья не возьмет на себя решение вопроса об отказе от доказательства и не объявлять заседание закрытым.

Л.С. Халдеев, судья в отставке, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российской академии правосудия, кандидат юридических наук. Хочу обратить ваше внимание вот на что: следствие может умышленно сделать это для того, чтобы закрыть доступ всем: журналистам и любым другим любопытствующим (я говорю об уголовных делах и не знаю арбитражного процесса). Я не уверен, что судья вправе сделать это самостоятельно, то есть взять и убрать куда-нибудь один документ. Думаю, что на предварительном слушании в своем постановлении судья (он имеет право) должен предложить вернуть его на пять дней прокурору, рекомендовать в своем постановлении поместить этот документ в отдельную папку. Пусть она будет засекречена печатями. Все остальные документы, — тома уголовного дела — не должны быть секретными. Судья отправит его на пять дней прокурору, и тот обязан выполнить постановление суда. Как только в процессе возникнет необходимость изучения и проверки именно этого документа, судебное заседание закроют. Потом его опять откроют.

О.С. Чернышева, эксперт Европейского Суда по правам человека. В своем выступлении я хотела бы рассказать о двух сторонах стандартов Европейского Суда относительно транспарентности. Во-первых, о тех требованиях, которые были выработаны Европейским Судом к прозрачности судебных процедур в странах — участниках Конвенции за 50 лет, существования Конвенции. Я расскажу о положениях Конвенции, которые определяют степень прозрачности для национальных судов, прежде всего о требованиях ст. 6 (Право на справедливый суд) и ст. 10

(Свобода слова и информации). Далее — несколько слов о том, какими стандартами руководствуется сам Европейский Суд в отношениях с публикой и с прессой, насколько открыты его собственные процедуры для контроля со стороны общественности.

Итак, первая часть моего доклада — прозрачность судопроизводства в практике Европейского Суда по правам человека, требования к национальным системам. Как вы знаете, в своей практике Европейский Суд всегда руководствуется принципом пропорциональности — пропорциональности прав, то есть взвешивает интересы, которые иногда могут быть противоположны — интересы индивида и интересы общества.

Например, многие дела по ст. 10 Конвенции, гарантирующие свободу выражения мнения, могут включать в себя конфликт с интересами журналиста, который критикует определенное лицо, например, политического деятеля или судью, и самого политика или судью, который считает, что в публикации затронуты его репутация и честь. То же самое можно сказать и о требованиях к прозрачности правосудия: с одной стороны, правосудие должно быть скрытым, справедливым и свободным от постороннего вмешательства. На этот счет есть прямые указания в ст. 6 Конвенции. С другой стороны, правосудие должно осуществляться публично, а это значит, что необходим общественный контроль над деятельностью судов. И это тоже прямо закреплено в первой части ст. 6.

Таким образом, вывод, который можно сделать из требований Конвенции и того, как их трактует Европейский Суд, может звучать следующим образом: требования прозрачности правосудия не являются абсолютными.

Итак, что касается публичности судопроизводства и судебных решений. Требование публичности относится к числу тех требований и прав, которые прямо записаны в тексте Конвенции, в отличие от многих других, например, права доступа к суду или права на исполнение судебного решения, появление которых связано исключительно с толкованием Конвенции Судом и другими Strasbourgскими органами. Правосудие не должно вершиться в секрете, и у сторон в судебном заседании должна быть уверенность в том, что все происходящее в зале суда находится под контролем общественности. Надо отметить, что требование публичности судебного разбирательства — единственное требование в ст. 6, в отношении которого прямо указано возможное ограничение.

Ограничение следующее: пресса и публика могут быть исключены из участия в судебном разбирательстве целиком или в какой-

либо его части в интересах защиты нравственности, публичного порядка, национальной безопасности в демократическом обществе, когда этого требуют интересы частной жизни сторон, интересы несовершеннолетних, или в той степени, в какой это абсолютно необходимо, если есть особенные, по мнению суда, обстоятельства, при которых публичность противоречила бы интересам правосудия. Таким образом, к вопросу публичности применяется так называемый тест пропорциональности. Национальный судья может принять решение закрыть процесс только в том случае, если это абсолютно необходимо, и только для достижения перечисленных в ст. 6 целей.

Европейский Суд, в свою очередь, будет оценивать, насколько приведенные национальным судом аргументы в его мотивированном решении были достаточны и убедительны. При этом надо иметь в виду, что национальные органы, естественно, при решении такого рода вопросов обладают определенной свободой усмотрения. Следует так же учесть, что ст. 6 в этой части не содержит ссылки на национальное право, не говорит о том, что такое ограничение должно быть сделано в рамках национального права. Поэтому могут быть ситуации, когда решение суда закрыть процесс может не соответствовать национальному праву, но, тем не менее, быть оправданным с точки зрения Конвенции.

Не вдаваясь в подробности, скажем: решение о закрытии является для судьи практически данностью, если в деле присутствуют один или два закрытых документа, такое закрытие, с точки зрения ст. 6 европейской Конвенции, очень трудно обосновать, тем более если на этих документах не построен весь судебный процесс. С точки зрения европейской Конвенции, любой процесс может быть полностью закрыт, но по основаниям, которые указаны в Конвенции. В общем-то эти основания достаточно логичны. Они воспроизведены и в национальном праве, и это должно быть необходимо, то есть, такое ограничение должно преследовать определенные цели и не идти далее.

Я не буду вдаваться в детали, поскольку в прецедентах такого рода речь шла о публичных делах, об определенных аспектах ограничения публичности. И комиссии, и суд отмечают: ст. 6 предполагает присутствие на процессах не только публики, но и прессы. Тем не менее данная статья, естественно, не требует никакого специального извещения прессы о начале и датах судебного заседания. Важно, что (здесь сегодня присутствует не так много журналистов, но, однако, организационно — это очень важный момент)

ст. 6, которая гарантирует право на справедливый процесс, дает права только сторонам в процессе. С точки зрения Конвенции, она не дает никаких прав ни публике, ни журналистам. Поэтому жалобу может подать только тот, чьи права и обязанности определяются в данном судебном заседании. Согласно ст. 6 жалоба не может быть принесена журналистом, и потенциальными жалобщиками они не могут быть.

Следующая гарантия, которая относится к транспарентности правосудия и тоже закреплена в ст. 6, — это требование публично-го оглашения решения. Надо отметить, что в отличие от гарантии публичного судебного разбирательства требование публичного оглашения решений исключений не подразумевает. Следовательно, тест пропорциональности, говоря формально, здесь неприменим. В решениях по нескольким делам суд говорил о том, что даже если процесс прошел в закрытой форме, оглашение решения должно проходить в форме, которая предполагает публичность. Но в деле, касающемся интересов детей, которое в Европейском Суде называлось «*V. & P. v. United Kingdom*», где имена заявителей не были оглашены, фабула дела состояла в том, что семейный суд в Англии рассматривал порядок определения режима свидания с ребенком. И решение было оглашено публично. Правда, имя ребенка и часть других деталей в этом решении не упоминались. Сам процесс проходил в закрытой форме. Обжаловали этот вопрос в Европейский Суд, и суд признал, что закрытие процесса было оправдано интересами ребенка. Касаясь фактического закрытия части решения, суд отметил: всякое лицо в английском праве, если оно с достаточной убедительностью обоснует свой интерес к получению полного доступа к решению, может его получить. Более того, суд также отметил, что, учитывая то, что сам процесс был оправданно закрытым, открыть целиком решение значило бы свести на нет все усилия по сохранению конфиденциальности и защите интересов ребенка. И в таких условиях, по мнению суда, буквальное положение Конвенции было бы недопустимым. Несмотря на то что правила о публичности решения, то есть доступа к решению, и его оглашения фактически не ограничены, Европейский Суд признал: на практике они могут быть ограничены.

Следующий вопрос, на котором я хотела бы остановиться — вопрос о форме опубликования решения. И английский, и французский тексты Конвенции говорят об оглашении решения судов.

Однако практика пошла по другому пути, приблизив толкование этой нормы Конвенции к Международному пакту о граждан-

ских и политических правах 1966 года, в котором говорится о том, что решение должно быть опубликовано. Опубликование не обязательно должно принимать форму зачитывания вслух. И направление сторонам копий решений не нарушает прав заявителя на его публичное оглашение.

В тех случаях, когда вынесение решения не было публичным, публичность может быть возмещена тем, что существуют альтернативные способы опубликования решения. В противном случае, требование о публичности может быть нарушено. Поскольку никакой общей системы здесь нет, то из ст. 6 не может быть выведено никакого правила об обязательной публикации решения, создания систем поиска и т.д. Такого рода гарантии ст.6, естественно, не предоставляет.

И еще один аспект, о котором хотелось бы здесь сказать — это принцип, которым всегда руководствуется Европейский Суд и в соответствии с которым, Конвенция призвана защищать не иллюзорные и теоретические, а реальные права. И, как правило, дела, которые попадают в суд по ст. 6 и по ограничению в вопросах публичности, касаются ограничений, которые содержатся в законодательстве. Другими словами, они являются формальными, прописаны в законе и таковыми могут быть рассмотрены.

Однако нельзя исключить ситуацию, в которой формально процесс будет открытым, но фактически доступ публики и прессы в здание суда будет ограничен, например, путем введения системы пропусков в здание суда или еще каким-то образом. Пропускная система не является проблемой в том случае, если она, действительно, призвана обеспечить безопасность и контроль над тем, что происходит в здании. Тем не менее если выдача пропусков находится на усмотрении, на дискреционном полномочии каких-то определенных должностных лиц и обставлена рядом сложно выполнимых условий, то такого рода ограничения, будучи обжалованы сторонами, тоже могут стать предметом рассмотрения по ст. 6 Конвенции.

Несколько слов о ст. 10 Конвенции. Это статья о свободе слова, о том, каким образом в прессе могут освещаться судебные процессы. В практике суда есть несколько интересных дел, которые рассматривали деятельность прессы именно с точки зрения ст. 10, которая гарантирует право на свободу прессы и информации. Она предусматривает (как и ряд других статей) ряд целей, в которых могут быть ограничены гарантируемые ею права.

Одна из этих целей — поддержание авторитета и независимости судебной власти. Конечно, будучи прямо закрепленным в Конвен-

ции, такой принцип приобретает особую значимость в глазах Европейского Суда. Если национальный суд в ограничении права прессы ссылается именно на эту статью, то он находится на достаточно твердой почве. Тем не менее, как и в других делах, суд будет смотреть: насколько пропорциональным было то или иное ограничение.

К примеру, случай, когда активная кампания в прессе может отрицательно сказаться на справедливости суда (например, суда присяжных), когда она будет воздействовать на общественное мнение до того, как вопрос о виновности или невиновности подсудимого был ими разрешен. Здесь, таким образом, привлекается не только ст. 10, но и вопрос о презумпции невиновности, а также другие вопросы независимости суда, которые гарантируются ст. 6. С точки зрения ст. 10, речь идет о защите прав журналиста, с точки зрения ст. 6 — о правах обвиняемого. И выводы, к которым приходит Суд, не всегда могут быть одинаковыми.

Естественно, что решение о вмешательстве в свободу выражения мнений с целью ограничения права пишущих журналистов на освещение ими процесса отдано на усмотрение государств.

Надо сказать, что Суд особенно строго относится к тем случаям, когда речь идет об авторитете судей. И имеется достаточно много примеров в рамках деятельности суда, когда критические статьи журналистов в адрес судей и последовавшие за этим санкции судом признавались допустимыми, и суд отказывался видеть в этом нарушения, говоря о том, что особый авторитет суда (а судьи выполняют особую роль в обществе — являются гарантом правосудия) — одна из фундаментальных ценностей в правовом государстве. Судья должен пользоваться доверием общества, поэтому, когда журналист пишет о судьях, он должен быть особенно осторожен. Здесь недопустимы выражения, которые имеют место в отношении некоторых других публичных лиц, занимающих какие-то общественно значимые должности.

Естественно, что Европейский Суд — это не обычный суд, с которым гораздо чаще сталкиваются журналисты. И по роду, и по характеру деятельности он ближе к Высшему или Конституционному Суду. В нем решаются исключительно вопросы права. Фактические доказательства и выводы Европейским Судом не оцениваются, поэтому это поле битвы, скорее, для юристов. Для журналистов он часто представляет значительно меньший интерес, поскольку нет ни вещественных доказательств, ни свидетельских показаний, ни каких-то зажигательных выступлений перед присяжными. Интерес журналистов к этому суду все-таки уже.

Как и в некоторых национальных судах, в Европейском Суде многие вопросы решаются в письменной процедуре. Они никогда не выносятся на устное рассмотрение. По абсолютному большинству дел решение Европейского Суда принимается в рамках исключительно письменной процедуры. Это не означает полный отказ от публичности, но говорит о существенном ограничении. И публика, и пресса все равно могут ознакомиться с вынесенным решением и в определенной стадии с ходом процесса, с письменными материалами. Естественно, в отличие от устного слушания, это предполагает меньшую открытость.

Вместе с тем решение Европейского Суда и жалобы, которые туда подаются, вызывают очень большой общественный интерес. Они способны повлиять не только на судьбы конкретных заявителей, но и на изменения в правовых институтах многих стран, поэтому Европейский Суд старается обеспечить гарантии публичности настолько, насколько это возможно.

В рамках рассмотрения комитетом дела (это своеобразный фильтр) решение о его неприемлемости принимается единогласно комитетом из трех судей. Практически никакой публичности не предусмотрено. Эти решения комитетов не публикуются. Они не являются прецедентными источниками права, и, соответственно, к ним нет доступа со стороны публики и прессы.

Другое дело с решением палат — Палаты Европейского Суда и Большой палаты, где принимают решение о приемлемости или неприемлемости дела и по существу. Все эти решения публикуются, и не только стороны, но и любые лица, которые выразили какой-то интерес к данному делу, обеспечиваются доступом к материалам дела. Об этом прямо говорит ст. 40 Конвенции. В отличие от российских судов и от судов многих европейских стран, Европейский Суд не требует доказывать существование законного интереса к получению материалов дела. Любое лицо, которое заранее выразит такой интерес, получит доступ к этому делу. Доступ обеспечивается в здании суда секретариатом суда. Запрос на ознакомление должен касаться конкретного досье. Вы не можете попросить ознакомиться, например, со всеми делами против какой-то страны или по определенной теме. Вы должны знать конкретное дело, которое вас интересует, и вы получите к нему доступ.

Надо сказать, что Европейский Суд, тем не менее, предоставляет определенные гарантии на сохранение секретов там, где они есть, лицам, которые обращаются к нему за защитой, от тех сообщений, которые приходят со стороны правительства. Здесь имеют-

ся определенные механизмы. Например, заявитель может попросить председателя Палаты, которая рассматривает дело, сохранить его анонимность. В этом случае в опубликованном решении заявитель будет обозначен инициалами. Но Правительству и суду, естественно, личность заявителя будет известна. Она не будет разглашаться публике. Часть документов в деле по просьбе стороны, по решению Председателя Палаты может быть объявлена конфиденциальной. И в таком случае доступ к подобным документам не будет возможен со стороны прессы или публики, но это не исключает их доступа к остальным материалам дела, если в отношении них решения не принято. Кроме того, в деле могут фигурировать лица, которые сами не возбуждали производств в Европейском Суде. Например, те, кто участвовал в национальных процедурах либо в споре с заявителем, либо в качестве свидетелей, либо иных третьих лиц. В этом случае, как правило, суд зашифровывает эти имена и полностью их не называет. Естественно, что такая информация не может быть скрыта от противоположной стороны. Например, если заявитель или правительство просят не разглашать имен свидетелей, они, тем не менее, другой стороне, но не публике.

Периодически в Европейском Суде проходят устные слушания. Они, как правило, проводятся по изначально громким делам, которые связаны не только со сложными юридическими вопросами толкования Конвенции (например, вопрос о праве на эвтаназию, который рассматривался в прошлом году), но и в случае, если ситуация вокруг дела такова, что публичный интерес к нему достаточно велик, по просьбе и с согласия сторон суд принимает решение о проведении слушания. Перед слушанием суд выпускает пресс-релиз, который информирует прессу о фактах дела, существе жалоб и может ответить на другие вопросы журналистов. Публика допускается в зал с единственным ограничением: должно быть достаточно мест в зале. Нужно как минимум за неделю сообщить в секретариат суда, что вы желаете присутствовать. В этом случае будет составлен список лиц, и доступ будет открыт.

Слушания проходят только на официальных языках суда — английском и французском. В исключительных случаях суд может разрешить стороне выступить на другом, национальном языке, но тогда этот текст не будет считаться официальным, и суд будет пользоваться представленным официальным переводом. Для публики может быть обеспечен перевод (например, для журналистов или профессиональной группы). Этот перевод на неофициальный язык Конвенции для суда не имеет никакой роли. Суд выносит ре-

шение не сразу. Выслушав стороны, в суде обсуждают дело в закрытом режиме. Затем выносятся решения, которые публикуются, как правило, через несколько недель после слушания.

Наконец, в очень редких случаях Европейский Суд прибегает к так называемым выездным сессиям. Эти выездные сессии для установления фактов являются закрытыми по определению. В них принимают участие только стороны и те лица, которых суд пригласил выступить в качестве экспертов, чтобы осветить какие-то вопросы для суда. По результатам такой сессии составляется протокол, который сперва направляется сторонам для согласования. И только после этого, когда он будет включен в папку дела, к нему можно получить доступ (если эти материалы не были объявлены судом конфиденциальными).

Решения Европейского Суда (речь идет только об опубликовании решений, вынесенных Палатой или Большой палатой, решения Комитетов не публикуются) публикуются в день оглашения на сайте суда в Интернете, в поисковой системе Суда, которая напоминает российские правовые базы. В ней возможен доступ и по ключевым словам, и по статьям, и по датам, и по странам-ответчикам. На сайте суда также содержится другая базовая информация. Например, есть доступ к базе всех пресс-релизов суда. Существуют также публикации решений, наиболее важных решений, в бумажной версии — в сборнике, который называется «Decisions and Reports».

В заключение отметим, что требование прозрачности судебного производства в рамках европейской Конвенции не абсолютно и должно соотноситься с другими гарантиями справедливого суда. Достаточно типичная ситуация, когда судья воспринимает журналиста или публику как некоторое затруднение в процессе, но вынужден с этим мириться. С другой стороны, представители прессы тоже должны понимать положение судьи и быть готовыми к тому, что в некоторых ситуациях им придется пожертвовать частью своей журналистской свободы для целей надлежащего отправления правосудия и, в конечном счете, во имя долгосрочного сотрудничества прессы с судом, третьей власти — с четвертой.

Л.В. Никитинский. У нас возник очень интересный вопрос в Верховном Суде в процессе рассмотрения иска Павла Нетупского к Судебному Департаменту. Относительно новый Гражданский процессуальный кодекс дает возможность суду непосредственно в заседании оглашать только резолютивную часть решения, а мотивировочную представлять потом. Но мотивировочная часть уже не

оглашается публично. Она хранится в архиве, и доступ к ней могут получить только стороны по делу. Как, с точки зрения ст. 6, это может быть истолковано?

О.С. Чернышева. Очень трудно ответить на этот вопрос в абстракции. Суд всегда рассматривает его в контексте. Как правило, если резолютивная часть была оглашена публично (хотя бы с какой-то краткой мотивировкой), то, я думаю, по ст. 6 такой процесс может быть обоснован. И такие прецеденты в Европейском Суде были. Далеко не во всех европейских странах существует ситуация, при которой суд вынужден целиком оглашать свое решение — от первой до последней буквы. Как правило, ситуация такая: суд оглашает резолютивную часть хотя бы с краткой, очень краткой мотивировкой, а затем дело сдается в канцелярию суда, где заинтересованные лица и, естественно, стороны по делу могут с ним ознакомиться. Более того, есть ситуации, при которых, например, во многих высших судах решение выносится в письменной форме, и устного слушания не происходит. В этом случае оглашением решения будет направление копий сторонам. С ним заинтересованные лица могут потом ознакомиться в канцелярии суда. Именно заинтересованные лица! Другими словами, если вы как журналист не выступаете в данном деле, то вы должны объяснить, свой интерес к этому судебному решению. Вы не можете просто заявить, что хотели бы ознакомиться с решением, никак не мотивируя такой интерес. И подобные вопросы судом разрешались. Суд признавал, что это не противоречит ст. 6, и соответствует рамкам публичности.

С.Л. Чижков. Задам вопрос по заинтересованным лицам. У меня было несколько иное представление о том, на каком основании люди получают доступ к судебным решениям. Мне представляется, что это может быть просто заявительная форма, без объяснения профессионального или еще какого-либо интереса.

О.С. Чернышева. Это требование, которое Суд не сформулировал в качестве единого принципа для всех европейских стран. Напомню вам, что Суд работает на сегодняшний день с 45 (46-я страна была принята этим летом) различными правовыми системами, и вопросы доступа к судебным решениям в них решаются по-разному. Суд всегда старается формулировать свои решения так, чтобы не создавать всевозможных требований, с учетом общеевропейских стандартов, формулировать некие минимумы, которые должны быть гарантированы. Но, например, в итальянских и австрийских делах (те, о которых я упоминаю в своем докладе — в деле «Претто и другие против Италии» (Pretto and others v. Italy), в деле «Аксен

против Германии» (Axeu v. Germany) суд говорил о том, что доступ должен быть возможен для заинтересованных лиц. То есть ограничение, которое накладывается на доступ к этому судебному решению, должно быть обосновано. Если человек вообще никак не обоснует свой интерес к этому делу, значит, можно предположить, что такого рода ограничение можно признать обоснованным. У него нет того интереса, который ст. 6 могла бы защитить. Однако если вы можете такой интерес обосновать, но, тем не менее, вам отказано, то можно взвешивать интересы сторон или правосудия, которые, может быть, не требуют или делают сложным, дорогим, затратным, опасным и т.д. полный доступ по сравнению с тем интересом, который может быть выражен к этому суду.

Я еще раз напоминаю, что мы говорим о тех правилах, которые действуют в рамках ст. 6. А эта статья применима именно к сторонам в процессе. Что касается ст. 10, т.е. статьи на право свободы информации, то ее гарантии в данном случае еще уже. Эта статья прямо предусматривает ограничение прав доступа тех, кто хотел бы распространить какую-то информацию в ущерб интересам правосудия. Европейский Суд ставит интересы правосудия на достаточно высокое место в системе общественных ценностей правового государства. Если суд (национальный судья) принял мотивированное решение о каком-то ограничении или после публикации было принято решение о том, что журналист должен каким-то образом понести ответственность за публикацию, которая раскрыла какие-то материалы, которые были судом закрыты, то Европейский Суд, как правило, достаточно жестко подходит к этим вопросам. Насколько жестко, будет зависеть от конкретной ситуации. Суд взвешивает общественный интерес к делу и те интересы, которые в данном случае защищаются. Очень важно сказать, что ст. 10 говорит о праве на свободу распространения информации. Она практически никогда не гарантирует права получать эту информацию там, где другая сторона такую информацию представить не хочет. То есть если государственные органы располагают какой-либо информацией и не хотят ее предоставлять, то право на ее получение журналистом из ст. 10 вывести практически невозможно. Есть ситуации, когда такое право может быть выведено из позитивных обязательств, например, по ст. 8 (право на охрану частной жизни). Это связано, например, с информацией об экологических вопросах, об экологической опасности (было два таких решения суда). Группа граждан и вместе с ними журналисты пытались получить подобную информацию. Им было отказано, и Суд

принял решение, что такой отказ был неправомерным, но не по ст. 10, которая не гарантирует право получать информацию там, где другая сторона не хочет ее давать, а именно в смысле позитивных обязательств по ст. 8, которая гарантирует право на охрану частной жизни и может быть нарушена непредоставлением информации о какой-либо экологической опасности.

А.В. Ремигайло, пресс-секретарь Арбитражного суда г. Москвы. Скажите, вот в Вашем выступлении прозвучала мысль о том, что выдача пропусков или наличие пропускной системы, установленной в том или ином суде, не является дискреционной мерой и само по себе принцип гласности не ущемляет. Правильно? Тогда вопрос снят.

О.С. Чернышева. Такого решения Европейского Суда нет, но в том свете, как Суд толкует этот вопрос, мне кажется, что, если такой вопрос встанет, то он будет рассматриваться именно с этой точки зрения. Если система выдачи пропусков не является дискреционной, то есть если это решение не находится на единоличном усмотрении какого-то должностного лица, которое может выдать пропуск, а может отказать в его выдаче на каком-то абсолютно немотивированном основании, в этом случае, я думаю, может встать вопрос о публичности.

С.Л. Чижков. Можно уточнить этот вопрос, потому что он был задан с позиций одной стороны. В принципе, если существует система пропусков, которая позволяет кого-то не пустить, то она может рассматриваться как нарушение публичности. Если выдавать пропуска, то это для идентификации, для безопасности, а если вопрос стоит о том, чтобы с помощью данной системы одних журналистов пускать, а других нет по каким-то соображениям, то это есть нарушение публичности.

О.С. Чернышева. Я еще раз скажу, что этот вопрос не был рассмотрен в решениях Европейского Суда. И здесь следует исходить из общего принципа о том, что любые права, в том числе и право на публичное рассмотрение, могут быть в определенной степени ограничены. Если эти ограничения не ущемляют самой сути права и если они являются допустимыми в демократическом обществе, если они мотивированы какими-либо законными целями, то мы не можем сказать, что любое ограничение является нарушением. Это не так. Не любое ограничение является нарушением. Только такое ограничение является нарушением, если оно непропорционально или если ущемляет саму суть права, то есть, условно говоря, вообще никто не может попасть на заседание этого су-

да. Ограничения таковы, что фактически исключают любой доступ. Это будет ограничение, нарушающее саму суть права.

Дело в том, что ст. 6 гарантирует права только участникам процесса, то есть тем, чьи права и обязанности, либо уголовные обвинения против них. Дело в том, что это зазор, который нужно иметь в виду. Он действительно существует. Статья 6 гарантирует только права лиц, участвующих в процессе, то есть в гражданском процессе — сторон, в уголовном — обвиняемого. Далее того ст. 6 не распространяется. Это статья, которая гарантирует право на справедливый суд, и одной из гарантий справедливого суда является право публичности.

По статье 10, где говорится о правах журналистов, вопрос об их ограничении решается значительно шире. И насколько по данной статье может быть решен вопрос о доступе журналистов здесь необходимо доказывать, что у вас был интерес, вы хотели туда попасть, вас именно как журналиста не пустили, вы обжалуете такое решение, и только после этого вы можете поставить вопрос о ст. 10.

С. Праскова. В этой связи уточняющий вопрос. Статья 6 формулирует это именно как право сторон — как право на публичное разбирательство. Насколько я помню, было такое решение Европейского Суда, по крайней мере, в одном из решений что-то было сказано по этому поводу. Может ли сторона отказаться от публичного разбирательства, и если она отказывается от этого, то не является ли это нарушением принципа гласности в целом? Без всяких тайн, без всяких оснований для закрытия — просто стороны не хотят публичного разбирательства.

О.С. Чернышева. Вы знаете, дело в том, что действительно бывают ситуации, когда стороны отказываются от тех или иных гарантий, которые им гарантирует ст. 6 и потом, принося жалобу на это, в том числе и о вопросе публичности. Здесь нужно иметь в виду несколько оснований.

Во-первых, нельзя отказаться от права, которое составляет самую сущность — право на справедливое правосудие. Такой отказ не может быть принят Европейским Судом в качестве действительно-го условия. Если человек отказывается на каком-то этапе от адвоката, это можно предположить, поскольку ст. 6 предполагает право защищаться как лично, так и через адвоката. Но нельзя отказаться от права, которое является самой сущностью справедливого процесса, например, от права исследовать доказательства в свою пользу целиком и полностью. Вы вообще не знакомитесь с материалами судебного дела. Такого рода отказ будет достаточно трудно принять.

Что касается вопроса публичности, то такие процедуры есть в некоторых национальных судах. Я не уверена, что такое есть в российском праве, чтобы участник процесса согласился на отказ от публичного рассмотрения. Но в некоторых случаях, в некоторых юрисдикциях, суд рассматривал этот вопрос, например, по некоторым австрийским и бельгийским делам, связанным с такими квазисудебными органами, органами профессионального сообщества, как, например, квалификационная коллегия врачей (в другом случае рассматривались дисциплинарные взыскания в профессиональных рамках), где участнику, то есть лицу, чью дело рассматривается, задается вопрос о том, готов ли он на отказ от публичного рассмотрения. И если такой отказ получен, например, отказ от устной формы разбирательства, перевод его в письменную форму, если сторона на это согласилась и нет никаких свидетельств того, что такое решение принято под принуждением, то потом, если человек впоследствии заявляет жалобу в Европейский Суд (такие случаи были), Суд посчитал такой отказ достаточным основанием, чтобы не приходиться к выводу о нарушении ст. 6.

С другой стороны, следует иметь в виду, что суд рассматривает всю процедуру в целом. Как правило, мы имеем дело не с одной единственной стадией процесса, а с несколькими. То есть решение и процесс, который проходит в первой, апелляционной, инстанции, где она существует, и в кассационной инстанции, где она существует. Если на одной из этих стадий имело место нарушение какого-либо принципа справедливого процесса, в том числе принципа устности, публичности, или ограничение этого принципа, суд может признать, что в рамках этой процедуры нельзя было исправить всех недостатков. Это в случае, когда имело место нарушение, но затем данный вопрос был поднят в жалобе в вышестоящую судебную инстанцию, которая могла такой недостаток исправить (именно могла исправить, потому что иногда она не могла исправить), природа слушания была совершенно иной в первой инстанции, где устанавливаются вопросы факта и принципиально иной — в вышестоящей инстанции, где только вопросы права.

Но если такого не было, то суд может посчитать, что в одной инстанции было проведено публичное слушание, в другой инстанции не было публичного слушания, но, тем не менее, беря всю процедуру в целом, гарантии публичности были соблюдены.

С.И. Уральский. Ольга Сергеевна, скажите, пожалуйста, анализирует ли Европейский Суд практику национальных судов в связи с вынесением ранее каких-то судебных решений? В частно-

сти, известное дело Посохова, когда народные заседатели по 100 дней заседали в году. И если да, такой анализ имеется, каковы в случае наличия нарушений, формы воздействия и реагирования Европейского Суда на повторяющиеся нарушения, которые уже были в общем-то разрешены по существу?

О.С. Чернышева. Это очень хороший вопрос. Честно говоря, он настолько большой, что я даже не знаю, с какой стороны на него начинать отвечать.

Во-первых, принцип исполнения решений, если коротко, состоит в следующем. Европейский Суд выносит решение по вопросу о нарушении или ненарушении статей Конвенции. Никакого другого решения суд, как правило, не выносит. В некоторых, исключительных случаях, где Суд фиксируется, например, незаконное лишение человека свободы, Суд может также сформулировать требование прекратить такого рода нарушения и человека освободить. Но в 99,9% случаев Суд выносит решение, которое формулируется словами «Да, было нарушение» или «Нет, не было нарушения» по конкретному делу.

У нас есть решение дела «Посохов против России» (Posokhov v. Russia). В этом решении Суд говорит: «Да, было нарушение Конвенции по таким-то основаниям». Все. Точка. Никакого другого решения Европейского Суда не существует. Дальше дело поступает на исполнение в другой орган Совета Европы, который называется Комитет Министров. Это тоже постоянно действующий орган, находящийся в Страсбурге, состоящий из представителей министров иностранных дел стран — участниц Совета Европы в ранге замминистра. И этот политический исполнительный орган принимает к своему исполнению решение Европейского Суда по правам человека. Уже Комитет Министров имеет два способа исполнения решения.

Первое, это меры индивидуального характера. Это значит выплата компенсации, установленной Судом. В некоторых случаях они могут включать, например, там, где речь шла о грубейших нарушениях, исключающих возможность сосуществования с принципом справедливого правосудия, пересмотр судебного решения. Но это все определяет Комитет Министров. Этого не записано в судебном решении.

И второй, самый важный, с нашей точки зрения, блок исполнения решения — это меры общего характера. Они формулируются на взаимной основе между страной, в отношении которой вынесено это решение, и Комитетом Министров (например, по де-

лам, связанным с неисполнением судебных решений, по делам типа «Бурдов против Российской Федерации» (Burdivov v. Russia), которые касаются масс). Это — дело одно, решение Европейского Суда. Но таких жалоб в Европейском Суда — масса, и проблема эта — массовая. Национальный суд выносит решение, которое должно быть исполнено государственным органом, и это решение не исполняется. По такому делу Комитет Министров принимает промежуточные резолюции, когда он считает, что приняты окончательные меры общего характера, которые вместе со стороной формулирует шаги к тому, чтобы эту ситуацию исправить.

Ну, например, по Калашникову: условия содержания. Там уже была принята промежуточная резолюция, в которой Российская Федерация представила доклад о том, что было сделано для того, чтобы снизить количество заключенных в следственных изоляторах: каким образом это было сделано, какие приняты меры и т.д. Окончательную резолюцию, то есть, закрытие исполнительного производства по этому делу пока нет, но промежуточная была благоприятной. Было отмечено, что многое сделано, и еще многое будет сделано. Но это только на основе решения Европейского Суда. Сам Европейский Суд этого не делает. Это политические консультации, которые ведутся Комитетом Министров, которые голосуют и большинством голосов принимают решение о закрытии, о принятии окончательной резолюции, о том, что страна действительно приняла те меры общего характера, которые от нее требовались, или она этого не сделала.

С.Л. Чижков. Может быть, кто-то хотел бы выступить?

И.Б. Михайловская. Европейский Суд, естественно, рассматривает все применительно к судебным стадиям. Это понятно. А у нас дела, к которым хотят получить доступ журналисты, содержат все материалы предварительного расследования. А предварительное расследование не является гласным и публичным. Поэтому, я понимаю, что вряд ли Европейский Суд занимался этим вопросом, потому что только то ложится в основу каких-то итоговых решений, что прошло через суд. Но как бы эту позицию уточнить?

Требования публичности, о которых говорят ст. 6, 10 и т.д., касаются только судебных стадий, они не касаются предварительного расследования по многим причинам, в том числе и по поводу того, что можно нарушить честь и достоинство людей, которые в начале были с этим связаны (privacy). Так ли надо подходить? Я немножко не поняла. Они же все вместе. Если к делу получает доступ журналист или какое-то иное лицо, не участник процесса, то он,

естественно, знакомится и с материалами предварительного расследования.

О.С. Чернышева. Гарантии ст. 6, и на этот счет существует четкая практика суда, начинают свое действие не с того момента, как начинает заседать суд, а на более ранних стадиях. Если говорить о длительности, о разбирательстве в разумный срок, то длительность судебного разбирательства считается не с того момента, как дело поступило в суд, а в уголовном деле — с того момента, как лицо узнало о предъявленном ему обвинении, в гражданском деле — с того момента, как был предъявлен иск, как он был заявлен в суд.

То же самое касается гарантий третьей части ст. 6. Эти гарантии могут быть нарушены (в частности, гарантия на право защищать себя и право иметь доступ к материалам, которые человека обличают) не только в стадии судебного разбирательства, а с того момента, как было предъявлено обвинение. И если на первоначальном этапе уголовного расследования были допущены какие-то серьезнейшие нарушения в этой части, они могут весь последующий процесс сделать противоречащим ст.6, даже несмотря на то, что уже там, где открылся судебный процесс, этого нарушения не было. Но дефект, который был допущено на начальной стадии, был очень существенным.

Это был общий принцип. Статья 6 не исключает досудебных стадий. Вопрос о доступе к материалам — у меня нет сейчас готового ответа, нет готового прецедента в голове на эту тему. Но, учитывая, что, в принципе, гарантии ст. 6 распространяются на все дело, на разных стадиях статьи гарантии эти будут разные.

Я вам приведу другой пример — это гарантии устного слушания. Во многих европейских судебных системах слушания в высших судах не проводятся. Там только письменная процедура. Например, в высшем суде Германии, в Верховном суде по многим делам процедура проходит только в письменном виде, и суд может принять решение, ни разу так и не заслушав стороны. В этом случае Европейский Суд говорит о том, что такая система допустима, но требование публичности тоже может быть более ограничено на досудебной или другой стадии. Но все должно рассматриваться в контексте. Полностью она не исключается.

И.Б. Михайловская. Гласность, доступность информации, естественно, не одинакова. Я не говорю о праве на защиту. Статья 6 не дает никаких оснований в равной мере распространять эту гласность (публичность) на досудебные стадии. Поэтому, у меня возник вопрос: если мы хотим гарантировать какой-то минимум свобо-

ды доступа к этой информации, то, естественно, эти ограничения надо учитывать. И какие они? Потому что, если вообще ничего по этому поводу не говорить, только говорить есть право доступа к получению информации, то, естественно, столь неопределенная вещь ничего не будет гарантировать, поскольку следствие — тайное.

С.Е. Вицин. Я полагаю необходимым высказать свое суждение по данному вопросу не только потому, что это принципиально важно, с точки зрения законодательного регламента акции, но важно с практической точки зрения — применения права в целом.

Мы здесь должны очень точно определиться, что понимать под судопроизводством. Я полностью согласен с Ольгой Сергеевной, что если прежде в доктрине нашего уголовного процесса уголовный процесс определялся как производство по уголовным делам, которое вовсе не должно было доходить до суда, и могло вершиться до суда и без него, то в концепции нового Уголовно-процессуального кодекса, в ст. 1, говорится, что этот кодекс устанавливает правила судопроизводства, а не так, как предлагалось в предыдущих вариантах проекта этого закона, не так, как это было в предыдущих Уголовно-процессуальных кодексах, правила производства по уголовным делам. Согласитесь, что это совершенно различные вещи.

К одному из достоинств нового Уголовно-процессуального кодекса я отношу именно то, что это кодекс судопроизводства. Таким был устав уголовного судопроизводства, юбилей которого мы недавно отмечали. В пользу того, что вместо советского уголовного процесса мы должны перейти к российскому уголовному судопроизводству, говорит и практика судов, в том числе Конституционного Суда. Мы знаем, что суд отныне включен в этот процесс судопроизводства с самых первых этапов. Конституционный Суд установил, что может быть обжалован даже отказ в возбуждении уголовного дела. Суд уже включен. Давайте будем помнить, что ст. 123 УПК предусматривает возможность обжалования любого решения. А 125 статья говорит о судебном рассмотрении. То есть в данном случае мы должны представлять себе производство в более широком виде, тем более, что в ст. 123 Конституции нет последовательного разрешения этого вопроса. В части 1 (ст. 123 Конституции) говорится о судебном разбирательстве, а в части 3 говорится о судопроизводстве, которое должно быть состязательным на основе равноправия сторон. Совершенно ясно, что российская традиция и черты прошлого законодательства в этой сфере остались. Мы понимаем, что принцип состязательности в судебных стадиях

реализуется по-разному, редуцирован на досудебных стадиях, но, в принципе, мы должны рассматривать весь уголовный процесс как процесс судопроизводства.

И.Б. Михайловская. Это все понятно. Я согласна. Более того, там все это написано, но мы же о другом говорим. Мы сейчас говорили о доступности информации для третьих лиц — для журналистов и т.д., не являющихся сторонами. Поскольку у нас написано, что разбирательство в суде открытое, за исключением особо оговоренных случаев, то уже не имеет значения — опубликована ли потом статья... То есть это уже предано гласности. И то, что в суде оглашено, может быть опубликовано. А проблема стоит относительно материалов предварительного следствия.

Например, отпавшая версия. Она даже не стала предметом исследования в суде. Если эти материалы огласить, то станет известно имя какого-то человека, который, как выяснилось, в уголовном деле не замешан, и другие подробности, которые он не хочет разглашать. А он уже вообще никто — не обвиняемый, ни потерпевший. Обыск проведен у третьего лица. Кто-то пришел на допрос в качестве свидетеля с адвокатом и не хочет, чтобы знали, что он ходил с адвокатом. То есть соотношение социальных ценностей. Где границы? Да действительно, такие границы есть относительно материалов предварительного расследования. Узнает ли то, что было оглашено в суде (или это будет предано более широкой гласности потом), та аудитория, которая там сидела — это уже технический вопрос. Никаких юридических препятствий я не вижу. А что относительно того, что не было в суде оглашено, но есть в материалах дела и не отражено в решении?

С.Е. Вицин. Дополнительная реплика, касающаяся того, что наиболее значимые решения в процессе досудебной подготовки теперь тоже идут через суд. Меры пресечения (кстати, вы и я, мне помнится, настаивали, чтобы все меры пресечения без исключения применялись судом), обыск, который мы назвали — все это является сферой деятельности суда тоже.

И.Б. Михайловская. Все ли материалы, имеющиеся в уголовном деле, могут быть преданы публикации? Или интересы охраны чести и достоинства личности, privacy и, в конце концов, право человека распоряжаться информацией о самом себе должны быть выше? И какие критерии?

О.С. Чернышева. Естественно, ответ на Ваш вопрос — достаточно очевиден. То, о чем Вы говорите — это основание для принятия такого решения и по ст. 6, и по ст. 8. И то, о чем Вы говори-

те, мне кажется, больше похоже на защиту прав личности по ст. 8. — это не интересы стороны в процессе, а, скорее, общий принцип защиты частной жизни. Там, где Вы сопоставляете право журналиста на публикацию какой-то информации по ст. 10 и право лица, информация о котором публикуется, на охрану его частной жизни, действуют те принципы, которые действуют вообще в рамках ст. 8. Ст. 6 даже более сужена в Вашем вопросе, чем то, о чем мы говорим. То есть, журналист каким-то законным образом получает доступ к каким-то материалам, а дальше он уже сам должен решить, будет ли он их публиковать или нет, будет ли он их публиковать полностью или на условиях анонимности, изменив, скажем, имена действующих лиц для того, чтобы сохранить их конфиденциальность. Возможно, он свяжется с ними, уточнит, не против ли они того, чтобы такая информация публиковалась.

В чем состоит общественный интерес к публикации такого рода материалов? (это все — баланс в рамках, скорее, ст. 10 и 8, чем ст. 6). Вот достаточно известный такой пример, по ст. 10: дело «Санди Таймс» («Sunday Times» v. United Kingdom). Это классическое дело, в котором журналист получил доступ к материалам дела. Дело касалось мирного урегулирования находящегося в тот момент в суде спора, одной стороной которого являлась фармацевтическая компания, которая создала известное лекарство, приводившее к очень тяжелым патологиям у беременных (дети рождались без верхних конечностей). В массовом порядке был предъявлен иск, и фармацевтическая компания собиралась заключить с истцами мирное соглашение. Дело уже находилось на рассмотрении суда. Газета «Санди Таймс» каким-то образом получила доступ к этим материалам и собиралась их опубликовать. Фармацевтическая компания добилась через суд так называемого «injunction», т.е. запрета на опубликование этих материалов в связи с охраной интересов правосудия. Через какое-то время материалы, тем не менее, были опубликованы. Газета была подвергнута очень крупному штрафу. Впоследствии информация была опубликована в других материалах, но, тем не менее, это было. И Суд рассматривал этот вопрос именно в рамках ст.10 и в рамках возможности ограничения прессы в интересах правосудия. Суд сказал, что в данном случае, общественный интерес был таков, момент был настолько важен, к тому же, эти материалы в то время рассматривались и в других публикациях, что последующее наказание газеты было непропорционально вмешательству (праву по ст.10 — праву распространять информацию).

Другой пример, касается лица, не связанного с общественной жизнью. Это тоже достаточно известное дело — французское дело «Фрессоз и Руар» (Fressoz and Roire v. France), где речь шла о том, что журналисты достаточно известного общественно-политического сатирического еженедельника опубликовали налоговые декларации двух высших менеджеров компании «Пежо» за какие-то годы. Национальный суд от них требовал раскрыть, во-первых, источники — откуда они получили эти налоговые декларации, а во-вторых, против них было возбуждено административное производство, и они были наказаны в рамках административного производства за нарушение законодательства о публикации таких документов. То же самое. Они (журналисты) обратились в суд по ст. 10 и выиграли дело в Европейском Суде, поскольку Суд сказал, что общественно-политическая ситуация на тот момент была такова, что интересы общества были выше, чем интересы конкретных лиц, чьи налоговые декларации были опубликованы. Суд рассмотрел дело в контексте. А контекст был таков, что в течение трех лет шли массовые увольнения и забастовки на заводе «Пежо», компания сокращала объем производства и зарплату своим работникам, сокращала количество работников. И в это время за эти же три года размер вознаграждения этих высших менеджеров компании вырос в несколько раз. Когда на волне общественного возмущения газета опубликовала эти материалы, то они имели для общества слишком важное значение, чтобы журналистов можно было за это наказывать. Но это делалось в рамках ст.10. То есть баланс между интересами общества и интересами конкретных лиц должен быть учтен.

С другой стороны, если вы посмотрите на дела о защите лиц, которые помимо своей воли оказываются втянутыми в медийный водоворот (например, рассматривавшееся несколько лет назад дело против Германии — дело принцессы Монако (Von Hannover v. Germany), то Суд подходит совсем с другими требованиями. В данном случае интерес общества знать о подробностях личной жизни принцессы был в глазах суда менее важным. Она не являлась ни общественной, ни публичной фигурой, она не претендовала ни на какие публичные должности. Интерес прессы к ней, достаточно назойливый интерес к частной жизни и публикация материалов о ее частной жизни, не были оправданы никаким общественно значимым интересом. И в этом случае имело место нарушение ст.10. Это просто в качестве примеров.

А.В. Смирнов, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета Санкт-Пете-

рбургского государственного университета. С такими оценочными категориями можно очень далеко зайти. Хорошо — здесь налоговая декларация, а завтра французский или Страсбургский суд, рассматривая этот вопрос, решат, например, что раскрытие данных о леденящих подробностях заражения СПИДом кого-либо из участников процесса, опубликованного прессой, тоже имело колоссальное общественное значение. И что, взвесив общественное значение и запрет закона на разглашение медицинской тайны, можно это разгласить? И это не будет нарушением Конвенции?

Это — вопрос принципиальный. Инга Борисовна Михайловская тоже его коснулась, мы его обсуждали на предыдущих саммитах. Он мне кажется очень важным и заслуживает внимания. Дело вот в чем. Если суд решится на то, чтобы в публичном судебном решении, огласив его, затронуть какие-то вопросы, касающиеся личной тайны (например, медицинской тайны, тайны психического заболевания одного из участников при решении вопроса о принудительных мерах медицинского характера), то это совсем не значит, что пресса имеет право это опубликовать. Здесь право человека толерантно такому способу ее разглашения как оглашение судьей в ограниченном локальном судебном заседании — в зале суда, не более того. А дальше публиковать нельзя. Почему? Потому что есть закон об информатизации и информационной деятельности. Там прямо сказано, что если такие данные распространяются, то только с согласия самого лица, либо по решению суда. Нельзя ставить знак равенства между содержанием этих данных в решении суда и формулой разгласить по решению суда. В решение суда должно быть записано: «Опубликовать эти данные», а не просто фактологическое изложение этих данных. Поэтому, мне кажется, здесь права человека важнее. Но, с другой стороны, если все-таки речь идет о весах, то нужно, наверное, использовать строгие формулы закона, а не оценочные суждения.

Л.В. Туманова, декан юридического факультета Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Я бы хотела тоже согласиться с обеспокоенностью Инги Борисовны о том, что, действительно, у нас получается так, что в сферу уголовного судопроизводства и предварительного расследования попадают очень многие лица, которые потом к этому уголовному делу не имеют отношения. Можно привести еще частные примеры, когда прослушиваются телефонные переговоры конкретного лица (телефоном пользуются многие лица, вплоть до коммунальных квартир) и т.п. У нас в Твери даже были случаи, ког-

да под такое прослушивание попали судьи. Т.е. лицо, чей телефон прослушивался, делал звонок судье.

Поэтому, я думаю, что все-таки можно констатировать, что на сегодняшний день никаких нормативно определенных правил, которые бы гарантировали защиту таких лиц, тем или иным образом попавших в орбиту уголовного судопроизводства или уголовного процесса, нет. И над этим нужно думать. И Конвенция, и, в частности, Европейский Суд, неоднократно подчеркивали, что, если стоит вопрос о том, в чью пользу решать — в пользу права на свободное выражение своего мнения и распространение информации, или в пользу охраны частной жизни — то, естественно, в пользу частной жизни. Ну, естественно, в тех пределах, о которых уже говорилось.

И вот, кстати, поскольку коллега упомянул здесь СПИД, то есть одно решение Европейского Суда, связанное с Финляндией, где существует порядок обязательного опубликования решений. Суд при рассмотрении одного из уголовных дел, где речь шла о заражении ВИЧ-инфекцией, и фигурировала бывшая супруга подсудимого, были допрошены врачи, затребованы медицинские карты. И суд вынес такое решение: разрешить опубликование по истечении 10 лет. Супруга, тоже ВИЧ-инфицированная, назовем условно Х (участники процесса шли как Х или Y), обратилась в Европейский Суд. То, что на допрос вызывались врачи, приобщались к делу медицинские карты, Европейский Суд признал необходимым и не счел, что здесь было нарушение частной жизни. А вот в плане принятия решения об опубликовании, даже по истечении 10-летнего срока, Европейский Суд счел, что было, безусловно, нарушение, вторжение в частную жизнь. У нас все информация, связанная с медицинской тайной, не разглашается в течение жизни лица, а по истечении жизни — уже на усмотрении родственников. Там несколько иной порядок.

С.Л. Чижков. Через несколько минут мы уйдем на перерыв, а поскольку вопросов к докладчику больше нет, то я позволю себе занять оставшееся время. Вопрос защиты частной жизни и доступа к судебной информации — это серьезный вопрос. Мы специально будем его рассматривать. Более того, может кто-то помнит, два года назад в Петербурге был проведен специальный экспертный семинар, где обсуждался в том числе и вопрос о том, каким образом производится защита частной жизни в условиях публикации судебных решений в ряде стран.

Есть две крайние практики: США и Нидерланды. В США публикуются все решения без каких-либо купюр. Более того, вопрос о

публикации вообще выведен из ведения судьи, этим занимаются административные структуры судов. Главная задача судьи — принять правильное решение, все остальное — это дело администрации суда. В США вообще очень четко разделены функции судьи и функции администраторов.

В Нидерландах же ситуация буквально противоположная. Там даже не судья, а специальная группа судей принимает решение о публикации, если сочтет, что данное решение представляет интерес для юридической общественности. При этом само решение специальным образом обрабатывается: убираются все персональные данные, а также вся информация о здоровье, имуществе, доходах, финансах и т.д. и т.п. При этом даже если сторона по делу или журналист получил соответствующую информацию в ходе судебного заседания, он не имеет права ее разглашать. Более того, разглашать информацию не вправе даже то лицо, о ком данная информация. Это лицо должно сначала получить разрешение судьи по делу, прежде чем ее раскрывать. Никакой публичный интерес, в том числе и интересы правосудия, в Нидерландах не перевешивает установленных законом прав на личную тайну.

В США же действует другой принцип. Он хорошо виден из ответа судьи Верховного суда штата Массачусетс. Один из российских судей спросил его, все ли его решения публикуются. Он ответил: «Нет, не все! Публикуются только те, что я вынес в письменной форме». А на вопрос о тайне он ответил примерно так: «Если у сторон есть какая-то тайна или стороны хотят, чтобы какая-то информация не была предана огласке, то не надо идти в суд. Суд — публичный институт». Кстати и с материалами дела можно ознакомиться придя в суд, а с протоколом судебного заседания в ряде штатов можно вообще ознакомиться через Интернет.

Я хочу обратить ваше внимание на одну важную деталь, она касается собственно журналистики. Сегодня журналист в принципе не может ознакомиться с материалами дела иначе, как получив согласие одной из сторон. Я не буду останавливаться на вопросе о том, в каких случаях это происходит и какие цели стороны в таких случаях преследуют, скажу только, что к судебной журналистике это не имеет никакого отношения. Собственно судебные журналисты работают в разных жанрах и не всегда для их работы надо знакомиться с материалами дела, но такой жанр как судебный очерк предполагает знакомство с материалами дела. Меня иногда судьи спрашивают, а куда делся судебный очерк, почему сегодня нет ничего похожего на то, что печаталось в «Лите-

ратурной газете» в 70 годы. Тут много причин. Во-первых, судебный очерк — это всегда нравственный портрет на фоне правовой коллизии или некое нравственное размышление автора по поводу правовой ситуации. И эту нравственную проблему можно выявить и точно описать только если ты знаком с делом достаточно детально. Понятно, что в ситуации нравственного релятивизма спрос на нравственное размышление не велик. Но есть и вполне реальная правовая проблема — доступ к материалам дела для независимого журналиста сегодня закрыт. Законный доступ к материалам дела сегодня имеет только нанятый одной из сторон в PR-агентстве «журналист». Вот такой парадокс.

С.Л. Чижков. Сейчас мы услышим доклад Вицина Сергея Ефимовича «Транспарентность уголовного судопроизводства».

С.Е. Вицин. Уважаемые коллеги! Прежде всего, хотел бы отметить то обстоятельство, на мой взгляд, очень важное, что мы обсуждаем проблему, которую в совсем недавнем прошлом мы, вероятно, не могли бы обозначить. Я просто скажу, что в политический правовой лексикон нашего времени вошли термин «транспарентность», который мы не знали совсем недавно, и термин «гражданское общество». Я полагаю, что мы должны рассматривать проблемы, вынесенные в название нашего семинара, именно с учетом этих новых социально-политических правовых реалий.

Хотел бы в связи с этим напомнить, что основной, неперемный признак гражданского общества и правового государства — это то, что по-русски называется открытостью, возможность социального контроля за функционированием и гражданского общества, и правового государства, которые, кстати, отдельно существовать и не могут. Напомню, поскольку мы находимся в здании института Академии наук, что гражданское общество определялось великим философом Гегелем прежде всего как реализация свободы и защита собственности посредством правосудия («Философия права», § 188). Поскольку в нашей истории в недалеком прошлом не наблюдалось ни реальной свободы, ни сколько-нибудь заметной собственности, то мы не говорили и о гражданском обществе. Хочу также напомнить, что более предметное, более конструктивные определения гражданского общества даны современными авторами — Парсонсом, в частности, который говорит, что это общество открытого типа. Опять мы прибегаем к термину «открытое общество», «открытость». И функцией этого открытого общества, конечно, является оборот информации, а все подсистемы этого гражданского общества — экономическая (мы привыкли в первую

очередь ее называть), политическая, правовая, морально-идеологическая (я цитирую Толкотта Парсонса в данном случае) — основаны именно на информационных процессах.

Но здесь мы должны признать, что соотношение гражданского общества и государства, которое становится правовым или пытаются стать правовым, конечно, в представлениях, характерных и для массового сознания, и для профессионального правосознания, для юристов, кажется несколько смещенным. Во всяком случае, я склонен сравнивать взгляды многих наших коллег со взглядами представителей астрономической науки в докоперниковскую пору, когда они были убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. Вот так и мы полагаем, что гражданское общество вращается вокруг государства, на самом деле — все наоборот.

И в этом смысле я хотел бы сказать, что над нами, я прежде всего о себе говорю, довлеют этактические представления о социальных системах, о социуме в целом. Мы привыкли к тому, что есть государство, есть право, и это та основа, на которой держится социум. В общем-то, в наше время, видимо, такой взгляд уже нельзя признать совершенно неоспоримым. Конечно, надо признать, что проявляющаяся в связке схема «государство и право», «право и государство», она, естественно, если и не неверна, то, во всяком случае, недостаточна.

Когда об этом приходится заговаривать, часто говорят: как же, но ведь фактически государство? Да нет, уважаемые коллеги, если мы возьмем и посмотрим хотя бы историю нашего общества, нашей страны на небольшом историческом отрезке времени, то мы увидим, что то гражданское общество, в котором мы существовали и существуем, сейчас излечивающееся гражданское общество, вероятно, сформировалось, предположу, в конце последней трети позапрошлого века, а гражданское общество — это культура, это язык, это религия, это этнические характеристики. Это гражданское общество со своими традициями, культурой, языком, в общем-то, не очень изменилось, а сколько государств на этой территории мы видели за это время — государство до 17 октября 1905 года, государство до февраля — марта 1917 года, государство с начала 1918 года (с 5 января, когда не стало Учредительного собрания), наконец, и государство пролетарской диктатуры, и общенародное государство, и теперь правовое государство, а гражданское общество не менялось. Я в данном случае просто хочу подчеркнуть то обстоятельство, что открытость, транспарентность общества, не дарована великодушным государством, она естественна, имма-

нентна, присуща достаточно сформировавшемуся гражданскому обществу.

Хорошо, не устраивает нас такой временной континуум, возьмем территориальный, пространственный континуум. Кто будет отрицать существование германского гражданского общества, не будем имена называть — Шиллер, Бетховен, Гегель. А сколько государств в недавнем прошлом было и сейчас есть в рамках этого гражданского общества — это и Австрия, и Германия (в недавнем прошлом еще ГДР, Западный и Восточный Берлин), это и Швейцария). А ведь гражданское общество одно, поэтому, наверное, когда мы пытаемся осмыслить ту проблему, которая вынесена в название нашего семинара, с точки зрения реальных характеристик, реальных процессов, то мы, наверное, должны отрешиться от этих так называемых статических представлений. И мы видим: как только государство излишне вмешивается в любую подсистему гражданского общества — экономическую (нам это хорошо знакомо и до сих пор мы это можем наблюдать), политическую (во втором смысле слова), правовую — сразу искажается естественный ход эволюции. И вот точно так же мы, наверное, должны признать, что информация как обязательный элемент существования, функционирования гражданского общества тоже должна представлять собой такую, образно говоря, субстанцию, которая от государства должна зависеть в минимальной степени.

Я говорю об этом только потому, что для нас уже стало привычным, что наши средства массовой информации, и пресса в том числе, уже не то чтобы давно, но несколько лет явно находятся в сфере прямого воздействия государства, в то время как любой непредубежденный юрист, обществовед скажет, что если государство, предположим, и должно издавать газеты, то эти газеты — официозные издания, где публикуются законодательные акты законодательной власти, нормативно-правовые акты исполнительной власти и не более того. Я далее не буду развивать эту мысль, просто в данном случае хочу сказать, что такой подход вытекает из международных актов. Я имею в виду, прежде всего, право на свободу информации, которое, кстати, нашло вполне определенно отражение в российской Конституции. Безусловно, право выражать свои идеи и мнение, как говорится во Всеобщей Декларации прав человека, в европейской Конвенции защиты прав человека и конституционных свобод, конечно же, — это то, что должно в минимальной мере регламентироваться государством. Вот с этого, наверное, из этой посылки мы должны исходить, обсуждая сегодняшнюю проблематику.

Кроме того, я не скрою, меня несколько удивил подход, который у нас здесь с самого начала проигрывался. Обратите внимание, мы чаще говорим, больше говорим не о транспарентности судебной власти и правосудия (естественно, судебная власть реализуется в форме правосудия различных видов), а мы говорим о соотношении «суд — журналист». Я полагаю, что проблемы не так должны определяться. Именно судебная власть, ее функционирование через правосудие во всех его видах, и общество, гражданское общество, о котором мы говорим. А те, кто занят в средствах массовой информации, коллеги-журналисты — это, так сказать, только определенная структура в системе гражданского общества, предназначенная для того, чтобы быть, образно говоря, рупором народа. И поэтому я попытаюсь хотя бы кратко поговорить именно о взаимоотношениях судебной власти, правосудия, в том числе уголовного, как весьма своеобразного вида судопроизводства, и тех форм социального контроля за ними, которые существуют.

Прежде всего надо признать, что судебная власть, в отличие от двух других ветвей власти, по своей сущности, по ее предназначению, может функционировать лишь как открытая власть. Это известно очень давно, и, кстати сказать, именно судебная власть, видимо, утрачивает больше всего, когда ограничиваются или просто исключаются какие-то возможности социального контроля за ней. И вот здесь совершенно правильно говорилось, причем мы совершенно естественно подошли к этой проблеме, о соотношении, которое должно определяться, как докладывала Ольга Сергеевна Чернышова, на основе принципов, получивших отражение в международных актах, прежде всего, принципа пропорциональности. У нас он не очень известен, хотя в ст. 55 Конституции есть указание на этот принцип, т.е. речь идет о том, чтобы именно судебная власть находила баланс между различными интересами.

И конечно, здесь опять встают проблемы, связанные с тем, что личность — это, прежде всего, частичка гражданского общества, а во-вторых уже — гражданин, а может быть, не гражданин, поскольку мы знаем, что в нашей Конституции одни и те же права гарантированы и гражданам, и тем лицам, которые гражданами в нашей стране не являются. И конечно, существуют ситуации, здесь о них говорили, когда приходится очень трудно отыскивать этот оптимум, золотую середину, между публичными интересами и частными интересами, приватными, приватностью. Здесь, конечно, возникает вопрос о том, не только каковы законы на этот счет, но и каковы правовые традиции, в которых существует российское

гражданское общество, каковы те правовые традиции, которые восприняты и обществом, и нашим массовым сознанием. А ведь здесь и для юриста тоже есть, над чем задуматься.

Мы привыкли к тому, что право — это то, что гораздо выше всяких традиций, обычаев, но ведь еще Плиний Старший, позвольте выказать эрудицию, говорил, что обычай — в сердцевине закона. И когда мы выражаем сомнение по поводу этого утверждения, я склонен привести один очень простой пример: по-моему, ст. 51 Конституции, где законодатель, выражаясь высоким слогом, называя законодательные органы, указывает, что не обязаны мы давать показания против определенной категории лиц — есть свидетельский иммунитет, воспроизведенный в законах о судопроизводстве, уголовном и других. Странно — как это закон в данном случае пасует перед чем? Да перед традицией, перед обычаем, перед теми отношениями, которые выше, чем хотелось бы видеть их законодателю. Ну а потом, в связи с этим, мы должны признать, что включенность общественности, как мы привыкли говорить, общества в процесс отправления правосудия — это необходимый признак и гражданского общества, и правового государства. И мы видим, что и в Конституции сейчас отражена вот эта позиция — указано, что граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия — я цитирую в данном случае ч. 5 ст. 32 — в качестве присяжных заседателей, и других заседателей — не будем забывать, что есть еще арбитражные заседатели. В связи с этим не скрою некоторое недоумение по поводу того, что коллега Игорь Леонидович, соавтор концепции судебной реформы, как и Инга Борисовна, высказываются за то, чтобы не рассмотреть ли вопрос о возвращении народных заседателей. Ну я думаю, что... (Реплика)

Нет, нет, Инга Борисовна, я сказал о том, что и вы, и я, и коллега профессор Петрухин, соавторы концепции судебной реформы. Так вот, возвращение к этой, сказал бы, необычной, уникальной форме отправления правосудия вряд ли оправдано. Я, скорее, хотел бы сказать, что оно совершенно недопустимо.

На одном из последних заседаний Совета по вопросам совершенствования правосудия одна коллега, член этого Совета, сказала: «А вот почему бы нам не рассмотреть вопрос о возвращении каких-то идей, каких-то положений социалистического права?» Я в своем выступлении сказал, что я не берусь даже комментировать это предложение. И, думаю, что в данном случае не следует даже обсуждать эту проблему, тем более что ведь сам термин «народные заседатели» — напомним, что он идет в ряду тех демагогических на-

званий, которые знал наш закон и правоприменительная практика недавнего прошлого: нарсудьи, народные следователи — нарследы, нарзасы, но я думаю, что, дело даже не в названии, дело в том, что мы можем ориентироваться на другие формы участия общественности в отправлении правосудия.

Естественно, здесь возникал вопрос о суде присяжных. Естественно, нам впору размышлять о том, как расширять компетенцию суда присяжных, и расширять не только в рамках уголовного судопроизводства, но расширять ее, ориентируясь на сферу иных видов судопроизводства — предположим, гражданского судопроизводства.

Как, Лидия Владимировна, вы на это смотрите? Ведь дело в том, что когда мы сетуем по поводу того, что мы становимся коррумпированным обществом, хотя коррумпированным обществом мы были и раньше, просто мы как-то забыли, что были имена Рашидова, Медунова, Мжеванадзе, не хочу перечислять, и т.д. Дело в том, что новые условия — это новые возможности для проявления коррупции. Надо иметь в виду, что суд присяжных и в уголовном судопроизводстве, и в гражданском судопроизводстве — это та форма социального контроля, выражаясь языком социологическим, которая на самом деле ограничивает возможности и простор для коррупционной деятельности. Но это, между прочим.

И вместе с тем, я хотел бы отметить, что участие гражданского общества в отправлении правосудия и принцип транспарентности, открытости — они проявляются в очень многих положениях и законов, и Конституции.

Правда, возникает вопрос об уголовном судопроизводстве. С какого момента вот эта сторона, в данном случае сторона защиты, должна получать сведения о том, что возбуждено и расследуется уголовное дело по обстоятельствам, которые касаются определенного лица. Это, может быть, частная, но очень важная проблема, касающаяся обеспечения открытости правосудия. В других системах правосудия эти вопросы как-то решаются.

А вот вы знаете, что у нас фактически возможна ситуация, когда в отношении кого-то, какого-то гражданина Н. ведется расследование длительное время, и он знает, что ведется расследование, и предполагает, что в конце концов это обернется для него определенными последствиями. Но одна сторона, в данном случае сторона обвинения, ничем не обязана уведомить его, что в отношении него ведется расследование. И здесь, конечно, если далее проследить формы, в которых реализуется принцип открытости, это то, о чем мы говорили, это в любом случае открытая форма изложения судебного решения.

Очень много и давно говорили о том, чтобы для этого использовать современные информационные технологии. И в 2000 году, помнится, было подобное заседание. Мы говорили, что надо использовать те возможности, которые есть. Подобно тому, как это имеет место, кстати, в практике Высшего Арбитражного Суда — давать возможность обозреть все решения кому только захочется. Но здесь, как раз, мы сталкиваемся с тем, о чем уже зашла речь, т.е. речь идет о принципе диспозитивности, и позвольте в данном случае включиться в решение того, что может стать достоянием гласности, а что должно быть скрыто от общественности — об этом довольно много говорили. По-моему, Александр Витальевич процитировал закон «О средствах массовой информации», эти вопросы должны, конечно, решаться судом. И в данном случае большее место должно занимать именно судебское усмотрение, большее чем, даже может быть, законодательная практика.

Безусловно, что право на уважение частной, семейной жизни — это говорится в европейской Конвенции, а у нас говорится о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени — ст. 23 Конституции. Конечно, мы не можем лишать лицо, которое попало в орбиту судопроизводства, вот этого права. Но, повторяю, это должно решаться именно судом.

Говоря, хотя бы кратко, об уголовном судопроизводстве, я хотел бы напомнить, что это ведь своеобразная отрасль судопроизводства. Совсем недавно в стенах этого здания очень много было сказано и написано по поводу того, что, пусть это не прямо говорили, что уголовное судопроизводство — это основной, определяющий, главный вид судопроизводства. Точно так же, как в недавнем прошлом, пусть молодые ученые не удивляются, основной отраслью права у нас, конечно, было уголовное право, что очень легко прослеживается на профессиональной ориентации выпускников вузов. Сейчас, как вы знаете, никто не спешит работать в сфере уголовного права, а, как это имеет место в нормальных условиях нормального правового общества, люди стремятся в иную сферу, к вам, Лидия Владимировна, что вполне понятно, поскольку уголовное право, уголовно-процессуальные отношения — это то, куда человек часто попадает помимо своей воли, на свою беду, к своему несчастью, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, а в сферу гражданского судопроизводства мы попадаем с момента рождения и даже раньше, когда речь идет о праве наследования.

И, конечно же, Уголовно-процессуальный кодекс потому, я полагаю, и подвергается особой критике, поскольку он оказался

слишком отдаленным от тех привычных для большинства правоприменителей, да и специалистов, положений. В данном случае я просто хотел бы сказать, что Уголовный кодекс приняли раньше, в 1996 году, однако он вступил в действие 1 января 1997 года, а 8 декабря 2003 года в него внесли такие изменения, что теперь впору говорить фактически о новом Уголовном кодексе. А вот Уголовно-процессуальный кодекс принят позже, но, видимо, он оказался в этом смысле более продвинутым. Я понимаю, что термин не очень точный, но, во всяком случае, он больше соответствует и международным актам, и решениям Конституционного суда, и традициям, которые мы воспринимаем от Устава уголовного судопроизводства, ну и, конечно, Российской Конституции.

Я полагаю, завершая свое краткое выступление, что мы должны достаточно четко видеть перспективы расширения реализации принципа открытости, гласности судопроизводства с учетом современных информационных технологий. И все-таки мое глубокое убеждение в том состоит, что должны быть минимизированы те случаи во всех видах судопроизводства, когда приходится отступать от этого принципа. Здесь говорили о практике германского правосудия, когда условными символами обозначают стороны. Есть другие формы, но, в конце концов, скажу вам, что для подлинного научного обобщения практики, для подлинно научного обоснования тех предложений, которые идут в законодательные органы, надо, конечно, иметь, для исследователя прежде всего, возможность обратиться ко всему массиву решений, которые существуют во всех видах судопроизводства. А ограничения на этот счет должны быть минимизированы.

Спасибо за внимание. Вот то, что я мог сообщить вам в ответное для меня время. Спасибо.

С.Л. Чижков. Большое спасибо, Сергей Ефимович. Вы, безусловно, правы, вопрос следует ставить не таким образом, как соотносятся СМИ, их права и свободы, и судебная власть, а рассматривать СМИ именно как часть, институт гражданского общества, и тогда будет более понятным требование прозрачности.

И.Б. Михайловская. Вы знаете, все время, когда слушаешь термин вообще «гражданское общество», у меня все время возникает вопрос, думаю, что не только у меня: чем гражданское общество отличается от общества?

С.Е. Вицин. Уважаемые коллеги! Я полагаю, что на первый взгляд лишь кажется, синонимами термины «общество», «гражданское общество»; «государство», «правовое государство»; «за-

кон», «право». И, обратите внимание, что до недавнего времени этот термин никак не обнаруживался в нашей политической, правовой лексике, а ведь все дело в том, что мы же не называем правовым государством в полной мере Третий рейх, пол-потовскую Кампучию, Советский Союз. Почему? Да потому, что там были законы, но не было права. А различие между правом и законом отмечалось у Фейербаха.

И точно так же гражданское общество. В гражданском обществе именно традиция, культурная традиция стоит над законом. А в политическом — мы его видели совсем недавно — было совсем наоборот.

В.И. Руднев, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения, кандидат юридических наук. Сергей Ефимович, вот Вы говорили в отношении народных заседателей, что нет необходимости обсуждать этот вопрос, то он решен, но ведь это противоречит федеральному конституционному закону «О судебной системе в Российской Федерации», согласно которому участие населения в отправлении правосудия предусмотрено в качестве народных, арбитражных и присяжных заседателей. А федеральный конституционный закон является органическим законом, по существу, конституционным законом, и федеральные законы, которыми являются УПК и ГПК, не должны ему противоречить, согласно ст. 76 Конституции.

Потом что касается самих народных заседателей. Возьмем Финляндию — там не два — участвуют три народных заседателя. И там проблем нет. Может быть, проблемы не в законе, а в способах отбора заседателей, в формах их участия в деятельности судов? Может, над этим стоит поработать, потому что и представители правозащитных организаций в некоторых субъектах Федерации предлагали своих подготовленных граждан. Они имеют и образование, и навыки, и т.д., которые будут весьма достойно представлять население — и студенты юридических вузов, и отставники, и др. Как это, мы же не можем отказаться от них? Спасибо.

С.Е. Вицин. Может быть, может быть. Но, тем не менее, я убежден, что если мы озабочены тенденциями демократизации российского правосудия, то нам есть над чем подумать в других направлениях. По другим вариантам развития. Ну, прежде всего напомним, что наша судебная система сейчас искажена. Пользуясь непарламентарными выражениями, она кособока или кривобока, как угодно.

Дело в том, что пирамидальность и в физическом, и в социальном мире — это свойство, наверное, системы. Но в данном случае

обратите внимание: в других странах, да и в России до 1918 года, даже позже, основой судебной системы была мировая юстиция. Сейчас появились мировые судьи. С большими трудами. Но дело в том, что основная масса дел рассматривается не в рамках этого основания, а чуть выше — на районном уровне. Напомню вам, что в Великобритании, по-моему, более 90% дел рассматривается именно мировыми судьями. Которые, кстати говоря, — о присутствии народного элемента — эти судьи юристами не являются, зарплату не получают. И, насколько я могу делать вывод, взятки тоже не берут, поскольку это самые уважаемые, во всяком случае, если не избранные, то уполномоченные общиной рассматривать всякие дела, коллизии и т.д.

Кстати сказать, попутно замечу, что когда формировалась и концепция судебной реформы, начали ее здесь вот разрабатывать под лестницей, в группе под руководством Виктора Марковича Когана. Инга Борисовна помнит это. Так вот, тогда ведь и считали, что меры пресечения, в том числе арест — должны быть в компетенции мировых судей. Мы побоялись это сделать и отдали на уровень районных судов. Вот один из путей демократизации российской судебной системы.

А другой путь, на мой взгляд, совершенно обязательный на данном этапе развития судебной системы нашей страны — это введение повсюду апелляции, так, как это указано в ст. 50 Конституции, в международных актах. То есть человек должен иметь право на пересмотр приговора и общесудебного решения. А случилось так, что у нас введена апелляция, но где? В арбитражном судопроизводстве. Хорошо. Но, правда, достижение уже то, что эту инстанцию отделили от той, где рассматривались дела по первой инстанции. А во-вторых, в рамках мировой юстиции рассматриваются далеко не самые сложные, самые важные дела. Так вот, введение апелляционного начала на всех уровнях судебной системы — путь демократизации. Мы вправе ожидать, что развитие российской судебной системы пойдет по пути распространения судов присяжных на любые виды правосудия.

С.Л. Чижков. Спасибо большое. У нас еще будет время на дискуссию. Но сейчас по графику второе выступление. Пожалуйста, Владимир Ильич.

В.И. Руднев. Дорогие коллеги! Все немного устали. Я поэтому постараюсь быть немножко лаконичнее и говорить немного поменьше, конечно.

Во-первых, я считаю, что наша тема и тема конференции актуальны, тем более недавно прошел VI Съезд судей, на котором

выступал, как вы знаете, председатель Верховного Суда Лебедев. И вот я здесь зачитаю. В «Российской газете» от 7 декабря его статья, где указано, что за прошедший, то есть 2003 год, было опубликовано 493 негативных материала о судебной системе. Но здесь не сказано, сколько вообще было опубликовано материалов, и сколько из них являются негативными. 493 материала — это или Председатель Верховного Суда считает, что все материалы, опубликованные о судах, негативные, или же это выборочная подборка.

Да, за прошедший 2003 год. Но я считаю, что если 500 публикаций было, это, наверное, не так много, учитывая, что у нас около 18 тысяч судей судов общей юрисдикции. Суды рассматривают от 1 до 2 миллионов, несколько миллионов гражданских дел, поэтому количество публикаций, наверное, не так много. Но здесь же он, председатель Верховного Суда призывает к тому, чтобы мы не обижались на средства массовой информации и устанавливали с ними сотрудничество — это не наши оппоненты, а наши союзники.

Ну вот, в развитие этого призыва председателя Верховного Суда я хотел бы сказать, что проблемы взаимоотношений судов с четвертой властью, конечно, многоаспектные. Остановлюсь, на таких ключевых вопросах, на мой взгляд, проблемах которые относятся к теме моего выступления — к проблеме доступа к судебной информации.

Во-первых, я считаю, что у нас, к сожалению, представители средств массовой информации особо не выделяются среди лиц, которые участвуют или присутствуют в ходе судебного заседания. Вообще представители средств массовой информации не относятся к участникам судебного разбирательства — это лица, которые присутствуют в зале судебного заседания. Поэтому если мы обратимся к нормам процессуального отраслевого законодательства — гражданского, арбитражного, уголовно-процессуального, то не увидим представителей СМИ в числе участников, мы увидим их в числе присутствующих лиц.

Однако, мне кажется, такое выделение должно быть, чтобы мы могли повысить роль представителей средств массовой информации. Почему я об этом говорю? Потому что если мы обратимся к европейской Конвенции по правам человека, к ст. 6, о которой говорила Ольга Сергеевна, кстати, то здесь говорится о прессе и публике, т.е. отдельно выделяется и пресса, и публика. Мне кажется, что это важно. Почему? Потому что, когда суд принимает какое-либо решение в процессе рассмотрения того или иного дела,

то это решение распространяется на всех присутствующих в зале судебного заседания лиц, включая и журналистов — представителей СМИ, и публику, собственно говоря. Однако представители СМИ не относятся просто к лицам, не относятся к публике. Они занимают свое особое процессуальное положение, которое, к сожалению, о чем я и говорил, не выделено. Например, принимается решение судьей о том, чтобы запретить звукозапись. Судья видит, что присутствуют родственники подсудимого, а этот запрет распространяется в том числе и на журналистов, на представителей СМИ. Хотя это, конечно, неправильно. И вот когда принималась инструкция Судебным департаментом, которая касалась доступа журналистов к правосудию, и принимал решение Верховный Суд, согласно которому было отказано представителям СМИ присутствовать при рассмотрении судебных процессов, здесь была ссылка Верховного Суда на ст. 34, 35 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации. Но эта ссылка не является правильной, потому что здесь говорится об участниках гражданского процесса, а представители СМИ не являются участниками гражданского процесса — это лица, которые присутствуют в зале судебного заседания, поэтому здесь Верховному Суду надо было ссылаться, конечно, на ст. 10 Гражданско-процессуального кодекса, которая регламентирует гласность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве. Так вот, в части 7 этой статьи говорится о лицах, участвующих в деле, и гражданах, присутствующих в открытом судебном заседании, имеющих право в письменной форме, а также с помощью средств аудио-, видеозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. К числу граждан, присутствующих в открытом судебном заседании, относят и представителей СМИ. Поэтому представители средств массовой информации, по существу, приравниваются к лицам, пришедшим в судебное заседание послушать и зафиксировать что-либо, происходящее в зале суда. И не исключено, о чем я говорил, председатель суда может принять свое решение, и это решение будет распространяться и на публику, и на представителей СМИ. Поэтому, мне кажется, нормы процессуального законодательства — уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального, должны учитывать присутствие в ходе судопроизводства именно представителей СМИ, причем отдельно от других лиц.

И, может быть, когда будет выделено правовое положение представителей СМИ в ходе судебного заседания, то, это, конечно, может повлиять в лучшую сторону на доступ представителей СМИ

к информации. Соответственно, если будет выделено правовое положение журналистов от других лиц, которые присутствуют в зале судебного заседания, то здесь может различаться режим пропуска в залы судебных заседаний, т.к. они не будут рассматриваться просто как посторонние лица, которые пришли в зал судебного заседания послушать. Они будут в своем правовом положении, которое будет их отличать от других граждан.

Но, к сожалению, наши судьи не руководствуются ничем иным, не руководствуются законом «О средствах массовой информации»; многие и не знают этот закон, другие законы не знают, которые в той или иной мере регламентируют деятельность представителей СМИ. Поэтому они руководствуются УПК, ГПК, Арбитражно-процессуальным кодексом, где просто перечислены лица, присутствующие в зале судебного заседания. А так как представители СМИ не выделены отдельно от других лиц, то происходят различные отказы представителям СМИ.

Но, по моему мнению, исходя из ч. 5 ст. 29 Конституции, представители СМИ имеют право получать информацию любым законным способом и, в отличие от других категорий лиц, с момента сдачи дела в канцелярию, должны, во всяком случае, иметь право получить хотя бы копии документов из дела, разумеется, не предавая их огласке до вступления решения суда в законную силу. Возможно, что они должны быть предупреждены об этом. Но они, представители СМИ, также могут получить какие-то документы у сторон. Например, если судом были вынесены какие-то решения и материалы были приобщены к делу. Это также, касается ходатайств, заявленных защитником, в частности, об изменении меры пресечения по уголовному делу, о назначении какой-либо экспертизы — сторона может предоставить журналисту такие документы. Разумеется, журналист может получить интервью у участников процесса, также у участников процесса можно получить копии промежуточных судебных решений, которые им вручал суд, например, о продлении срока содержания под стражей и т.д. То есть часть документов, конечно, представители СМИ могут получать при рассмотрении дела.

Я хотел бы еще остановиться на вопросе, связанном с закрытым судебным заседанием. Это тоже связано с тем, что журналисты и присутствующие в зале лица не разделяются между собой. И когда принимается решение о проведении закрытого судебного заседания, это решение также распространяется на всех присутствующих в зале судебного заседания лиц. Но не все виды тайн могут

являться одинаковыми, например, государственная тайна или же коммерческая тайна, служебная тайна. И в некоторых случаях журналисты могут хранить тайны, не разглашать сведения о лицах, являющихся участниками судебного разбирательства. Поэтому возможно, что не во всех случаях при проведении закрытых судебных заседаний представители СМИ не могут быть допущены к участию в деле.

Вот сегодня разгорелась полемика по поводу закрытых судебных заседаний. Есть такие случаи, и не исключено, что иногда под видом необходимости проведения закрытого судебного заседания представители СМИ к участию в рассмотрении дела судом не допускаются. Хотя на самом деле судом при этом могут преследоваться иные цели, не связанные с обеспечением проведения закрытого судебного разбирательства.

Мне кажется, в развитие нашей темы можно проводить и далее исследования: в каких именно случаях представителям СМИ отказывали в доступе в зал судебного заседания, по каким основаниям их не пускали туда, что в таких случаях предпринимали представители СМИ и каково вообще правовое положение журналистов, что они должны делать в этом случае, как, куда они должны обращаться в данный момент, если их не допустили, в последующие моменты, кто этим должен заниматься. Это важные вопросы, которые, мне кажется, должны, требуют определенной теоретической разработки. Журналисты, получая доступ к судебной информации, должны иметь право хранить журналистскую тайну. И журналист может получить какие-либо сведения в ходе осуществления определенных действий.

Мне кажется, что журналистская тайна в уголовном судопроизводстве не обеспечена на достойном уровне. Так, в ст. 144 УПК, которая называется «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», предусмотрено, что по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания или следователь. И здесь же указано, что редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора следователю или органу дознания имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении. Из этого следует, что не только журналист, но и главный редактор, а также редакция беспрепятственно, без каких-либо оговорок, обязаны предоставить органам, осуществляющим уголовное преследование, определенные мате-

риалы, даже если они полагают, что требования органа дознания, следователей, прокурора являются незаконными, необоснованными. При этом в законе не указано о судьбе материалов, которые будут изъяты из редакции, их возвращении владельцам и т.д. Может возникнуть ситуация, когда таким изъятием материалов будет закрыт или ограничен доступ к судебной информации для представителей средств массовой информации. В частности, они будут допрашиваться в качестве свидетелей материалов, которые они получили, и т.д.

Мне кажется, в этой ситуации необходимо повысить уровень правовой защищенности журналистов, установив именно судебный порядок изъятия документов. То есть должно быть решение суда о том, чтобы эти документы, которые хранятся в редакции, у главного редактора, изымались на основании судебного решения. Кстати, Игорь Леонидович, Вы писали об этом, о необходимости повысить уровень тайны. И когда беспрепятственно и просто под надуманными предложениями у журналиста могут изъять документы, следовательно, даже дознаватель может прийти и изъять документы, нарушить не только журналистскую тайну, но и тайну переписки. Если какой-то автор написал журналисту, здесь же тайна корреспонденции, ч. 2 ст. 23 Конституции: каждый имеет право на тайну переписки. Однако наш Уголовно-процессуальный кодекс нарушает по существу конституционное положение и дает возможность просто так беспрепятственно изъять эти документы.

Первый мой тезис был о том, что надо выделять журналистов из числа лиц, которые присутствуют в зале судебных заседаний. Второй тезис — о необходимости повышения уровня правовой защищенности журналистов: их деятельность должна обеспечиваться судебными гарантиями, в данном случае, когда у них изымаются документы. С другой стороны, это может обеспечить доступ к правосудию.

Еще хотелось бы остановиться на том, что когда принимается решение о допуске журналистов в процесс, бывает, что некоторые судьи просто дискредитируют представителей средств массовой информации в судах общей юрисдикции. Я не знаю, как обстоит дело в арбитражных и других судах. Но они говорят участвующим в деле сторонам всякие неприглядные вещи. И бывает: журналист ничего не может предпринять, и принимается решение о том, чтобы журналисты не участвовали в деле, не допускали бы их к процессу. Поэтому необходимо проработать вопросы, когда журналист прибывает, как он должен представляться, что он должен го-

ворить, каким образом он должен себя вести. И все это, конечно, может повлиять на допуск к судебной информации, тем более, что многие граждане никогда не имели отношения к СМИ и не знают, что будет журналист писать, и т.д.

Если обратиться к ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где говорится о ведении фотографирования, видеозаписи, то она предусматривает разрешение этих действий решением председательствующего. Конечно, если бы журналист имел возможность довести до сторон и председательствующего свои права и обязанности, то, возможно, вопрос с доступом к судебной информации был бы решен положительно.

Еще я хотел бы остановиться на таком вопросе, как использование скрытой записи. Скрытая запись — это ст. 50 закона «О средствах массовой информации». Представители средств массовой информации вправе использовать скрытую запись при записи каких-либо событий и т.д. Для этого не требуется решения суда. Здесь встает вопрос о том, когда журналист собрал определенную информацию и когда он должен разгласить информацию, полученную скрытым способом, каким образом он может ее разгласить и где он может разгласить. Если проводить параллель с законом «Об оперативно-розыскной деятельности», то здесь, как мы знаем, сотрудники, осуществляющие такую деятельность, также могут проводить различные негласные мероприятия. Но они приобщают свои документы, полученные негласно материалы, без решения суда. Они могут их представить органам предварительного расследования. В то же время, когда журналист использует скрытую запись, он должен получить на это разрешение суда, но неизвестно, какого суда — или по месту нахождения средства массовой информации, или где-то в другом месте. Во всяком случае этот вопрос тоже нуждается в разработке, потому что журналисты могут сотрудничать и с представителями органов внутренних дел, и другими. Но насколько это будет этично и тактично? Хотя, бывает, их используют представители средств массовой информации и т.д. Это, конечно, этический вопрос, который также, мне кажется, требует разработки.

Ну и в связи с этим важный, мне кажется, вопрос — о журналистском расследовании. Потому что мы знаем журналисты проводят расследования. Но этот вопрос до конца не урегулирован. Каким образом журналисты могут проводить журналистское расследование, какая информация может быть использована в порядке проведения журналистского расследования, что может входить

в предмет журналистского расследования? Если будут разработаны эти нормы, может быть, журналисты на период проведения журналистского расследования должны обладать определенными гарантиями. Например, они не могут быть допрошены по тем вопросам, той информации, которую они получили в ходе проведения журналистского расследования.

Кстати, этот вопрос ставится. Это вопрос наделения журналистов иммунитетом, когда журналисты не должны допрашиваться по тем вопросам, которые были им известны, потому что наше законодательство не дает возможности журналистам развернуться в полной мере, и они имеют недостаточно прав, они недостаточно защищены. Поэтому я считаю: этот вопрос тоже нуждается в разработке.

То, что касается народных заседателей, я не буду на этом долго останавливаться. Скажу, что у нас случай есть, когда действительно подготовленные лица, которые обладают определенными знаниями, — не бабушки, не пенсионеры преклонного возраста, а довольно активные люди, которые занимают активные позиции и т.д. Они могут участвовать в судебных процессах в качестве, может быть, не народных, а просто заседателей. Этот вопрос тоже должен быть решен. Это вопрос, кстати, и доступа граждан к судебной информации, когда они будут говорить о том, что видели в судах и т.д.

Возможно взаимодействие журналистов с Уполномоченным по правам человека, с аппаратом уполномоченного и взаимодействие журналистов с уполномоченными в субъектах. уполномоченные в субъектах Российской Федерации (у нас их 20 с чем-то) к сожалению, имеют меньше прав, чем федеральный уполномоченный: Они не имеют права знакомиться с уголовными делами, хотя эти вопросы ставились, чтобы их наделили правом знакомиться с уголовными делами, по которым приговоры вступили в законную силу. Если они будут знакомиться с этими делами, то смогут какую-то информацию предоставлять журналистам. И этот вопрос доступа к информации может быть также решен.

Дискуссионный вопрос — урегулирование доступа к судебной информации в ходе досудебного производства. Я позволю себе обратиться к проекту УПК, который был подготовлен в редакции ГПУ, всем известной, в 1994 году. Здесь была ст. 41 этого проекта, которая говорила о том, что органы уголовного преследования вправе по просьбе участников уголовного процесса или представителей СМИ выдавать им за умеренную плату, не превышающую стоимости копирования и расходных материалов более чем в два раза, копии

протоколов допроса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, копии других материалов дела. Представители СМИ не могут предавать материалы досудебного производства по уголовному делу огласке без разрешения прокурора, следователя, дознавателя, если они были ознакомлены с ними органами уголовного преследования непосредственно или через других лиц. То есть эта проблема может быть решена, и некоторые материалы уголовного дела в копиях могли бы выдаваться, если бы такое законодательное решение было принято. Конечно, журналист не публиковал бы эти материалы, но во всяком случае он был бы подготовлен к процессу, он бы знал, отслеживал это дело и, конечно, это повлияло бы на эффективность дальнейших публикаций, на их правдивость, объективность, полноту и т.д. Но, к сожалению, в новом УПК об этом не говорится. В нем предусмотрены такие случаи, которые практически не дают возможности в ходе предварительного расследования получить какие-либо копии из документов. Не обязательно, конечно, знакомиться с материалами уголовного дела, но копии документов могли бы получать. И этот вопрос должен быть решен. Я думаю, что журналисты на это имеют право, конечно, с соблюдением тайны судопроизводства и т.д. Но некоторые материалы они могли бы получать. Этот вопрос тоже нуждается в дальнейшей разработке.

Ну вот то, о чем я говорил на предыдущем заседании, касается квалификационных коллегий судей, о том, что у нас недостаточная освещаемость деятельности квалификационных коллегий судей, когда мы не знаем, какие промежуточные решения квалификационные коллегии судей принимают, какие они обсуждают вопросы, почему они приходят к тому или иному мнению. Журналистов они туда не пускают, журналистам не удается получить полную информацию о квалификационных коллегиях судей, об их деятельности. Между тем они же решают весьма важные вопросы. Поэтому, конечно, представители СМИ должны получить доступ к деятельности квалификационных коллегий судей. Но в этом же направлении следует представителям СМИ получать сведения о кандидатах на должности судей, потому что у нас вообще информация носит закрытый характер, и мы не знаем, а потом говорим: «А судьи кто»? «Почему тот или иной человек стал судьей»? Хотя, если бы представители СМИ имели возможность публиковать какую-либо информацию о кандидатах на должность, получать ее в судебных органах и в тех органах, которые связаны с назначением на должность судей, конечно, эта информация была бы прозрачной, обеспечивалась бы гласность, транспарентность правосудия.

В СМИ публикуется только информация об имеющихся вакантных должностях судей. Затем иногда публикуются сведения о том, какие лица были назначены на должность, причем эта информация исходит от органов судебной власти. А какие-либо комментарии при этом не приводятся, представители СМИ на страницах печати эти факты не обсуждают вследствие отсутствия доступа к такого рода судебной информации. Публикация сведений о кандидатах на должность, безусловно, может способствовать повышению уровня открытости судебной системы. Здесь может быть использована различного рода информация, тем более, информация в отношении судей с испытательным сроком, которые претендуют на должность без ограничения срока полномочий. Я сам знаю случаи, когда не вполне достойные лица назначали на должности судей без ограничения срока полномочий, потому что информации о них почти никакой не было. Они проходили процесс назначения на должности судей келейно, хотя адвокаты, прокуроры, следователи, которые с ними имели отношения, могли бы выступить, использовать СМИ. Информация об этих кандидатах на должности судей могла бы быть использована.

Вот еще такой тонкий вопрос - взаимоотношения между судьями и председателем суда. Лев Семенович знает эту проблему, и вот как ее освещать? Открытой должна быть печать или для служебного пользования? Потому что иногда председатели суда, как мы знаем, оказывают давление на судей. Создается своего рода круговая порука, когда неугодных судей или не назначают на должность пожизненно, или же пытаются от них избавиться. Это, кстати, тоже вопрос доступа к судебной информации. И вот насколько целесообразно вообще такую информацию публиковать (о том, когда эти судьи были не назначены на должность) они обращаются в различные органы. Никто не может их поддержать. Все мы знаем об этом, на примере Пашина в том числе.

Вопрос, связанный с оповещением о судебных процессах, когда судебные процессы должны оповещаться. Представители Судебного департамента, если бы они здесь были, наверное, сказали, как они планировали бы оповещение граждан и использование представителей СМИ в будущих судебных процессах, как это должно происходить, потому что в федеральном законе «О Судебном департаменте» указано: Судебный департамент организационно обеспечивает деятельность судов, устанавливает и развивает связи с различными органами. Конечно, Судебный департамент организационно должен помочь обеспечить участие представите-

лей СМИ в судебном процессе. Должно быть предусмотрено, каким образом это будет оповещаться.

В УПК 1994 года, на который я ссылался, было указано, что суды оповещают население о своих заседаниях путем вывешивания соответствующих объявлений в специально отведенных доступных для всех местах занимаемых ими помещений, а также могут использовать в этих целях СМИ на согласованных с ними условиях. Мне кажется, что у нас такой практики почти нет, и СМИ очень мало, наверное, привлекаются к тому, чтобы оповещать о судебных процессах, о будущих судебных процессах и т.д.

Вопрос о том, как должна размещаться публика и СМИ в судебных процессах. Опять же в этом УПК говорится (в проекте): произвольное распределение приглашений и пропусков для посещения судебных процессов не допускается. В случае, когда есть основания полагать, что в зале судебного заседания не смогут разместиться все желающие присутствовать при рассмотрении уголовного дела, в суде организуется на справедливых началах, определенных регламентом суда или распоряжением председательствующего судьи, запись на посещение соответствующего процесса, То есть проект УПК предусматривал возможность урегулирования вопросов, связанных с присутствием населения, представителей СМИ в зале судебных заседаний. Как раз это должно быть или в регламенте суда, или ином документе: каким образом обеспечить оптимальное присутствие населения, представителей СМИ в судебном рассмотрении дела. Может быть, следует разработать примерные положения, хотя бы для судов общей юрисдикции, в которых предусматривалась бы возможность обеспечения представителей СМИ и населения.

Ну вот, есть тема, которая, когда у нас проходят судебные процессы и в исправительных учреждениях, и в воинских частях и т.д., не всегда представители СМИ туда могут попасть, потому что там вообще особая система пропусков, допусков и т.д., хотя у нас в исправительных учреждениях находится около 800 тысяч человек. И как там все происходит, и это вообще вопрос, мне кажется, мы даже не рассматривали.

Актуальным является вопрос о допуске представителей зарубежных СМИ к тем процессам, которые проходят на территории нашей страны, — у нас же интеграция развивается, мы подходим к границам стран Европейского Союза, их граждане попадают в наше судопроизводство. И если они захотят, чтобы представители зарубежных средств массовой информации участвовали в наших

процессах, сможем ли мы их допустить, как они будут участвовать. Как мы знаем по делу Ходорковского, нашего гражданина, когда иностранного адвоката не могли допустить, не говоря уже о представителях СМИ. Конечно, должен быть вопрос подготовки представителей СМИ. У нас должна быть возможна специализация. В рамках правовых образовательных учреждений могут проходить подготовку журналисты. Ставился вопрос о правовой журналистике, юридической журналистике и т.д. Конечно, это все необходимо производить.

В конце я хотел бы сказать, что если бы у нас был принят федеральный закон, регламентирующий в целом доступ граждан к информации. Он у нас не принят и не развивает положения ч. 5 ст. 29 Конституции о доступе граждан к информации. Если бы этот федеральный закон был принят, то в его рамках возможно было бы определить какие-то нормы, касающиеся в целом доступа представителей СМИ к информации. Спасибо за внимание.

С.Л. Чижков. Спасибо. Пожалуйста, вопросы. У меня убедительная просьба. У нас очень мало времени на вопросы. Пожалуйста, давайте форсируем.

Реплика. Может быть, на вопросы будем записываться во время чтения доклада?

С.Л. Чижков. Может быть, действительно так и сделаем. Я скажу одну маленькую реплику по поводу приглашений и информирования.

Я три года назад был в Петербурге, и там было заседание «Гражданского контроля». «Гражданский контроль» проводил мероприятие, были военные суды. Это по поводу транспарентности военной юстиции. Вы знаете, меня поразило, что представитель Кронштадтского флотского суда начал с того, что стал обвинять СМИ, журналистов и правозащитников в том, что они не приехали. Они всем разослали приглашения, они прислали катер, сделали все, чтобы они туда приехали. Они не приехали. «Вы что ж делаете! Вы не представляете, какое важное это было судебное заседание. Важно, чтобы через СМИ люди об этом узнали. Тотальное нарушение прав военнослужащих в армии. Вы — единственные, через кого мы можем довести это. Через вас и через почту. Потому что мы рассылаем решения, но руководство не вывешивает их на стендах. Единственный вариант — это работать через вас,» — отчитывал он их пять минут. Потом я узнал, что на следующее заседание ездили.

Но разные суды исповедуют разную технологию работы. Может быть, Александр Всеволодович расскажет о других вещах. Но я

знаю, что в Петербурге военные суды очень активно работают, используют гражданские правозащитные организации, считают, что это единственный способ обеспечить широкую защиту прав военнослужащих в армии. Потому что другого способа, на самом деле, они не знают. Они должны принять решение, и это решение должно быть всем известно. Меня это страшно порадовало, но насколько это не соотносилось с тем, что я видел в Москве. Я даже был в некотором шоке.

У нас произошли небольшие изменения. Сейчас выступит Туманова.

Л.В. Туманова. Уважаемые коллеги! Я благодарю за предоставленную возможность сегодня выступить, т.к. уже очень много было всего сказано. Наверное, я постараюсь тезисно по специфике транспарентности в гражданском судопроизводстве. Если позволите, конечно, уже по ходу каким-то образом буду выражать свое отношение к тому, что уже прозвучало.

Во-первых, хотя общая цель транспарентности, или прозрачности, судопроизводства единая, наверное, на мой взгляд, в гражданском судопроизводстве все-таки есть определенная специфика. Мне кажется, что для уголовного судопроизводства все-таки наиболее характерен общественный контроль за правосудием. А в гражданском судопроизводстве может быть не менее значимо, для чего эта прозрачность, это повышение правовой культуры и обеспечение будущей защиты тех, кто должен быть осведомлен о вынесенных судебных решениях.

Кроме того, мне бы хотелось особо обратить внимание на то, что прозрачность в гражданском процессе должна быть, прежде всего, как это может быть ни парадоксально прозвучит, — для лиц, участвующих в деле. У нас нередко не только публика и журналисты не совсем понимают, что происходит в процессе. У нас нередко лица, участвующие в деле, не в полной мере осознают вообще, что происходит. Это начинается с самого простого: как у нас судья разъясняет права и обязанности участников процесса, в частности, право отвода, заявление каких-то ходатайств. У нас в ряде случаев не понимают существа этого дела, как ни странно. Потому что, сделав определенные подвижки в части подготовки гражданских дел к судебному разбирательству и даже поделив обязанности и действия между судом и лицами, участвующими в деле, сторонами, мы все равно не пришли еще к той простой модели, которая именуется «полное раскрытие доказательств». Когда в процессе стороны уже в принципе все знают, и их задача каким-то образом,

во-первых, оценить те доказательства и ту информацию, которые есть, а, во-вторых, это тоже характерно для всей мировой юстиции, кроме российской, уровень адвоката в подавляющем большинстве государств зависит оттого, насколько он умело приводит стороны к мировому соглашению. И только в России считается, что чем более агрессивно ведет себя адвокат, чем более насмерть он стоит на позиции своего клиента, тем якобы он лучше. То есть полный абсурд. Все это, на мой взгляд, как раз и обусловлено недостаточной информированностью о том, что происходит.

Я неоднократно была свидетельницей процессов, особенно в советские времена, такой распространенной категории дел, как ограничение дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, когда даже к моменту вынесения решения эти пьющие мужья только пожимали плечами в ответ на вопрос: «Вам понятно решение?». Судья объяснял: «Ну, теперь зарплату будет за тебя жена получать». В ответ звучало: «Ну так бы сразу и сказали, стоило тут процесс затевать». Это характерно, поверьте, и для многих других случаев. Поэтому, как ни странно, я бы говорила о прозрачности, прежде всего, для самих участников процесса. И здесь я должна сделать упрек, наверное, нам всем — представителям гражданской процессуальной науки и нашим законодателям. Конечно, наш новый Гражданский процессуальный кодекс еще очень далек от совершенства. Но не только, наверное, беда в этом кодексе, беда в слабости материальной базы. Какие-то слабые подвижки компьютеризации процессов есть. Кстати, действительно в этом отношении военные суды лидируют. У нас, допустим, если компьютеризованы, то именно военные суды. А вот в Твери в четыре районах только один районный суд на, естественно, грантовские деньги ввел частичную компьютеризацию, частично был сделан сайт федерального Московского районного суда г. Твери. Но это очень-очень слабые подвижки. И получается так, что о какой вообще информированности населения можно говорить, если участники процесса не имеют полной информации о том, что происходило в процессе. Они могут не уловить все, что происходит. Потом, когда они обращаются к протоколу, то могут с удивлением обнаружить, что он имеет очень мало общего с тем, что на самом деле происходило в процессе, потому что протокол — это плод творчества секретаря судебного заседания. Как сумел, как понял — так и записал. То же самое в судебных решениях.

Вот мы уже много говорили о гласности, о том, что кроме тех исключительных случаев, когда затрагиваются интересы несовер-

шеннолетних, решения оглашаются публично. Но как судьи умело обходят эту норму в гражданском процессе! Они легко применяют правила о возможности оглашения резолютивной части судебного решения, оставляя мотивировочную в соответствии с законом — благо теперь и срок удлинился до пяти дней, да они его еще нарушают благополучно, и когда-то там, как-то, что-то отмотивируют. Что могут понять, уж я не говорю о публике, которая присутствует в зале, и участники процесса — они, как правило, не понимают, почему же было вынесено такое решение. И вот вам контроль обществу. То есть вот я бы даже высказалась очень резко, что, на мой взгляд, это яркое проявление злоупотребления правом, которое ведет к нарушению нашего права быть ознакомленным с тем, что происходит в суде. Я вам скажу так: опять материальная база... Судьи, конечно, страшно любят проводить дела в своих уютных кабинетах, где кресло у них, видимо, более удобное, все тут под рукой, но даже залы в большинстве случаев, я буду, по крайней мере, говорить о Твери, они настолько малы, что тут уж говорить про публику!

У нас имеет место такая практика. Иногда по делу участвуют очень много либо ответчиков, либо третьих лиц, и уже там просчитывают, что мест в зале для них не хватит, им начинают заранее рассылать письма с намеком: намереваетесь ли вы принять участие в деле? Если нет, может быть, вы пришлете свои письменные замечания? То есть вы понимаете, что это прямой намек на то, что лучше в зал не приходите, мест вам все равно не хватит. Что уж говорить про публику! Я вот полностью согласна с предыдущим выступающим, и здесь задавались вопросы о Совете по усовершенствованию правосудия.

У нас было одно заседание года два назад. Оно что-то близко было связано с обсуждаемыми нами проблемами, это было взаимодействие судов и СМИ. И вот еще там, в период обсуждения этой проблемы, наверное, даже больше, чем два года, потому что ГПК еще не был принят. Я еще тогда высказывала мнение о том, что вообще это действительно должно быть предусмотрено в процессуальном законодательстве, в развитии статьи о гласности, вплоть до того, что технически обеспечено так, что, если хотите, должна быть скамья для прессы, которую никто не должен занимать, кроме представителей средств массовой информации. Но, к сожалению, мне кажется, в этом главный недостаток. У нас определенные законодательные отрасли развиваются самостоятельно. Я действительно не удивилась, а, скорее, склонна поверить, что су-

ды у нас плохо знают закон «О средствах массовой информации» и сталкиваются с ним только тогда, когда рассматривают дела о защите чести, достоинства, деловой репутации, — только в этой части. Они плохо знают закон «Об информатизации» и многое другое. Вот отсюда проистекают все беды: что у нас процессуальный закон применяется так, как будто бы ничего другого и нет. Я уже очень много раз высказывалась, даже совсем недавно в этом же зале при обсуждении проблем гражданского процесса о том, что, на мой взгляд, улучшение гражданского судопроизводства может позволить только взгляд на него с позиции информационного права.

Я приведу самые простые примеры. У нас решение, как и приговор, вступившие в законную силу, приобретает определенные свойства, в частности, свойство преюдициальности. Приговор в отношении гражданского дела и решения суда по одному делу в отношении другого. Так что у нас уже сейчас получилось, особенно после того, как надзор стал ограничен годом. То есть пока у нас надзор ничем не был ограничен, еще существовала возможность, что если была нарушена преюдиция, то в порядке надзора отменить это решение. К тому же такие были широкие возможности тогда, когда у нас прокурор имел право принесения надзорного протеста. Теперь при изменении процедуры надзорного производства и ограничения ее сроком получается так, что суд не применил преюдицию, и оказались вступившими в законную силу два судебных решения, противоречащие друг другу, одно из которых должно было быть преюдициально по отношению к другому, но это не было использовано. Срок надзора истек. Что делать? В науке существуют самые фантастические предложения, которые противоречат преюдиции. Вот недавно даже диссертацию защитили. Давайте все-таки будем использовать более позднее, т.е. перечеркнем вообще преюдициальное значение. А ведь все опирается в одну простую вещь, что если судебное решение — это информационный ресурс, и если есть база судебных решений, то, оказывается, что в первую очередь она нужна даже не публике, не СМИ, не кому-то — она нужна самим судьям. Равным образом эта база нужна для того, чтобы решить вопрос о принятии заявления судом. То есть у нас если вынесено судебное решение, отказ от иска, мировое соглашение, не допускается повторное обращение в суд. А откуда у судьи информация об этом, а откуда у сторон информация о том, что это нельзя. Они не читали Гражданский процессуальный кодекс, они написали заявление, как смогли, и принесли в суд. Поэтому, наверное, в первую очередь должна быть заинтересована в этом сама судебная система.

К сожалению, на мой взгляд, преобладают такие чисто утилитарные соображения. Решения нередко, пусть судьи на меня не обижаются, пишутся плохо мотивированные. После введения компьютеров стал такой шаблонный подход — нет ни мотивов, ничего. Встает вопрос: если это так все просто, наверное, надо думать о расширении судебного приказа или еще чего-то. Кстати, я хотела бы попутно упомянуть этот вопрос. Мы все время говорим об электронной базе, о доступе к судебным решениям. Но мы должны не забывать о том, что у нас появился огромный массив судебных приказов, которые вообще выносятся без процедуры, в условиях полного отсутствия гласности. Должны ли они публиковаться? Кстати говоря, это как раз прерогатива той самой мировой юстиции. То есть у нас получилось так, что мировые судьи, которые должны были быть наиболее близки к обществу, оказались отгороженными от него плотной стеной, состоящей в том, что они пишут эти судебные приказы вообще без вызова сторон и как хотят. Потом — те же самые определения об отказе в возбуждении дел, прекращении производства по делу. Видимо, нужно исходить из того, что и вот это все тоже должно быть достоянием общественности.

Теперь о том, публиковать или нет. Я думаю так, что, конечно, в электронной базе должны быть все судебные акты. Что касается опубликования в средствах массовой информации, наверное, я думаю, есть у нас список обязательных публикаций. Может быть, его можно расширить. Все остальное — на усмотрение, естественно, журналистов. Тут мы должны понимать, что есть так называемые громкие дела, в том числе и гражданские, и есть те дела, которые не вызывают какого-то общественного интереса.

Теперь об обеспечении всевозможных тайн. Я не буду много говорить, тем более, что материалы у всех есть, в том числе и мои материалы. Кто заинтересуется прочтает. Я, во-первых, хотела бы выразить определенное несогласие с тем, что все тайны разные. Если это вне судебной деятельности, то да, режим тайн разный с точки зрения субъектов, носителей, но с точки зрения того, чтобы отправление правосудия не превратилось в свою противоположную сторону, не стало неправосудным делом, нарушающим тайну, вот здесь, мне кажется, режим тайн абсолютно одинаковый. Исключение состоит только в том, что, если это государственная тайна, у нас меняется подсудность — не ниже областного суда и т.д. И все. Во всем остальном режим тайны должен быть. Другое дело, что не должно быть никакого субъективного подхода к решению вопроса о том, закрытое это будет судебное заседание или откры-

тое. Поэтому опять мы сталкиваемся с той проблемой, что должно более интенсивно развиваться законодательство в информационной сфере, в том числе законодательство о тайнах. Да, нельзя полностью определить какие-то виды тайн, но все-таки определенные критериальные признаки даже уже сейчас выработаны практикой, теорией. И они просто, может быть, нуждаются в более четком закреплении их в нормативных актах, что само по себе устранило бы возможность такого произвольного толкования.

Ну и что касается охраны частной, семейной жизни, то если проанализировать практику Европейского Суда, то тенденция такова, что количество дел, связанных с защитой именно этого права, возрастает по отношению к другим делам. Это, правда, связано, наверное, не только с тем, что у нас так вот возрастает самосознание, автономия личной жизни, это, наверное, связано и с тем, что отпадают какие-то другие проблемы. Меньше становится, может быть, дел, связанных с пытками, с правом на жизнь, хотя тоже еще вопрос, и т.д. Но тем не менее это же не случайно, это тенденция не только России, и поэтому ставить под угрозу интересы частной жизни, конечно, мы не можем, потому что если говорить так, допустим, а почему журналист должен присутствовать при рассмотрении дела об усыновлении? А тогда, может быть, вообще есть какие-то родственники, которые скажут, что мы еще большее имеем право на то, чтобы присутствовать в зале, и т.д. Наверное, здесь все-таки должны быть более такие рамки.

Ну и теперь я хотела еще, может быть, сказать о таких вот чисто практических моментах. Прозрачность судопроизводства прежде всего связана с тем, на каком языке оно ведется: если участники процесса или присутствующие в зале не владеют этим языком, то вообще все остальное превращается в ничто. И я тоже, наверное, сама себе уже надоела, на всех уровнях говоря о том, что надо решить вопрос с институтом переводчиков, в гражданском судопроизводстве. Не может быть так, что это случайные люди с улицы, которые приходят, никто не знает, каков уровень владения языком у этих переводчиков и насколько качественно они это переводят. Да, я понимаю, что есть ситуации, когда речь идет о каких-то диалектах, наречиях, но чаще все-таки мы сталкиваемся с языками, которые имеют более широкое применение. И отследить хотя бы исходя из населения, проживающего на той или иной территории, необходимость перевода, на какой язык может осуществляться, наверное, это можно и нужно, и заниматься этим должен суд. Вообще даже странно возлагать вплоть до уголовной ответст-

венности на лицо, которое даже недоумевает, зачем я согласился быть переводчиком в суде, чтобы мне еще угрожали. И потом он даже сам в полной мере не осознает, в какой мере он владеет этим языком, когда дело доходит до каких-то терминов и т.п.

Теперь, наверное, то, что касается взаимодействия суда и СМИ. Почему мы так много об этом говорим? Потому что СМИ — это, действительно, рупор, и это признано в мире. Можно приводить высказывания многих зарубежных и политических деятелей и судей, в том числе, о том, что та рука, которая управляет прессой, управляет миром. И откуда у нас узнают? Узнают у нас, естественно, от СМИ. К моей великой радости, я вот, работая над этим текстом, обнаружила уже достаточно много материалов и рекомендаций: как представителям СМИ общаться с судьями, как судьям общаться со СМИ, как готовиться, как разрешать конфликты. Но вся беда в том, что у нас, как впрочем и не только в этой сфере, получается так, что теория существует часто сама по себе, а практика — сама по себе. И поэтому, наверное, только принудительно. Если вести речь о судьях, то, я думаю, что это просто повышение квалификации в рамках Академии правосудия по спецкурсу или спецсеминару — как хотите, это взаимодействие судов со СМИ. Рекомендации сами по себе, если на них посмотреть, очень простые и понятные, только их нужно отработать в интерактивном режиме. То есть все очень просто: определи границы, не употребляй каких-то непонятных терминов, условно, не лукавь, не повторяй через слово, что это не для протокола, предоставляй желательные письменные материалы, с тем чтобы это не журналист интерпретировал. Все это нужно в буквальном смысле давать в условиях тренинга. Естественно, нужно и определенное встречное желание к объективности, прозрачности и сотрудничеству, не к погоне, действительно, за сенсацией, хотя понятно, что для средств массовой информации это одна из целей, которую трудно отрицать, но все, что касается судебной деятельности. Просто всегда нужно помнить, что речь идет о судьбах людей и каждое неосторожное слово не только роняет честь и достоинство суда или конкретного судьи, оно отражается и на судьбе человека.

Неосторожная характеристика поведения судьи в процессе. Что поразило: то, что человек, получивший судебное решение, начинает сомневаться в его законности. Наверное, хуже этого вообще быть ничего не может. То есть идеальный вариант — это когда даже проигравшая сторона уходит из суда с чувством, что все-таки хоть ей и не повезло, но процесс был проведен справедливо. Не

случайно ст. 6 Конвенции называется «Право на справедливое судебное разбирательство». Вот эта вот справедливость должна осознаваться. А когда эта справедливость ставится под сомнение, то это отражается на самочувствии человека. Он начинает, может быть, предпринимать какие-то шаги, которые ему не нужны, и т.д.

Я просто хочу привести пример, связанный с разговором о квалификационных коллегиях. К сожалению, у меня сегодня был выбор: приехать сюда или пойти как члену квалификационной коллегии на очередное заседание. Во всяком случае, я думаю, что я провела время гораздо приятнее. Я сейчас поясню, почему. У нас в Твери, как-то вот и Сергей Львович заметил, исчезли судебные репортеры, зато их функцию выполняет один адвокат. У нас есть такой адвокат господин Икаев, который делает просто бесконечные публикации в средствах массовой информации о судебных процессах. И периодически это серия публикаций, посвященная какому-то судье. Сейчас он взялся за одного судью, у которого истек первый срок, и сегодня должен был решаться вопрос о том, будет ли он назначен пожизненно. Последняя публикация этого адвоката, которая вышла буквально в конце прошлой недели, называется «Голубое правосудие». Как это оценивать, я не знаю. Он пишет так: «Предположительно, этот судья является гомосексуалистом.» И дальше развивает эту мысль и весь упрек обращает к нам, квалификационной коллегии, в том, что он уже публиковал об этом информацию, а мы не предприняли никаких мер, чтобы это проверить, хотя это очень просто. Он прямо в публикации пишет: «Допустим, если это пассивный — это врач-проктолог определяет, а если активный... и вообще врач-психолог после нескольких вопросов все поймет». И все это описывается в подробностях. Далее пишет, что «мы будем оценивать квалификационную коллегию по тому, какое она примет решение по этому судье».

Поэтому я и говорю, что мой выбор был где-то более для меня приятным, потому что меньше всего хочется заниматься такими вопросами, но возникают проблемы. Где здесь свобода выражения мнений, причем поскольку он адвокат, даже не журналист, он человек опытный. Некоторые его публикации пытались давать на экспертизу, и говорят, поскольку это все в тоне предположений, то вроде его даже и обвинить ни в чем нельзя, потому что он предполагает, что судья является гомосексуалистом, и поэтому это отражается на том правосудии, которое он осуществляет. Он говорит, что это не утверждает, а настаивает на том, чтобы квалификационная коллегия, областной суд проверили это обстоятельство. Един-

ственное, что непонятно, поскольку это адвокат, он должен тоже знать, что вообще-то у нас нет теперь механизма принудительного освидетельствования на этот предмет. Есть те параметры, по которым судьи или кандидаты на должность судьи представляют справки о состоянии своего здоровья, но на предмет их сексуальной ориентации еще таких требований не было. Если они будут введены, то, видимо, они будут, наверное, справки эти представлять.

Так вот, почему я привела этот пример. Во-первых, понимаем, все-таки Тверь — это не Москва, у нас все друг друга знают. Поэтому даже если бы не упоминались подлинные фамилии и прочее, понятно, что в мелких населенных пунктах, даже таких, как Тверская область, все все знают. И как там не замений инициалами и прочее, все равно все будут знать, о ком идет речь. Поэтому, конечно, и журналисты тоже, прежде всего те, которые освещают судебную деятельность, должны умело каким-то образом подавать эту информацию. Ради чего? Вроде бы благая цель, кстати, кое с чем как член квалификационной коллегии я могу согласиться в продолжение предыдущего докладчика, что действительно нередкое решение о назначении того или иного судьи принимается даже иногда необоснованно. Я сама иногда не понимаю, почему так вышло. Для меня даже не понятно не только решение квалификационной коллегии. Мне не понятно, как формируются кандидаты на занятие той или иной должности. Для меня загадка, почему в городе Твери на один судебный участок претендует сразу, допустим, восемь кандидатов, а другой идет без альтернативы. Представить себе, что это происходит просто так, без воздействия каких-то сил, мне не верится. Наверное, эта гласность действительно нужна. И я согласна с тем, что мы должны знать о том, кто вообще будет осуществлять это самое правосудие. Поэтому как мы будем развиваться дальше? Есть надежда, что, может быть, действительно изменится состав квалификационных коллегий, туда войдут журналисты, представители средств массовой информации. Так, по крайней мере, на Совете судей прозвучало из уст нашего Президента, что не должно только судебское сообщество решать эти вопросы.

Я вам могу сказать, что у нас есть федеральный судья районного суда, которого четыре раза пытались лишить полномочий, и квалификационная коллегия четыре раза отклоняла. Мотивировка всегда была примерно одна и та же: понимаете, у него трое детей и жена не работает, давайте ему все-таки дадим дожить до судейской пенсии. Естественно, как вы понимаете, это была мотивировка судей. Я могу вам сказать, что та небольшая группа представителей

общественности, последний четвертый раз это было с моим участием, голосовала за отставку. Естественно, все судьи проголосовали против отставки этого судьи. Вот это тоже какая-то информация.

Что еще. О журналистской тайне. Европейский Суд уже в некоторых своих решениях поднимал вопрос, намеки содержались, о распространении свидетельского иммунитета на журналистов. У нас сегодня в законодательстве о СМИ уже есть, что все-таки не раскрывать источник информации. Наверное, существенным шагом вперед будет, если в определенных случаях и журналистов освободить от дачи свидетельских показаний, потому что нередко, мне кажется, деятельность журналиста больше похожа на деятельность священника на исповеди, нежели на что-то другое. Может быть, даже в общественно значимых целях лучше не раскрывать источник и не сообщать что-то суду, но зато в той или иной форме все равно донести до общества полученную информацию, нежели свидетельствовать, от чего будут иные последствия. Я думаю, что журналист, адвокат — скоро эти профессии сольются. И не только на примере этого нашего адвоката, я думаю, в каждом регионе есть такие адвокаты. Действительно, как можно без должных правовых знаний освещать процессы. Я думаю, что это очень сложно.

Ну и в завершение, что я еще хочу сказать. Действительно, нужна, безусловно, реформа. Если нельзя сейчас это через процессуальные законы, то это должны быть какие-то регламенты. Пришло время принятия единого регламента ведения делопроизводства и поведения должностных лиц суда, тем более, что их становится все больше и больше. У нас есть секретари, помощники судей, администраторы, но при этом доступность судей и этих работников для простых граждан становится все более и более затруднительной. И не только потому, что они так уж загружены работой, а потому, что нет норм, которые в полной мере бы обязывали. Тот регламент, который есть, что председатель ведет прием и все, — этого явно не достаточно. Иногда, честное слово, думаешь, как жалко, что нет рядом журналиста с хорошей камерой, чтобы заснять это откровенно хамское обращение судей с простыми гражданами. Там старик, который едва перебирает ногами, поднимется на четвертый этаж с палочкой, приоткроет к судье дверь, а она его так приветит, что не знаешь, как он потом на первый этаж спустится. Вот где не хватает журналистов.

И в то же время еще раз, самый последний, обращусь к охране частной жизни. Мне кажется, что здесь тоже у нас есть определен-

ное ущемление. Почему, когда я пришла, то подключилась к вопросу, который поднимала Инга Борисовна, об ущемлении прочих лиц. Смотрите. В зале судебного заседания ведь сидят не только участники процесса, сидит публика, ведется видеозапись. Для ведения видеозаписи спрашивают только мнение лиц, участвующих в деле, но ведь и публика должна тоже иметь право каким-либо образом выразить свое отношение.

Кстати, если обратиться к зарубежному опыту, то ведь есть штат Аляска, я говорила, где указано, что судья может установить регламент проведения видеозаписи: порядка, времени и все. Почему бы не поинтересоваться — да, пожалуйста, снимай, но не снимай публику, находящуюся в зале, или еще каким-то образом. То есть чтобы вот эта видеозапись не ущемляла и прав тех лиц, которые в условиях гарантированного принципа гласности пришли в процесс, но не хотят появляться на экране как телезвезда по самым разным причинам. То есть это равным образом и фотографии, и все остальное, потому что использовать это можно тоже в самых различных целях. Спасибо. Я не буду больше говорить. Остальное, я думаю, можно будет почитать в предоставленных мной материалах.

С.Л. Чижков. Спасибо большое. Ваш материал размножен и роздан участникам. В нем, кстати, около 100 страниц! Мы подготовили более 40 экземпляров. Кому-то не хватило? Вы можете получить электронную версию. Продолжаем. Ваши вопросы к Лидии Васильевне.

С. Праскова. Известны ли вам практика или случаи жалоб граждан на неэтичное или, как кажется гражданам неэтичное, поведение судей. Вот эти жалобы, поступали ли они в квалификационную коллегию судей и каков результат?

Л.В. Туманова. Я третий год являюсь членом нашей квалификационной коллегии. Ни одной жалобы на неэтичное поведение не было, и я вам могу сказать, что простое население, которое так нелюбезно встречают судьи, даже не знает зачастую о существовании квалификационных коллегий. И второй момент. Что вот на неэтичное поведение судьи, вообще непонятно, действительно, куда жаловаться — вроде бы да, в квалификационную коллегию, но этот орган для граждан еще не стал известным. Было время, были самые лучшие партийные органы, куда жаловались, теперь у нас куда: губернатору могут написать, Президенту. Кстати, практика Европейского Суда по России свидетельствует о том, что иногда вместо того, чтобы обращаться в суды, вот этот шестимесячный срок для подачи жалобы в Европейский Суд пропускают, слоняясь

по всяким не тем инстанциям, и потом уже Европейский Суд не принимает. Поэтому, я думаю, что первое, с чего надо начать, это чтобы у населения тоже была информация о том, кто этим занимается и как можно обратиться вот в эти органы. Информации этой сегодня нет. Кто ее должен давать...

А.В. Ремигайло. Я с Вами совершенно не согласен. Во-первых, информация о квалификационной коллегии, по крайней мере, о Высшей квалификационной коллегии, нормативные акты, регламентирующие деятельность квалификационных коллегий, есть. Они общедоступны. И оттого у вас мало жалоб на действия судей непроцессуального характера, что эти жалобы остаются, по сути, в суде. К вам приходит жалоба, вы ее рассматриваете? Вы ее сами не рассматриваете, а ее рассматривает председатель конкретного суда, где работает данный судья. И он уже дает оценку. А вот если председатель суда посчитает, что этот судья должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности, вот тогда он с представлением выходит в квалификационную коллегию. То здесь все, так сказать, поставлено с ног на голову. То есть по сути дела квалификационная коллегия в этом плане является, на мой взгляд, довольно беззубым органом, потому что сама она именно дисциплинарной практикой не занимается. А даже если бы вам дали бы такую возможность. Я, например, могу сказать по Москве, — она захлебнется, и всякий разбор жалоб превратится в фикцию. Я, может быть, очень утрирую, но дело в том, что я сам присутствовал довольно длительное время на заседаниях коллегии, и понимаете, что судья, который загружен выше крыши теми делами, которые у него есть, досконально разобраться в жалобе не может.

И еще вопрос. Вы сказали, что Гражданский процессуальный кодекс определил, что судья сначала оглашает мотивировочную часть, а потом уже полный текст, и это каким-то образом ущемляет права журналистов. Я именно применительно к СМИ говорю. А чем оно в общем-то ущемляет права журналистов? Права журналиста определены законом о СМИ. Он обращается с запросом в конкретный суд и просит предоставить ему решение. В случае, если ему отказывают, у него есть право обжаловать отказ. Завтра я буду говорить, у нас не настолько велика практика, когда журналисты толпами стоят за судебными актами. Давайте будем открытвенны. Я пятый год работаю и скажу, что ко мне было четыре обращения предоставить журналисту судебный акт по результатам деятельности суда. И всем предоставили. Просто оснований отказывать, я считаю, что нет.

И потом вот вы говорили о решении по рассмотрению вопроса на Совете по совершенствованию правосудия. Это было в феврале 1999 года. Я просто еще раз возвращаюсь, что очень целесообразно было посмотреть, а что же с февраля 1999 года изменилось? То есть вопрос напрашивается сам собой. Спасибо большое.

Л.В. Туманова. Я начну с последнего. Мы с Сергеем Ефимовичем выразим пожелание Владимиру Александровичу Туманову, как уж он отреагирует, не знаю. Потому что периодичность у нас стала все реже и реже. Скоро, наверное, раз в год будем заседать, поэтому не совсем это от нас зависит, но вопрос мы этот поставим.

Теперь по поводу этого решения. Я еще раз уточняю свою мысль. Зачем принцип гласности, если оглашается то, что никто не понимает. Гласность как раз и предполагает, чтобы были слышны мотивы. Теперь я думаю, что все-таки говорила о судах общей юрисдикции. Арбитражные суды находятся в особом положении, потому что у них сейчас почти полная электронная база, у них участвуют немножко другие субъекты. Это тоже нужно понимать. Там участвуют предприниматели, юридические лица, которые, как правило, с хорошим юридическим сопровождением, и там ситуация другая. Хотя и там есть вопросы. Именно арбитражные суды особенно знамениты тем, что у них очень часто истец и ответчик сливаются в одном лице, и можно ли это назвать процессом -большой вопрос. Это, так сказать, к слову. Поэтому я думаю, что все-таки это большая разница — система арбитражных судов и судов общей юрисдикции. И самое главное, в чем нарушение права, зачем журналисту затребовать. Представляете, это включение достаточно сложного механизма затребования судебного решения. Он должен его услышать и понять, нужно ему это решение или нет. Но когда он послушает мотивы, может быть, у него отпадут все вопросы, и ему не нужно затребовать решение. Особенно, если еще включать механизм обжалования и прочее, а волокита судов известна. Никакие сроки в судах общей юрисдикции не соблюдаются и в обозримом будущем соблюдаться не будут. То есть нужны мотивы. И нередко, не услышав мотивы, сторона выходит из процесса уже возбужденная и с мнением, что все это неправильно, что надо обжаловать. Тогда как, услышав и поняв, сторона изменила бы свою позицию.

Теперь по поводу квалификационных коллегий. То, что Высшая квалификационная коллегия имеет и свой печатный орган, это всем известно. Вопрос насчет общедоступности. Давайте, коллеги, посмотрим правде в глаза. У нас сегодня даже то, что публикуется в журналах и прочем, не может считаться общедоступным. Кому общедос-

тупно? Судьям? Да. Может, юридическому сообществу — да. Но я глубоко убеждена, что простое население, простые граждане, конечно, и в глаза не видели ни этих печатных изданий, ничего. Равным образом и Интернет. Мы много возлагаем надежд на Интернет, но если посмотреть, то все-таки тоже мы приходим к выводу, что еще очень незначительная часть вообще пользуется Интернетом, а вот этими специальными сайтами — еще меньше. Понятно, что определенной категорией информации, может быть, и больше пользуются. Поэтому говорить о том, что это доступно, не стоит. Доступно — это тогда, когда печатается именно в своей районной или хотя бы областной газете, которую читают. И не надо все, это, может быть, действительно неинтересно, а какую-то минимальную информацию.

Теперь по поводу жалоб. Я считаю, что это не свойственное правосудию дело. Председатель суда — это прежде всего лицо, которое отправляет правосудие и рассматривать такие жалобы не должно. Может, это новый вариант квалификационной коллегии. Захлебнется она или нет, смогут они или нет оценить — это второй вопрос. Значит, должен быть какой-то другой механизм. Но граждане должны знать, потому что у нас сегодня мало того, что есть ряд процессуальных нарушений, они не ведут ни к каким негативным последствиям. Вот нарушение сроков. Только одно последствие дойдет до Европейского Суда и заставит гражданину выплатить компенсацию, хотя теперь и в Европейском Суде такие сроки рассмотрения дел, что он не дожидается этой компенсации. Никаких, никакого влияния. Десять лет рассматривается дело — и ничего. Да оно все уже полностью не соответствует своему первоначальному виду, когда выносятся решение. Никакой ответственности.

Вторая проблема, которая возникла, — нарушение подсудности. Конституция гарантирует нам рассмотрение дела по подсудности. А скажите, есть ли основания для того, чтобы отменить решение? Нет, как выясняется. И по существу конституционная норма не действует. Причем особенно это возникло в связи с мировыми судьями. Уже появилось простое манипулирование: обращаются к мировому судье с определенным иском, потом увеличивают размеры исковых требований. Никто не знает, что делать: рассматривать мировому судье, передавать в районный суд. И равным образом наоборот. Явно завышенное требование подается в районный суд, потом исковые требования снижаются, вроде бы подсудность меняется, и нигде это не решено. Поэтому, я думаю, что если уж и на эти процессуальные моменты не реагируют, то такие, как грубость, хамство, невнимание и волокита, они вообще никем не отслеживаются.

Давайте будем ставить вопрос перед судебским сообществом о том, чтобы или квалификационным коллегиям расширили полномочия, или еще создали какой-то орган, но нельзя же так. Мы знаем, какой председатель. А разве сам председатель не знает, какие у него хамы-судьи работают? Знает он все. У нас нередко председатель сам своих судей боится. Как он может эти жалобы рассматривать? И потом, есть же утилитарный подход. Почему так мало просят привлечь к дисциплинарной ответственности? Потому что первое, о чем думает председатель: «Вот пачка дел, которые я отписываю этому судье. Если, не дай Бог, что-то, кто их будет рассматривать? Я сам не хочу. Этот не возьмет. Этот не возьмет. А-а... Все, пусть работает». Когда у нас были вопиющие факты — судья процесс вел в нетрезвом состоянии, — вы думаете, председатель суда просил его освободить от полномочий? Нет, он просил только какое-то взыскание на него наложить. А квалификационная коллегия не может, выражаясь упрощенно, увеличивать наказание, отягчать его. Может только смягчать. Поэтому раз председатель не просил лишить его полномочий, значит, коллегия не рассматривает это. Пусть и дальше пьяный на процесс ходит. Чего там? Дела же некому рассматривать.

Реплика. Вот тут пресса и нужна.

Л.В. Туманова. Да, совершенно верно. Я именно об этом говорю. Не нравится, конечно, судьям не нравится. Любое присутствие журналистов в зале их заставляет подобраться, если у них, конечно, еще не совсем какая-то личностная установка сформировалась, и выбирать выражения, если хотите, и процессу следовать «от и до», а не так его комкать, как попало, и выглядеть, как положено. Вот для этого, я считаю, что нужна пресса. А так, иначе у нас все сведется к приказам, а то и вообще к каким-нибудь тройкам вернемся. И так уже в одиночку что-то там писать, мотивировать, меняя десять раз мотивы. Ведь в чем еще опасность: сегодня он написал одни мотивы, завтра — другие, послезавтра — третьи. Протокол судебного заседания десять раз переписали. Вот ведь в чем опасность-то, а в итоге падает доверие к правосудию. Вот что самое главное. Для чего нам все это нужно? Для того чтобы у населения росло доверие к правосудию, а не наоборот.

Может быть, надо как прививку от какой-то болезни с высокой температурой это перенести, когда все увидят эти язвы, а потом призадумаются, как надо.

С.Л. Чижков. Большое спасибо. У нас время. Сейчас перебив. После этого — Александр Витальевич Смирнов, последний доклад на сегодняшний день. И мы разойдемся.

* * *

А.В. Смирнов. Уважаемые господа. Я полагаю, что проблему, которую мы обсуждаем, проблему транспарентности правосудия, или по-русски говоря — открытости его, это, в общем, проблема публичности судебной власти в самом широком значении этого слова. Не в том, в котором оно даже используется в Европейском Суде, где она приравнивается к гласности.

Здесь возник небольшой спор о том, что такое гражданское общество, чем оно отличается от общества обычного. Я, конечно, не великий специалист в теории права, но по своему скромному разумению полагаю, что гражданское общество отличается от обычного тем, что в нем есть неотъемлемые права гражданина, на которые государство не может замахиваться. А если и может, то это обставлено очень серьезными ограничениями. Вот тогда у нас и есть гражданское общество. Оно появилось, когда появились неотъемлемые права.

Мне кажется, что раз так, то в этом случае всевластие государства ограничено. И отсюда вытекает, что должен быть суд между гражданским обществом и государством. Суд поэтому и не должен быть чисто государственным учреждением. Он должен быть арбитром при решении этих вопросов: о недопустимости неправомерного лишения, ограничения прав человека.

Вот отсюда и вытекает необходимость полной открытости, публичности этого суда. Открытость эта есть не что иное, как подконтрольность суда гражданскому обществу. В таком плане я и собираюсь рассматривать в дальнейшем все эти вопросы. Более того, я полагаю, что те проблемы, которые мы рассматривали доселе, в первую очередь носят технико-юридический характер. Хотя, они, конечно, важны, и без них двигаться вперед невозможно. Мы достаточно подробно их рассмотрели и пришли ко многим правильным выводам, которые, в частности, опубликованы в этом прекрасном издании.

Вопрос не только в технико-юридических вопросах, а также и в социально-политических. Я, может быть, покажусь чрезмерно резок, но полагаю, что открытость, публичность правосудия — это вопрос не хорошего правосудия, не только хорошего правосудия в настоящий момент для России. Это в какой-то степени вопрос национальной безопасности и даже, я бы сказал, выживания государства в наших условиях. Почему? Попробую развить эту мысль.

Дело в том, что, на мой взгляд, следует обратиться к тем глубоким социальным сдвигам, тектоническим, я бы сказал, грозным

признакам, которые нарастают в нашей социальной и политической жизни. Они подспудны пока в нашей стране, но у нас, к счастью, есть, как говорит Глеб Павловский, вторая Россия и «мать городов русских» — Киев, в которой отражаются наши собственные проблемы. Есть Украина. Там недавно произошли события, которым, по-моему, не все дают достаточно адекватную оценку. Это первый звоночек. Оранжевая революция, которая там произошла, должна заставить нас задуматься и здесь. Почему? Потому что социально-политические условия очень близкие. И у нас происходит то же самое, что и там.

Конечно, многие видят в этом руку спецслужб. Может быть, они и были. Но все-таки, вот эта массовость, организованность, эффективность и самое главное бескровность, т.е. высокая степень организованности, должна нас заставить задуматься, что не все, наверное, благополучно в Датском королевстве. Я думаю, что эти результаты можно в какой-то степени проецировать и на нас. Социальный котел, если не кипит и не закипает еще в России, то он явственно греется. И, может быть, мы не видим таких результатов, как на Украине, только из-за трех факторов: нефть, Чечня, Владимир Владимирович Путин со своей харизмой. В противном случае, я думаю, у нас было бы много из того, что мы видим на Украине.

Почему? В чем видятся эти причины, и как избежать их катастрофических последствий? Причина, на мой взгляд, проста. Дело в том, что на постсоветском пространстве наконец-то опомнилась государственная номенклатура. После всех ударов, которые были нанесены ей перестройкой, дальнейшими событиями, она опомнилась. Всегда государственный аппарат, как его не называй: табель о рангах, номенклатура и т.д., — это был правящий класс, основной. По крайней мере, 300 лет в России. А раз правящий класс, он свой прибавочный продукт получал. Отказываться от него и от власти настоящей, подлинной, он никогда добровольно не соглашался. Я прошу извинить меня представителей государственных структур, которые здесь присутствуют. Там есть много замечательных, чистейших людей, но я говорю не о людях, я говорю о структурах, я говорю о социальных тенденциях. Они не зависят от индивидуальных качеств.

В настоящее время происходит (это, по-моему, только слепой не видит) передел собственности новый и передел власти. Потому что за это время собственность и власть в значительной степени перешла в руки тех, кого называют предпринимателями. Или приклеили им кличку «олигархи». Государственный аппарат решил,

что хватит либеральности, нужно отобрать то, что принадлежит ему по праву. В политологии это сейчас называют «захват бизнеса». Есть противоположный термин — «захват государства» олигархами. Но маятник качнулся в противоположную сторону. Те части государственного аппарата, которые почувствовали явно себя обойденными, решили навестить. В первую очередь силовые структуры, на мой взгляд. Дело «Юкоса» — неопровержимое тому свидетельство. Можно спорить о справедливости или несправедливости, но определенные мотивы здесь явно прослеживаются.

И вот эта подспудная борьба, она неизвестно чем может закончиться, любыми последствиями. Но участники этой борьбы забыли о третьей силе, которая исподволь накапливает возможности, ресурсы. Это средний класс. Именно средний класс, например, в Западной Европе, является главным локомотивом прогресса общества Ni-Tech или информационного общества (как его называет Элвин Тоффлер). Это главная производительная, движущая сила общества сейчас — средний класс. Он появился и на постсоветском пространстве у нас. И вот в Украине эта бескровность, эта организованность и массовость событий мне видятся как результат выхода на арену этой третьей силы — среднего класса, который не дал пролить кровь. Но он, тем не менее, свои права отстаивает. Ему надоело коррупция, ему надоело безобразия. Отсюда массовая поддержка протестного электората.

У нас он тоже может сказать свое слово. Пока он молчит. Но вот социологические опросы говорят об обратном. Например, две трети опрошенных социологами Левады, указывают на то, что они хотели бы видеть партию, оппозиционную Президенту. Две трети опрошенных; 50% считают, что курс, который ведет правительство, не верный, против 39%, которые считают, что курс верный. Около 20% считают, что после прихода к власти нового правительства Фрадкова коррупция усилилась.

Не исключение, конечно, и суды. Потому что 78% опрошенных граждан считают, что они в суды обращаться не будут, потому что это бесполезно и небезопасно, 72% — что у них денег не хватит для того, чтобы добиться нужного решения, поэтому они в суд не обращаются. Такие результаты показывают социологические опросы. Они, на мой взгляд, тревожные. А у нас еще впереди земельная реформа, приватизация земель, и, самое главное, через несколько лет выборы Президента, которые могут легко окраситься в розовый цвет. Такая опасность есть. Я не утверждаю, что она неминуемо реализуется, но она есть. Поэтому нужно направить

энергию, пассионарную, скажем так, энергию этого среднего класса в цивилизованное правовое русло. Единственный способ для этого — нормальная судебная реформа. Нужно, чтобы с помощью судов эти люди могли переделывать государственный аппарат, если угодно, и жизнь в том направлении, в котором считает нужным гражданское общество. А суд — именно подходящее для этого место, потому что только в суде гражданин получает возможность разговаривать с государством на равных. Это единственное место, где это возможно. Он с помощью слабых токов (как говорят в электротехнике) переключает токи сильные. С помощью своего индивидуального волеизъявления может добиваться изменения целых пластов в общественных отношениях.

Поэтому, если мы не хотим получить революцию, нужно менять государственный аппарат, нужно покончить с коррупцией. Но никогда усилиями и силами государства мы этого не сделаем. Сама система никогда не сможет себя переделать. Это утопия. На этом обжигалось не одно поколение российских и советских политиков. Поэтому это должен сделать единственный субъект социального действия — сам народ. В его наиболее яркой, пассионарной части. А такие люди появились. Как я уже говорил, средний класс. Почему они пассионарны? Да потому что они появились в 90-е годы. Это была жесточайший кто помнит, отбор, который отсеивал наиболее успешных, наиболее продуктивных. Таких людей сейчас много.

И вот, я думаю, нам нужно обязательно с помощью этого класса, этих людей покончить с коррупцией, в том числе и в судебной системе. Это первое звено, главное звено судебной системы, с которого надо начать. Его переделать, и дальше все может пойти уже автоматически, с помощью энергии социального слоя, заинтересованного в переменах. Отсюда необходима остро, жизненно необходима в суде открытость, публичность правосудия. Каким образом этого достичь? Некоторые горячие головы предлагают (и даже реализуют на практике) полностью поменять судебную систему. Например, сегодня мне Сергей Львович сообщил, что в Восточной Германии заменили всех судей. И баста. Но можно заменить где-то в Эстонии, может быть, даже в какой-то земле Германии. В России заменить их всех, наверное, нельзя, слишком большая территория. В Грузии, например, новый министр внутренних дел разогнал все ГАИ грузинское. Набрал новое. Потому что коррупция была уже такая, что дальше ехать, в буквальном смысле некуда.

В России этот способ неприменим. Поэтому нужно использовать такие формы, которые автоматически будут преобразовывать

эту судебную систему без ее ломки. Какая-либо революционная ломка в России в настоящий момент крайне опасна и ей противопоставлена. Нужны радикальные, но эволюционные, эффективные изменения. Эти радикальные, революционные изменения на самом-то деле давно известны. И сегодня наши уважаемые большие ученые о них говорили. Практически все они были названы, потому что это каждому профессионалу ясно. Это всегда было ясно. Во-первых, нужно до конца реализовать тот документ, который у нас есть. Это концепция судебной реформы, отцы которой присутствуют сегодня в этом зале.

Там заложены совершенно верные, как практика нынче показывает, конструктивно нужные решения. Вот том же суд присяжных, например. Правильно записано в концепции, что нужно его ввести практически по всем делам. Свыше года, двух лишение свободы максимальное наказание — пожалуйста в суд присяжных. Не надо его проводить по каждому делу. 3–4% процента в США, есть некоторые другие данные. Но в основном, видимо, 3–4%. Пожалуйста, имеется политическая гарантия против состряпанных обвинений, против очевидных судебных ошибок. И если такое дело, которое внушает подозрение, и защита, и обвиняемый могут воспользоваться этой процедурой. И в этом случае никакой судья, насколько бы он ни был подвержен коррупции, решение явно не правосудное провести уже не может.

Второй резерв, о котором меньше сегодня говорили, но, тем не менее, упоминалось — мировые судьи. Это же яркий пример транспарентности, открытости правосудия. Потому что мировой судья в том исконном виде, в котором знает его теория, это ведь суд присяжных в сильно уменьшенном виде, в миниатюре. Потому что правильно говорили, что настоящий мировой судья — это судья бесплатный, который не получает жалование даже не обязательно юрист. Но с этим можно еще поспорить. Я думаю, нашлось бы достаточно юристов, которые с удовольствием бы пошли в бесплатные мировые судьи. Ради престижа, ради политической карьеры. В Англии, например, в Палату Общин не попадешь, пока мировым судьей не поработал. И может быть, ради того, чтобы набраться опыта. Я бы, например, с удовольствием пошел бы завтра же в мировые судьи, если бы они были бесплатные. Если бы никто с меня не спрашивал за те гроши, которые там им бы платили. Поэтому почетные мировые судьи, они нужны. И в массе своей они взятки бы не брали, если уж они решают служить обществу безвозмездно.

Далее. Также обсуждался вопрос о квалификационных коллегиях. Всем известно, что существуют в ряде стран высшие советы магистратуры или органы с подобным названием. Скажем, в Италии, Израиле, Испании, Аргентине, Хорватии, некоторых других странах, где большинство составляют не судьи. Опять же та же здравая мысль, что сама система себя реформировать или следить за собой не может. Там в основном профессора высших учебных заведений, адвокаты, депутаты парламентов или делегированные ими представители. Судей там меньшинство.

Сегодня Лидия Владимировна Туманова очень доходчиво объяснила, как принимаются решения. Большинство судей, они все равно проводят свое решение, а представители гражданского общества находятся там, по сути, для вида, поскольку их мало, и они погоды не делают. Поэтому нужно, конечно, наши квалификационные коллегии преобразовывать в такую форму контроля гражданского общества. Вот прямой канал транспарентности. Если там будут уважаемые журналисты, адвокаты (почему бы и нет?), научная общественность, я думаю, что и хамства, и неправильных решений, а уж тем более коррупции, в судах поубавится после этого. Иначе, действительно, на судей управы не найти. Они практически в неприкасаемую касту превращаются в настоящее время.

Ну и также, конечно, те вопросы, которые мы обсуждали: публикация судебных решений; полный доступ к этим решениям со стороны всех заинтересованных лиц при условии сохранения личной и иной охраняемой тайны. Может быть, где-то купирование решений в части фамилий, имен, названий; может быть, псевдонимы и т.д. Но решения должны быть доступны, и самое главное, они еще должны быть обсуждаемы. И вот здесь мне кажется, усилия этих коллегий квалификационных, гильдий судебных репортеров должны быть направлены в том направлении, чтобы эти решения не оставались втуне, а чтобы они каким-то образом просеивались и обсуждались.

Нужны средства массовой информации, журналы и т.д., где бы эти решения обсуждались. Конечно, не все. А только те, которые наиболее одиозные или вызывают наибольшие сомнения. Иначе вся эта транспарентность останется неэффективной, безрезультатной. В Петербурге (доложит об этом, видимо, завтра руководитель проекта более компетентно, чем я) проводилась компьютеризация всех судов, собирали материал обо всех судебных решениях. Это было очень обнадеживающе. Но до сих пор каких-то очевидных, ярких, полезных результатов, честно говоря, мы, практикующие

юристы и научная общественность, не видим. Почему? Потому что все это должно не только где-то существовать в каких-то информационных банках, а должно обязательно обсуждаться. Обязательно обсуждаться.

Ну и существует еще масса всяких более мелких, но не менее важных проблем, без которых все предыдущие шаги могут оказаться сведенными к нулю, как ни странно. Потому что, как говорится, «ложка дегтя может испортить бочку меда». К примеру, возьмем протоколы судебного заседания. Как они ведутся? Говорят, что в США две стенографистки записывают все: все слова, реплики, даже кашель в суде, и тот отражается в этой стенограмме. Наши протоколы, конечно, не отвечают совершенно никаким требованиям полноты, и даже объективности. Поэтому, как по этим протоколам отслеживать ход судебного заседания, допущенные нарушения, как общественность может ознакомиться с этим, не известно.

Далее. Телевещание или видеозапись. Опять же, судья может отклонить предложение или ходатайство о проведении такой записи. По каким основаниям? Неизвестно. Закон этого не говорит. Если есть в законе основания для проведения закрытого судебного заседания, например, УПК — ст. 241, то в отношении проведения телетрансляции или видеозаписи вообще нет никаких ограничений. Захотел судья, отклонил такое ходатайство, не захотел не отклонил. Это, конечно, недопустимо. Нужны основания для этого.

Или взять такую проблему. Казалось бы, мелкую, но практикующие юристы упираются в нее сразу же, как только встречаются с необъективным судьей. И преодолеть эту проблему им, как правило, не удается. Особенно в уголовных делах, да и в гражданских тоже. Речь идет об основаниях для отвода судей. Эти основания, казалось бы, подробно перечислены в законе, этот перечень даже не является закрытым, он открытый. Но вот, например, в уголовном процессе эти основания изложены, все-таки, неудовлетворительно. Конечно, законодатель говорит, что судью надо отводить, если он, например, родственник обвиняемого. Да где вы встретите такого судью? Этих случаев, практически, не бывает. Судья и не будет судить, если он брат, сват или иной родственник кого-нибудь из главных участников процесса.

А вот ч. 2 ст. 64 УПК говорит о том, что если имеется иная личная заинтересованность судьи, он тоже не должен рассматривать это дело. Что значит «иная личная заинтересованность»? Когда судья необъективен, когда он подыгрывает одной из сторон (обвине-

нию, как правило), когда он хамит участникам процесса и постоянно откровенно нарушает закон, и ему заявляют отвод (адвокаты это делают сплошь и рядом), то судья, который единолично разрешает это отвод, говорит: «А у меня никакой личной заинтересованности в этом деле нет». Понимая эту личную заинтересованность как корыстную.

На самом деле это, конечно, слишком узкое толкование данной нормы, но оно принято в судебной практике. Конечно, вот в новом Гражданском процессуальном кодексе, в Арбитражном, там это основание пошире сформулировано: «Любая необъективность, допущенная судьей». Но опять же, вопрос об отводе решается самим судьей.

Вопрос, например, о замечаниях на протокол судебного заседания. Вначале, вот, например в УПК, у нас было записано, что этот вопрос решается чуть ли не в судебном заседании, поскольку выносится постановление. А постановление судьи, согласно ст. 5 УПК, — это продукт судебного заседания. И получалось, что в судебном заседании могут рассматриваться замечания на протокол, что совершенно верно. Иначе как учесть аргументы того, кто принес замечания, если не выслушивать его в судебном заседании. Теперь судья это решает единолично, келейно и выносит по этому поводу постановление. В итоге практически все замечания на протокол отклоняются. Это, разве, гарантия прозрачности правосудия, когда протоколы переписываются судьями под то мнение, которое они считают необходимым?

Или, например, существует еще одна очень серьезная проблема, понятная в первую очередь профессионалам, но от этого не снимающая своей актуальности. Процессуальный закон, и уголовный, и гражданский, отказался от непрерывности судебного заседания. Отказался. То есть если раньше судья должен был, даже если он откладывает дело, по идее, не слушать другие дела, хотя в судебной практике это не выполнялось даже в прежнем УПК, то теперь это требование снято, и судья может отложить производство по делу и отложить его на довольно долгий срок (на месяц, на два, а иногда и больше) и потом вернуться к рассмотрению с того момента, с которого он прервался. Протокол судебного заседания еще не изготовлен, потому что он может изготавливаться по окончании судебного разбирательства целиком. Хотя закон допускает, что это возможно после каждого заседания, но этого никогда не делается.

И вот судья через два месяца начинает слушать доказательств, снова слушать судебное следствие, и он совершенно не помнит

того, что было раньше. Какие там были доказательства? Что говорили свидетели? Какие фиоритуры адвокат выдавал? Совершенно этого никто не знает и не помнит. В итоге судебное решение принимается на основе отрывочных воспоминаний, субъективных мнений. Но не на основании доказательств. Это катастрофа. Потому что никакого отношения к правосудию это не имеет. И какая уж тут прозрачность правосудия, если даже судья не помнит, какими аргументами оперировали стороны. Единственное, может быть — адвокат записывал содержание показаний, но эти записи, конечно, никакого значения не имеют.

Вот вкратце я бы так сформулировал проблемы, которые стоят, на мой взгляд, актуальнейшим образом перед нашим правосудием. Нужно возвращаться к истокам. Только делать это нужно юридически и теоретически грамотно. Но на это нужна одна простая вещь — политическая воля. А этой политической воли нет на данный момент. Поэтому, мне кажется, наша задача в первую очередь хотя бы в том, чтобы высказать твердо и ясно мнение юридической общественности. По крайней мере наша совесть будет чиста, что мы предупреждали. Спасибо.

С.Л. Чижков. Большое спасибо. У нас сейчас будут вопросы, обсуждения. Я отмечу один момент, который хотелось бы сказать. Дело в том, что стенографируют в США лица независимые от суда. Эти так называемые стенографисты объединены в гильдии. Называются они «Гильдия судебных репортеров». Там стенографисты в суде называются репортерами. И когда мы в 1997 году решили наладить отношения с Гильдией судебных репортеров, они говорили: «А в каком штате вам нужна гильдия? Потому что у нас судебные репортеры объединены в гильдии по штатам». У них есть свой этический кодекс, они отвечают перед своей организацией и т.д. И упаси Господи, какой-нибудь председатель скажет что-то там перепечатать. Такое и в голову не придет вообще. Единственное чего хочет судья, чтобы все было дословно, все было чисто, и все было нормально и оперативно. И все этические нарушения, профессиональные нарушения рассматривает гильдия и исключает. Эти люди лишаются лицензии на работу в судах в качестве репортеров.

Реплика. Это совершенно правильно, потому что разделение функций происходит. Иначе судья, конечно, захочет, чтобы протокол выглядел так, как ему видится.

И.Б. Михайловская. На судебном процессе в суде присяжных судья рассматривал уголовное дело. Подходит к нему секретарь и что-то шепчет. Судья говорит: «Извините, перерыв на пол-

часа. Там по другому делу, которое я рассматривал (по гражданскому), присяжные уже вынесли вердикт. Я пойду, заслушаю вердикт, вынесу судебное решение, вернусь обратно, и мы продолжим этот процесс». С Вашей точки зрения, это подрыв правосудия. Так Вы сказали. С моей точки зрения, как раз наоборот. Вот смотрите. Допустим, судья отложил рассмотрение дела на два месяца, Вы сказали. Что будет судья делать в течение этих двух месяцев? Он не имеет права рассматривать уголовные дела, гражданские дела, и административные правонарушения. То есть он будет сидеть и поплевывать в потолок. Зачем же нам такое правосудие? Я думаю, что это время, эти два месяца, о которых Вы сказали, должно быть использовано плодотворно, с тем, чтобы судья мог работать по другим делам. Я думаю, не так уж много он забудет, если через два месяца возобновит рассмотрение дела, о котором Вы сказали.

А.В. Смирнов. Я могу сказать на это, что я не предлагаю судье сидеть и ничего не делать. Пусть он рассматривает другие дела.

И.Б. Михайловская. Он же не может.

А.В. Смирнов. Может. Если он после перерыва, после отложения, как раньше и было, начнет рассматривать дело со следствия, с самого начала. Здесь в данном случае процессуальная экономия неуместна. Потому что в противном случае доказательства теряются. А приговор должен быть основан на доказательствах. А эти доказательства могут быть забыты. Неслучайно такое внимание уделяется непрерывности судебного разбирательства, например, в той же англосаксонской системе. С самого начала так ведь было у и нас, и никто от этого не помер, работало все.

Л.С. Халдеев. Мне кажется, Вы правильно сказали сначала. Только Ваша мысль обрезалась на том, что судьи не делают это. Есть необходимость отложить, по разным причинам, неважно. Лишь бы это было не разгильдяйство судейское. Протокол изготавливаем, все закрываем. Можете обжаловать эту часть протокола. Ну не обжаловать, а замечания принести. А я иду в другой процесс.

А.В. Смирнов. Либо так, да. Согласен.

Л.С. Халдеев. А ведь это же не трудно внести. По-моему, это не трудно. Идет рассматривает другие дела. Но он не в силе изменить этот протокол, как подозревают его. Иногда справедливо подозревают, иногда не справедливо. Этот вопрос я не хочу обсуждать.

И.Б. Михайловская. Это было бы разумно. Только тогда действительно нужно прописать, как составляется протокол, кто его заверяет и т.д.

Л.С. Халдеев. Как обычно. Как будто дело закончено, только без приговора и без решения. Сегодня закончили, через два месяца начнем. Но протокол у нас уже есть.

И.Б. Михайловская. И беспрепятственный допуск к нему сторон, которые также могут его заверить, снять копию.

Л.С. Халдеев. И потом не надо его проверять: «Ты помнишь или не помнишь». Это его проблема. Он с делом должен знакомиться.

И.Б. Михайловская. Мне кажется, что и качество протокола должно быть другим в этом случае.

Л.С. Халдеев. Опять же, замечания, пожалуйста.

И.Б. Михайловская. Да, хотя бы аудиозапись должна быть.

С.Л. Чижков. Пожалуйста, вопросы.

С.Е. Вицин. Я позволю себе краткую реплику. Я, разумеется, с большим интересом и удовольствием прослушал то, что доложил Александр Витальевич. Но я позволю себе высказать эту реплику, потому что свое выступление из этого кресла я начал с того, что мы живем в эпоху, когда к нам приходят новые категории, доселе неведомые. Я назвал в данном случае, как вы помните, и правовое государство, и транспарентность. Еще раз повторю, что эти слова мы не знали каких-то 15 лет назад. А сейчас я довольно часто слышу новое выражение «политическая воля», и не скрою, Александр Витальевич, меня это несколько настораживает. Дело в том, что вот этот волевой характер правовых институтов и права, как такового, а если быть последовательным, то и насильственный характер права... Вспомним Ленина. «Право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». Хотя, древнегреческий архонт Салон говорил, что законы хороши настолько, насколько люди готовы их соблюдать. Вот две разных парадигмы.

И когда мы говорим «политическая воля», мы неизбежно вспоминаем: «А что такое право?». Это возведенная в закон воля класса. Опять воля. Если мы говорим о воле, то неизбежно встает вопрос о субъекте. Чья это воля — политическая воля? Президента? Председателя Парламента? Или чья-то еще? И в данном случае, я думаю, что мы как-то снова пытаемся субъективизировать, или с таких позиций обсуждать или разрешать проблемы, которые вот в этой парадигме (прибегну к этому термину) неразрешимы.

Если дело в политической воле, то все проблемы решены были бы навсегда. И мы уже были бы благословенны, под солнцем трех Конституций — ленинской, сталинской... Все это, извините, идеологический бред, который сейчас никто всерьез не восприни-

мает. Поэтому, наверное, может быть уместней уповать не на политическую волю какого-либо одного субъекта, а именно на те идеи, я условно их называю «идеи социальной механики», которые дали неизвестные, к сожалению, нашему широкому читателю Монтескье, Локк, Руссо. Ведь они доказали, что именно не воля кого-то, хоть полубога, а именно триада — разделение властей, дает устойчивость и гражданскому обществу, и государству. Это настолько четко подтвердила последующая история, что не видеть этого как-то странно. Ведь смотрите. Сверхмощные государственные образования. Не государственные, а правовые. С огромным военно-политическим аппаратом, сверхмощной идеологией, с планами тысячелетнего рейха, или построения коммунизма, светлого будущего на тысячелетия. Эти, казалось бы, сверхпрочные социальные конструкции, они рушатся мгновенно. Как сказал поэт: «Мгновенно и наверняка».

А вот эти зыбкие демократии: там все колышется, там кризисы финансовые, социальные. А, тем не менее, они оказываются устойчивыми. Я понимаю, что через 500 лет, может быть, не так будет. 500 лет назад тоже было по-иному. Но в данное время мы говорим неслучайно и о правовом государстве, и об открытом обществе, поэтому, наверное, нам надо как-то уповать на эту категорию воли, может быть, не очень современно. Извините.

А.В. Смирнов. Речь здесь идет о воле конкретных лиц, а не о том, что это воля какого-то класса, возведенная в закон. Я с Вами совершенно согласен в этом плане и не спорю. Но, как бы не создавались объективные предпосылки, и как бы не выросло право объективно, самостоятельно, оно все-таки реализуется только после того, как законодатель захочет принять соответствующий закон. Грубо говоря, нажать кнопку голосования. Его никто не заставит, если воли не будет. И тот же Салон, на которого Вы правильно ссылаетесь, у него есть еще другое замечательное изречение. Он на вопрос персидского царя о законах, которые он принял, что же это за законы такие, ответил: «Я дал им (имея в виду афинян) такие законы, которые они смогут выдержать». «Я дал». Без воли это невозможно.

С.Е. Вицин. Вы смешиваете право и закон. Это совершенно разные вещи. Если будем считать, что право — это совокупность норм, как нас учили, ориентируясь на марксистско-ленинский подход, тогда надо сказать, что правовым государством был Советский Союз, там не было недостатка в законах.

С.Л. Чижков. Большое спасибо. На этой оптимистической ноте мы закончим сегодня разговор, а завтра мы его начнем в 10:30.

Москва, 16 декабря 2004 года

С.Л. Чижков. Друзья, я скажу, в какой ситуации вообще находится журналист, судебный журналист. Он закон о СМИ знает, во всяком случае те его части, которые ему нужны по работе: он знает и права, и обязанности. Он знает, какую информацию ему должны предоставить в суде, что он может делать в зале суда без дополнительных разрешений, а на что он должен получить предварительное согласие у судьи. Не могу сказать того же о судьях. Закона этого не знает никто, я подчеркиваю — НИКТО! Более того, многие его даже признавать не желают. Вот ответ судьи, который услышал наш корреспондент, когда попытался сослаться на закон «О СМИ» для получения текста приговора по делу, которое освещал: «Я не в СМИ работаю, а в суде! Так что не надо мне тут про ваши законы рассказывать». Действительно, ни в ГПК, ни в УПК, ни в АПК ничего не сказано про журналистов. Многие судьи вполне искренне считают, что их деятельность в качестве судьи регулируется только этими процессуальными кодексами и несколькими законами о суде, судьях и судоустройстве.

Если журналисту надо ежедневно давать материалы, то ему нет времени спорить, разъяснять, а уж тем более судиться по поводу того, что ему не дали возможности ознакомиться с судебным актом по какому-то делу. Он вынужден идти по пути наименьшего сопротивления: освещать дела, которые веля те судьи, которые охотно идут на контакт с журналистами. Только на первый взгляд в этом нет ничего плохого. Журналист пришел в суд, он знает, что рассматривается 20 интересных дел и есть решения. Он идет в один суд, здесь ему дают, он здесь получает. Он приходит в другой суд, здесь ему — отказ, он туда больше не ходит. Вырабатывается такая система, что в городе десятков районных судов, а материалы идут только из одного суда или вообще только от нескольких судей.

Но бывают случаи, когда принято важнейшее решение, социально значимое решение, решение, которое касается десятков тысяч, а то и миллионов наших граждан, а решение под разными предлогами журналисту не выдают. Предлоги, кстати, бывают не просто смешотворные, но и абсурдные: так, решение по выигранному у ЖКХ иску не выдавали под тем предлогом, что «тогда все со своими заявлениями пойдут в суд».

Система личных отношений с судьями — это, смею утверждать, основной путь получения журналистами информации из судов во всем мире: и в России, и в Европе, и в США. Но, помимо

него, есть еще и стандартный, регулярный, «легальный» путь получения информации. И для нас важно иметь стандартные, отработанные пути получения информации, основанные не только на личных связях, не только на специфических журналистских способах откапывания информации, а основанные на законе и праве.

Самый лучший способ, согласитесь, добиться принятия закона или какого-то подзаконного акта, на худой конец какой-то ведомственной инструкции, в которой четко бы прописали, и он бы понимал, на что он может претендовать, на что он может рассчитывать. Поэтому мы по-прежнему все еще рассчитываем на отношения с Судебным департаментом при Верховном Суде, с которым, кстати, уже дважды судились по поводу их инструкций, которые очень мешают работе журналиста в суде. Мешают не прямо, а косвенно: там не указаны журналисты в числе лиц, которые могут получать копии судебных решений. Нам важно, чтобы в инструкциях появились положения о том, с какими документами журналист может ознакомиться, какие копии получить, какие документы при этом должен предъявить и т.д.

Такие положения в инструкциях на самом деле решили бы многие проблемы, потому что большинство их возникает не на уровне председателя суда, а чаще всего на уровне журналист-канцелярия. Тем более что, согласитесь друзья, каждый человек, работающий в суде, понимает, что если журналист пришел, то не спроста. Может быть, я немного стущаю, но в любом случае любой чиновник предпочтет не дать, чем дать. Не дать — это одно, а дать и потом нести ответственность за то, что дал, — это совсем другое. А на основании чего ты дал, а почему ты ему разрешил, а почему ты нас не спросил? Инструкция в данном случае и право журналиста обеспечит и работников канцелярий очень устроит.

Я думаю, что этот вопрос мы еще поднимем, у нас как раз эта тема будет с этим связана. Но все равно, поскольку у нас сегодня день посвящен в большей степени вопросам доступа к информации, к информационным ресурсам судов, то я делаю вот такую разминку. Понятно, что если принимать специальный закон, то закон о СМИ уже принят. Что сделать для того, чтобы журналисту стало проще, и его права были обеспечены не столько с помощью восстановления нарушенного права, сколько путем предотвращения нарушений этого права. Вот что для нас важно. Я думаю, что эта задача, которую Гильдия должна решать. Это ее прямая уставная задача. Поймите правильно, что мы за это бьемся не спроста, и будем биться все время, пока не решим проблему.

Наша задача состоит не в том, чтобы обеспечить определенный благоприятный режим для членов Гильдии судебных репортеров, но обеспечить законные права всех журналистов на доступ к судебной информации. Тем более, сейчас массовым порядком идет перекавалификация журналистов: журналисты, которые писали об экономике, теперь начинают писать уже на экономико-правовые и судебные темы. То же и у политических журналистов. Если раньше публикация на судебную тему была редкостью, то теперь практически каждое, даже региональное СМИ старается иметь что-то вроде колонки. Это напоминает то, что в любой другой стране есть. Региональное СМИ, по меньшей мере колонка, а то и полоса судебная. В США в каждой газете есть колонка или даже полоса. Я немало удивился, когда узнал в редакции газеты «Бостон глоб», что у них не один, а целых четыре журналиста освещают вопросы правосудия. Оказалось, все журналисты проходят через работу в качестве судебного журналиста. И чем бы он потом в газете ни занимался, в какой бы области ни специализировался, опыт работы в суде и с судебной информацией — основа основ.

Сегодня и у нас в стране судебная информация — это то, что составляет довольно существенную часть информационного потока, и общество постоянно получает информацию не только о конфликтах, но и о том, как они решились, кто прав, чья позиция признана законной. То есть идет и правовое образование.

Чтобы этот поток наладить и правосудие влияло на сознание людей и их поведение, я думаю, что для этого нужно открывать информационные ресурсы судов. Есть закон, но есть повседневная жизнь. Человек принимает закон и признает его через очень сложный психологический механизм. И в этом механизме признания письменный текст закона практически не играет никакой роли, и не потому только, что его мало кто читает, а потому, что знает, что между текстом и реальностью лежит пропасть. Другое дело, когда он узнает о судебном решении. Тут даже не в том дело, что обыденное сознание прецедентно по самой своей сути, а в том, что человек принимает судебное решение как действительность, действительность права.

Человек верит не в то, что написано, а то, что свершилось. Поэтому правовой, нравственный, социальный смысл судебных решений очень высок, и без этого у нас нормального общества не будет. У нас будут написанные законы, убеждение людей в том, что там что-то написано, а в жизни этого ничего нет. Все будут говорить, что незнание закона не освобождает от ответственности, но все равно

ничего ни в сознании людей, ни в социальной действительности не произойдет. Крайне важно людям показать, а что в действительности сбылось, как закон сбывается в действительности.

Надо добиться того, чтобы информация распространялась через институт гражданского общества, чтобы она формировала убеждения граждан, понимание того, что суд — это самая надежная, последняя инстанция, которая защитит человека в нашей стране, да и в любой другой стране. Надо защищать суд, чтобы никто ни на местном, ни на государственном уровне не мог давить на суд. Надо формировать в обществе уважение к суду, повышать его авторитет. Но надо, чтобы и сам суд принял в этом участие. Вот ведь в чем вопрос и вот в чем проблема сегодня!

Гильдия во главу угла ставит вопрос о доступе и широком распространении судебной информации не потому, что хочет прибрать к рукам этот сектор информационного рынка. Таких целей Гильдия не имеет, не может и не хочет иметь как общественная организация. Мы, может быть, просто лучше других видим, что без этого наша страна все время будет хромать, радикализироваться, озлобляться в том числе и на власть.

Я просто не представляю себе, как власть сможет провести реформу ЖКХ, не задействуя судебную власть и не превращая успех единиц по защите своих прав в массовое явление, не перенаправляя активность людей с улиц в суды, не активизируя потенциал гражданского общества по защите прав и интересов граждан.

Я думаю, с этим некоторым эмоциональным запалом хотелось бы перейти к вопросам о доступе к судебной информации, потому что хотелось бы, чтобы та информация, которая должна быть закрыта, должна быть закрыта. Но которая не должна быть закрыта, должна быть открыта и широко доступна. Именно это обеспечит и авторитет судебной власти и совсем по-другому построит наше общество — оно станет демократичнее, здоровее, цивилизованнее, наконец, потому что мы часто апеллируем к опыту цивилизованных стран, а различие между ними и нами сегодня только одно осталось, последнее — отношение к судебной власти и место судебной власти в обществе. Так что с такими вводными словами я хотел бы перейти к нашему сегодняшнему более содержательному рассмотрению этих вопросов.

Прошу прощения, что я затянул с таким словом. Мы сегодня слушаем доклад Александра Всеволодовича Ремигайло. Это практика Арбитражного суда Москвы, пресс-секретарем которого он является. Причем я хочу сказать, что Александр Всеволодович —

человек, который всесторонне, глубоко осмысливает все то, что он делает. У нас с ним сложились очень продуктивные отношения, может быть самые продуктивные из всех пресс-секретарей. У нас постоянно идет спор, постоянно есть какие-то элементы несогласия. И в то же время я вижу, что все время по каждому элементу спора возникает некоторый ответ.

А.В. Ремигайло. Прежде чем непосредственно приступить к раскрытию темы моего доклада, я бы хотел сказать несколько слов о суде. Арбитражный суд города Москвы — это крупнейший арбитражный суд в Российской Федерации. Штатная численность — 180 судей, в настоящее время в наличии чуть больше чем 150. Это две коллегии. Одна коллегия по рассмотрению споров, вытекающих из гражданских правоотношений, другая коллегия по рассмотрению споров, вытекающих из административных правоотношений. Десять судебных составов. Число дел, которые суд рассматривает в этом году, я думаю, что оно приблизится к 60 тысячам. Сумма заявленных исковых требований сопоставима и с бюджетом столицы, и с бюджетом России.

Исходя из этого, суд строит взаимоотношения со средствами массовой информации. Я приведу две цифры. Если посмотреть количество сообщений средств массовой информации, в которых в том или ином аспекте упоминался Арбитражный суд города Москвы, то в 2003 году их было чуть больше 1900. За одиннадцать месяцев этого года их 2650, то есть где-то к концу года это будет около трех тысяч. Составляет это примерно 15—17% от общего числа публикаций о деятельности всех арбитражных судов Российской Федерации. То есть вы видите, что интерес средств массовой информации к деятельности суда значительно вырос, почти на 75%. В этих условиях я вижу задачу суда в том, чтобы создать журналистам наиболее благоприятные условия для получения этой информации. Здесь по-разному можно относиться к институту аккредитации. Мы с моими коллегами из других арбитражных судов спорили на эту тему. Они оценивают этот институт как возможность ограничения для журналистов, для присутствия на судебных заседаниях. Я, исходя из тех условий, в которых работает суд, исходя из того, что это Москва, считаю, что этот институт нужен и нужен он, на мой взгляд, прежде всего самим журналистам. У нас где-то на постоянной основе аккредитовано 25 журналистов, причем это самые разные издания. Это и «Коммерсант» и «Ведомости», то есть такие крупные, авторитетные издания. Наряду с этим это издания, которые отражают интересы определенной категории, скажем

«Московский бухгалтер», «Вестник московского бухгалтера», разного рода налоговые издания. Недавно появилось издание «Агентство страховых новостей», которые тоже аккредитовались. Допустим по интеллектуальной собственности свои издания. С учетом разноплановости задача заключается в том, чтобы именно помочь найти этим журналистам наиболее интересные с их точки зрения материалы. Плюс ко всему я еще вижу задачу в том, чтобы провести какой-то анализ, то есть посмотреть, какие издания, какую информацию о деятельности суда публикуют, каково качество этой информации.

Бесспорно, из этого общего потока информации основную часть составляют сообщения информационных агентств. Пять информационных агентств, корреспонденты которых в суд ходят как на работу, то есть практически каждый день они отслеживают ход судебного разбирательства по одному делу, которое проходит, либо по нескольким делам. На мой взгляд, вот эти корреспонденты, собственно, и создают основу для того, чтобы довести до других средств массовой информации первоначальную информацию о тех или иных делах, которые рассматриваются в суде. Получив ее, газеты, журналы они могут по интересному делу подключиться, получить аккредитацию, получить информацию о дате и времени судебного разбирательства и начать освещение интересующей темы.

Теперь, как организован вопрос ознакомления журналистов с информацией о времени и месте судебных заседаний. У нас в феврале был издан приказ Высшего Арбитражного Суда, который утвердил инструкцию по делопроизводству, и в котором эти вопросы нашли свое отражение. В соответствии с этим информация о времени, о дате судебного разбирательства вывешивается у нас или у залов судебных заседаний, или, поскольку большинство дел рассматривается единолично, у кабинета судьи. Что здесь указывается номер дела, время, истец, ответчик. Инструкция не предусматривает указания существа заявленных исковых требований, но мы в своем нормативном документе по суду, в распоряжении попросили очень вкратце указывать. Потому что, допустим, если журналисты видят, что сумма заявленных исковых требований где-то миллион, их это интересовать не будет, а если скажем уже 20 миллионов, то это да, если фигурирует «Газпром», то они обязательно пойдут. С учетом того, что в день у нас проходит порядка тысячи судебных заседаний, конечно, я понимаю, что из этого огромного количества дел выделить то, что будет представлять для журналистов интерес, довольно сложно. Все, конечно, здесь упирается в во-

просы, связанные с информатизацией деятельности суда. Нам уже длительное время обещают, что в системе арбитражных судов будет работать целый комплекс по системе делопроизводства. Это, конечно, позволит составлять списки в электронном виде, поставить монитор в холле суда, и любое заинтересованное лицо может эту информацию почерпнуть. Но пока что есть, то есть.

Перейдем теперь к допуску журналистов в залы судебных заседаний. Я вообще в последнее время, а я в арбитражном суде пятый год работаю, не слышал, чтобы возникали какие-то конфликты и журналиста не допускали... Бесспорно, есть судьи, у которых с головой не все в порядке, и на них жалуются. Я по крайней мере на одном из президиумов суда сказал, там рассматривали жалобу журналиста на то, что судья не допустила журналиста в зал судебного заседания. Журналист пошел к председателю суда. Но сначала он пошел ко мне, а мы вместе пошли к председателю суда. Судье объяснили, что он не прав, а потом этот факт стал предметом разбирательства на президиуме суда. Я сказал, что в случае, если у нас еще будут такие факты, то я сам помогу журналисту подготовить обращение в Квалификационную коллегию субъекта Федерации, где поведение судьи будет расценено как нарушение норм судебной этики. Квалификационная коллегия для судьи — это страшнее, чем орган судебной власти. Кодекс судебной этики прямо предусматривает, что судья должен оказывать представителям средств массовой информации содействие в получении интересующей информации. На мой взгляд, это очень серьезный документ.

Дальше вопрос, связанный с получением информации по судебным актам. Это положение четко нашло свое отражение в инструкции, о которой я говорил, собственно так же как в законе. Запрос на имя председателя суда, и судебный акт в том числе, который и не вступил в законную силу, будет предоставлен. Например, когда такой запрос поступает, я, если судебный акт не вступил в законную силу, готовлю небольшую препроводительную и пишу, что при этом направляем вам судебный акт, считаю целесообразным, что при опубликовании информации о ходе рассмотрения дела довести до сведения читателей, что принятое решение, может быть, будет отменено, изменено в вышестоящих инстанциях.

Что касается выдачи архивных материалов. Точно так же как, и по судебным актам — по запросам. Точно так же по запросам средств массовой информации происходит ознакомление с архивными делами. Я скажу, что в информационном письме 1995 года о взаимодействии со средствами массовой информации, вопрос ознакомления с

архивными делами решен четко. Ну, дела, находящиеся в производстве, журналисту показаны быть не могут, хотя я четко могу сказать, что если журналист тратит массу усилий для того, чтобы ознакомиться с делом, это не очень хороший журналист. Журналист, как правило, представляет в публикации интересы одной из сторон, причем той, которую он, может быть, считает правой. По жизни как бывает, он непосредственно входит в контакт с представителями этой стороны, они дают ему свою версию хода рассмотрения дела. Мало того, они дают ему доверенность, и он идет в суд как представитель со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он может и на любой стадии знакомиться с делом, присутствовать в судебном заседании. Большинство так и делают. Значительная часть таких публикаций о деятельности арбитражного суда носит заказной характер, нормальный заказной характер. Потому что если юридическое лицо при рассмотрении его дела в суде хочет, чтобы его позиция нашла адекватное отражение в обществе, то еще на стадии подготовки искового заявления та или иная коммерческая структура заключает договор с PR-агентством и PR-агентство уже само на каких-то условиях привлекает журналистов. Они дают информацию. Я видимо говорю о тех случаях, когда речь не идет о таких делах.

Реплика. По нашему законодательству такие публикации должны сопровождаться надписью «на правах рекламы».

А.В. Ремигайло. Здесь какова технология. Вот PR-агентство, у него устойчивая связь с журналистами ведущих средств массовой информации. Оно говорит, у нас есть тема, вас эта тема заинтересует. Последний пример — ассоциация генетиков судилась с фирмой «Нестле», это было месяца три назад. Мне присылают список, мы хотим, чтобы журналисты были аккредитованы на этом процессе. Я говорю, нет проблем, пожалуйста. Я говорю, а почему вы? А потому что мы — PR-агентство, с нами заключен договор, и мы будем осуществлять информационное сопровождение. Интересно это журналисту, он напишет, опубликует. Редакции не интересно, значит, этого не будет.

Теперь несколько слов по опубликованию. Скажем, вопрос, связанный с купированием. Мы передаем эти решения без всяких купюр, но условием опубликования является то, чтобы любые данные, относящиеся к физическим лицам, из этих документов исключались. Могу сказать, что по поводу опубликования, размещения в средствах массовой информации судебных актов было не одно заседание Президиума Высшего Арбитражного Суда, три, по-моему, я на всех трех присутствовал. Была полемика по поводу того, а стоит ли сохранять подлинники наименования участников спора. Кто-то из должностных лиц Высше-

го Арбитражного Суда был в командировке в Германии, после этого приехал, доложил Яковлеву, и родилось письмо, чисто информационное, о том, что в Германии не указываются наименования юридических лиц, а указывается номер один и номер два как участники спора. Но потом этот вопрос был снят. Я, допустим, отстаивая и у нас в суде позицию, я считаю, что рынок должен быть прозрачен и участники рынка должны знать, чем занимается тот или иной участник рынка, потому что мое мнение, что значительная часть юридических лиц, которые приходят к нам в суд, это жулье. С учетом этого их действия должны быть прозрачны. Мне думается, и я считаю, что может быть лет через пять-семь, хорошо, если даже раньше все-таки при опубликовании судебных актов мы должны использовать опыт Германии.

Дальше я хочу остановиться на вопросах частичной прозрачности. Новый Арбитражный процессуальный кодекс, как нам говорят, самый лучший в Европе. Мы все с вами прекрасно понимаем, и ни у кого не должно возникать сомнений в том, что если стороны довели дело до суда, то они должны понимать, что обратились в орган публичной власти, который обязан действовать гласно и открыто. И в этом смысле достоянием гласности должны быть, прежде всего, сам факт обращения в суд и дальнейшее рассмотрение дела судом. Вместе с этим у нас в Арбитражном процессуальном кодексе красной нитью проходит мысль о примирении сторон, о заключении мирового соглашения, причем на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. По итогам 11 месяцев этого года семь процентов дел, которые рассматривались арбитражными судами России, завершались заключением мирового соглашения. Руководство арбитражного суда расценивает это как значительное достижение по сравнению с тем, что было ранее. Как раз вопрос, связанный с заключением мирового соглашения и не должен быть, когда судья по сути дела выступает посредником, предметом публичности. Мое мнение таково, что у нас ведь и соответствующая статья Арбитражного процессуального кодекса говорит о том, что разбирательство во всех судах открытое, а разбирательство в арбитражном процессе начинается с момента вынесения определения о назначении дела к судебному рассмотрению, после того как пройдено собеседование, и после того как состоялось предварительное судебное разбирательство. Как только судья вынес это определение, здесь, на мой взгляд, начинается стадия полной прозрачности, абсолютной прозрачности. До этого я не склонен предоставлять информацию журналистам, хотя если исходить из требований закона о средствах массовой информации, оснований у меня законных к этому нет. Но сейчас в арбитражных судах это положение мы трактуем так, что присутствие публики и журна-

листов на заседаниях в рамках подготовки дела к судебному разбирательству законом не предусматривается. После выхода кодекса провели с судьями совещание и журналистов стали на этой стадии удалять. Они ко мне. Я говорю: «Рекомендую вам пожаловаться на меня в Высший Арбитражный Суд». И они, в общем-то, это и сделали. Агентство «Интерфакс» направило Яковлеву письмо, в котором прямо сказало, что Ремигайло дал судьям команду журналистов не допускать. Высший Арбитражный Суд проработал этот вопрос и в информационное агентство отправил письмо, в котором разъяснил позицию. Я эту позицию до вас довел. Я бы даже пошел дальше. В случае если к нам обращаются с запросом, то журналистам давать такой ответ... меня спрашивают, а поступало ли в суд заявление по иску икс к игреку. Сообщите дату начала рассмотрения этого дела. Я думаю, что правильнее, наверное, будет здесь идти по такому пути. На ваш запрос сообщаем, что в числе дел, назначенных судом к судебному разбирательству дела по иску икс к игреку не значится, интересующая вас информация будет сообщена дополнительно. Это, на мой взгляд, как раз будет соответствовать тем интересам правосудия, о которых вчера говорилось, когда был обзор практики Европейского Суда.

Теперь я хотел сказать несколько слов о том, как решаются некоторые вопросы прозрачности деятельности суда. Первое — это сайт суда. Арбитражный суд Москвы в числе первых судов субъектов Федерации, причем как арбитражных, так и судов общей юрисдикции, открыл свой сайт. Может быть, я не буду подробно останавливаться. Здесь есть доклад, в котором дается информация о присутствии американских судов в Интернете. У нас примерно то же самое. Первое, информация о суде, правовые основы, порядок обращения, структура суда, новости, публикуются наиболее интересные решения, которые представляют общественный интерес. Кстати, критерий общественной значимости того или иного дела с точки зрения суда, — это, на мой взгляд, не такой простой вопрос. Потому что если я опубликую решение первой инстанции по какому-то делу, то, возможно, что сторона, проигравшая по этому делу, вполне резонно может сказать, предъявить претензии: а с какой стати из тех 60 дел, которые вы рассматриваете, именно это, не вступившее в законную силу решение, хотя и с оговорками нашего суда, было выбрано для опубликования. Поэтому в таком оперативном режиме выставляем решения, которые явно имеют общественную значимость. Допустим, большая пресса. У нас есть раздел «СМИ о суде», где с запозданием в один-два дня публикуется все, что можно поднять по публикациям, где в той или иной степени упоминается Арбитражный суд Москвы. И если публикации

очень устойчивые, то в этом случае я принимаю решение и по таким делам выставляю судебный акт. У нас есть раздел «Практика». По сравнению с общим объемом он в настоящее время где-то пять тысяч судебных актов. Это наиболее интересные судебные акты, которые уже мы сами отбирали для опубликования. В основе там судебные акты по интеллектуальной собственности, по налоговым спорам. Если говорить о посещаемости сайта, вы знаете, что в Интернете идет регистрация, причем по разделам. Наш сайт зарегистрирован в том разделе и массиве, к которым относятся правовые сайты. Сейчас там зарегистрировано где-то, примерно 550 сайтов. Где-то 25, 26, иногда на 22 место по посещаемости выходим. Это, бесспорно, свидетельствует о том интересе, который есть.

Еще несколько вопросов, я думаю, это такой опыт, которого нигде нет. У нас в суде действует справочная информационная служба. Пришла идея с одним из подразделений «КонсультантПлюс» открыть в суде такую службу. То есть каждый день, ежедневно, за исключением выходных, сотрудник одной из структур «КонсультантПлюс» всем желающим оказывает помощь в получении правовой информации. Это ни коим образом не относится к конкретным делам, это помощь в отыскании нужного судебного акта в первую очередь и в поиске нужного нормативно-правового акта. Причем я, когда она открылась, и был инициатором этого, посмотрел, чем интересуются и каковы отзывы. Я считаю, что ее создание оправдано, потому что в ряде случаев не выходя из стен суда нужно составить какой-то правовой документ. Они обращаются, им выдают все, что есть по этому поводу. Каков интерес непосредственно этой коммерческой структуры, здесь интерес простой, они одновременно расширяют сеть своих подписчиков. Это уже их проблемы. Одновременно к ним могут обратиться, особенно когда к нам пошли физические лица, изменились подведомственность, порядок обращения в суд, порядок уплаты государственной пошлины. Мало того, что эти документы по госпошлине у нас на стенде висят, стол стоит, мы сначала брошюры делали, но они влет расходились, и тут не напасешься денег. Приняли решение, желающие могут обратиться, эту информацию получают.

Я итак уже злоупотребил вашим временем, но, наверное, достаточно.

С.Л. Чижков. Большое вам спасибо, вопросов будет много, но мы сначала прервемся на кофе-брейк. Одна к вам ко всем просьба, не разговаривайте там с Александром Всеволодовичем, все разговоры и вопросы только в зале. Хорошо?

А.В. Ремигайло. Я хочу остановиться на вопросе прозрачности в кадрах судебного корпуса. Если кратко его сформулировать: «А судьи кто?». У нас было отчетное совещание по итогам десяти месяцев в Высшем Арбитражном Суде. Сразу после завершения работы Шестого съезда судей выступал зам. руководителя администрации — Виктор Петрович Иванов, он курирует вопросы, связанные с президентскими кадрами. Он как раз затронул эти вопросы.

Он вспомнил те давние времена, когда судьи у нас избирались, когда информация о кандидатах на должности судей висела, что называется, на каждом столбе. Хотя процедура была во многом формальной, но, тем не менее, избиратель информацию о том или ином судье знал.

Что же касается биографических данных, деятельности, то у нас это публикуется только тогда, когда у кого-то из руководителей суда юбилей. Я, конечно, понимаю, что вопрос о том, что же собой представляет судейский корпус, кто идет в этот судейский корпус, какова процедура отбора, назначения, этот вопрос, в той или иной степени, обществу должна быть известен.

Вопрос заключается в том, в какой степени? Кому это надо? Какая польза от этого будет судебной системе, обществу? Этот вопрос, на мой взгляд, немаловажный, и немаловажно, как это все будет преподнесено.

У меня была встреча с одним судьей. Я ему говорю: «Хорошо, вот Вы назначены, три года Вы проработали и идете на назначение без ограничения срока полномочий. Как оценить, что Вы действительно тот человек, который достоин бессрочно занимать должность судьи? По каким позициям это оценивается?». Основное — это отмена его решений вышестоящей судебной инстанцией. Хорошо это или плохо? Неоднозначно. Допустим, что судья имеет свое четкое мнение, и он его придерживается, а мнение вышестоящего суда полностью противоположное.

И.Л. Петрухин. Вы сказали, что информация о каждом судье висела на всех столбах. Вы, наверное, имеете в виду выборы районных народных судей?

А.В. Ремигайло. Да, именно это я имел в виду.

И.Л. Петрухин. Но Вы не учитываете то, что они избирались на безальтернативной основе, конкуренции-то никакой. Что касается областных, краевых судов — там, действительно, никакой информации народ не имел, и никто не знал, какого судью выберет соответствующий совет.

А.В. Ремигайло. Все-таки я говорил о народных судьях. Тогда были участки, по каждому участку избирался судья, избиратель имел какую-то информацию о судье, чего сейчас абсолютно не скажешь.

В.А. Зубенко. Как Вы относитесь к вероятности в будущем выборов мировых судей в этом контексте? Знать все о кандидате, выборы на избирательно-альтернативной основе... Какое Ваше мнение?

А.В. Ремигайло. Я даже об этом не думал, а что здесь плохого?

А.В. Смирнов. Вопрос технико-юридического порядка, но он, на мой взгляд, принципиальный, потому что все время обсуждается нами. Мне кажется, что мы не совсем верно акцентируем смысл этой проблемы.

Вы говорили о том, что в Германии купирование и замена названий фирм и физических лиц. Тут нужно (поскольку большинство здесь собрались — юристы) не смешивать вопрос целесообразности и мнения тех или иных участников этого действия и требования закона. Мне кажется, что существующая нормативная база у нас не позволяет вообще изменять фамилии или их устранять.

Я сейчас попытаюсь даже это обосновать. Дело в том, что этой базой у нас является закон об информации, информатизации и защите информации 1995 года, а там, в ч. 4 ст. 12, говорится о том, что «органы государственной власти, ответственные за формирование, использование информационных ресурсов, обеспечивают условия для оперативного и полного предоставления пользователю документированной информации».

Полного — это значит без всяких изъятий и купюр. Далее, ч. 1 ст. 24: «Во всех случаях, когда отказано в доступе к информации — лица, получившие недостоверную информацию, имеют право на возмещение понесенного ущерба». Значит, получается так (я дальше как адвокат буду рассуждать)...

Предположим, мне досталось решение, в котором заменено название фирмы или даже какого-либо лица. В этом случае я могу обратиться в суд с требованием возместить мне вред, причиненный недостоверной информацией. Например, фирма одна, а ее заменили аббревиатурой или псевдонимом — это недостоверная информация. Вплоть до возмещения морального вреда.

Поскольку существует конституционное право на получение достоверной информации, значит, я имею право на возмещение морального вреда. Нельзя по нашим правилам заменять.

Может быть, это нецелесообразно? Может быть. Но закон есть закон.

А.В. Ремигайло. Александр Витальевич! Вы подошли в суд и попросили, чтобы вам дали копию судебного акта. Так было? А я вам дал этот судебный акт с купюрами. Я об этом ничего не говорил.

Я говорил о том, что принцип размещения информации в справочно-правовых системах с купированием, при котором убираются фамилии физических лиц. То, о чем вы говорите, — это вопрос, касающийся государственных информационных ресурсов. Почему вы «Гарант» относите к таковым? «Кодекс» почему относите к таковым? Чем это обусловлено?

Теперь давайте сугубо практически поставим последнюю точку в принятии нами решения. Вы представляли интересы в каком-нибудь арбитражном процессе (или кто-то ваши)? В новом вышедшем Арбитражном процессуальном кодексе есть такое понятие: «Возмещение затрат на услуги адвоката».

Адвокаты есть разные. Приходят шкуродеры, которые выставляют бешеные суммы, и судья в процессе решает вопрос о разумности возмещения. Причем эта такая норма.

И здесь встал вопрос об адвокатской тайне. То, что вся информация, циркулирующая между адвокатом и клиентом, составляет адвокатскую тайну, в том числе и размер вознаграждения, размер затрат, понесенных адвокатом. Мы даем эту информацию в судебном решении.

Причем я ни разу не видел, чтобы это дело рассматривалось в закрытом судебном заседании. Я еще подумал: «Да тут эти адвокаты... Раз, два, три... мы дадим эти решения, так они потом еще и суд замордуют». Потом это же разные вещи, это коммерческие базы данных.

Предъявляйте к ним претензии, судитесь с ними. Судебное решение — это не закон. Мы с некоторыми можем говорить о том, что может здесь дан не полный текст решения, а изложение судебного решения. На мой взгляд, это не является государственно-информационным ресурсом.

А.В. Смирнов. Мы, конечно, можем предположить, что любая коммерческая структура это решение может использовать, как ей заблагорассудится, но если это государственно-информационный ресурс (который все государственные ведомства обязаны формировать), тогда встает вопрос: «Имеют ли они право купировать, или заменять инициалы?» Закон этого не позволяет.

Конечно, тот пример, который вы приводите, правомерен. Сторона, пишущая ходатайство, например возместить затраты на адвоката в размере трех миллионов рублей. Мне недавно встретилось такое решение, я тоже очень удивился, что эта информация фигурирует в судебном решении. Три миллиона рублей — гонорар

представителя, и суд пишет, что это правильно: «соразмерно, человек заработал», три миллиона, за полчаса.

Это, конечно, адвокатская тайна, но там, где касается защищаемой законом тайны (личного или профессионального характера), там, конечно, правомерно это из решения убрать, а вот где фактологическая сторона не защищается, там закон не позволяет. Хотя, может быть, согласен, не всегда целесообразно.

А.В. Ремигайло. Если дальше разбираться, то очень много таких вопросов. Особенно много касающихся банковской тайны. Уже банковскую тайну составляет информация о том, что я, допустим, являюсь клиентом конкретного банка. А вкладчики обиженные у нас толпами стоят.

Что касается государственных ресурсов... Вы же сказали, что если вы придете и обратитесь, чтобы вам предоставить вступившее в законную силу решение суда первой инстанции, то это, видимо, будет полностью. Хотя если там будет указана ваша фамилия и размер гонорара... А вот тут я, может, посмотрю и на опыт Европейского Суда.

С. Праскова. Я думаю, что наши полярные стороны можно было бы примирить, и я думаю, мы придем к тому выводу, что есть разница между массовым распространением судебного решения (когда оно изначально печатается для всех, и его может взять кто угодно), и предоставлением этих сведений конкретному лицу, которое по тем или иным причинам хочет посмотреть это судебное решение.

В случае с массовым распространением фабулизирование дела необходимо. Суммы еще можно оставить, но надо убрать следующее: конкретные лица, те элементы, которые составляют ту или иную тайну. Вы совершенно верно ссылались на закон об информации и информатизации, но там ведь есть еще одно очень интересное положение — персональных данных, о неприкосновенности частной жизни.

Там есть очень хорошее понятие персональных сведений, сведения, которые позволяют идентифицировать человека, нельзя их собирать.

А.В. Смирнов. Если человек обратился в суд, он должен отдавать себе отчет, что он обратился в публичную сферу и это уже не частное дело.

С. Праскова. Насколько оправданно массовое распространение для всеобщего сведения? Какая цель этого распространения?

А.В. Смирнов. Покажите мне норму закона. Не надо путать целесообразность и нецелесообразность закона, это чисто закон.

Праскова С. Что касается закона, то я вчера уже говорила, что надо внести такое изменение.

С.Л. Чижков. На самом деле это серьезный вопрос. К сожалению, иногда, суды, с моей точки зрения, исходят из того, что якобы они должны защитить чью-то коммерческую тайну или что-то там еще. Но если закон их в данном случае напрямую к этому не обязывает, то и не надо этого делать, потому что судья в данном случае перестает быть судьей. Куда правильнее было бы со стороны судьи обнажить проблему, связанную с отсутствием соответствующего законодательства.

Я имею в виду — защищать настолько, насколько это прописано в законе. Если это не прописано в законе — обнажить эту проблему (как это сделал сейчас Александр Витальевич). Обязаны мне предоставить — предоставляйте. Либо разрабатывайте закон, обращайтесь к законодателю, чтобы он это сделал. Потому что нельзя подменять закон субъективным видением целесообразности. Есть дыра, давайте ее нормально, легально закрывать, а не штопать своим пониманием — что «целесообразно и нецелесообразно».

Вот, кстати, приведу пример, который с другой стороны характеризует эту проблему. Сначала долго думали: «Открывать или не открывать судебные решения». Я хорошо помню все эти дискуссии. Вениамин Федорович Яковлев тогда высказывал такую идею: на этом этапе, на этапе формирования основных институтов рынка и так далее, информатизация должна быть полностью открыта, потому что это единственный способ санировать наш рынок. Полная публикация судебных актов приведет к санации рынка, выявит мошенников, позволит снизить конфликтность. Примерно те же слова он говорил и по поводу того, что мы все еще видим и сейчас: одни и те же компании «кидают» разных людей, никто об этом не знает, потому что тайна...

Здесь идея социальной целесообразности («санации рынка») не противоречит законодательной базе: нет никаких запретов на публикацию, на предоставление. Попросят предоставить — предоставляйте! Но взяла верх такая тенденция: мы вам не предоставим судебное решение по делу, так как там наверняка есть какая-то коммерческая тайна. В результате мы имеем ситуацию, когда нет ни санации, ни цивилизованных форм защиты коммерческой тайны. А грязный бизнес как процветал, так и процветает. Да и не только грязный. В моей личной практике был случай, когда я хотел получить решение по делу, в котором клиент банка выиграл большую сумму у известного и вполне приличного банка. Мне отказали, а в этот же вечер мне позвонил руководитель службы безопасности этого банка, а потом еще и ночь звонил несколько раз и запугивал меня на все лады. Скажите, что я должен думать о всех

этих защитниках коммерческой тайны в судах? И что на самом деле стоит за такой защитой?

Я думаю, что наше общество еще не скоро найдет решение всем дилеммам, которые возникают при столкновении общественного интереса и личного права: права общества знать и иметь адекватную информацию, с одной стороны, и права лица или компании не предоставлять обществу такую информацию, — с другой. Эта грань подвижна, относительна, преходяща, и устанавливается она всегда только посредством общественных дискуссий. Но если не будет «информационных поводов», то не будет движения на этом пути. Думаю, что пока не будет законодательного решения судьи не вправе содействовать сокрытию общественно значимой информации и ограничивать право общества знать и получать не запрещенную информацию.

А.В. Ремигайло. Вы говорите, что надо законодательно решать. Хорошо — помогите решить законодательно. Я обязуюсь вытащить все судебные акты, где есть ключевое слово — «возмещение затрат на услуги адвоката» — и все это помещаю, без всяких купюр, на нашем сайте, и пускай они принимают меры законодательного характера. Я посмотрю, сколько они бились с законом об адвокатуре. А до этого найдутся люди, которые скажут: «Ну мужик, три миллиона? Да-а! Надо делиться!».

В.И. Руднев. Вопрос Александру Всеволодовичу — хотел у вас спросить про арбитражных заседателей. Доступ населения к судебной информации в лице арбитражных заседателей, какие к ним требования? Они же должны обладать какими-то требованиями, когда участвуют при рассмотрении дел в качестве арбитражных заседателей.

В то же время к народным заседателям никаких специфических требований не предъявляется. Насколько они влияют на прозрачность правосудия? Способствует ли их участие доступности, открытости граждан к правосудию? Когда они принимают участие, помогает ли это журналистам или другим участникам процесса, и так далее. Именно арбитражные заседатели.

А.В. Ремигайло. Во-первых, у нас не граждане, а лица. Юридические, физические лица, которые занимаются экономической и иной предпринимательской деятельностью.

Когда шел вопрос об учреждении такого института, как институт арбитражных заседателей, идея была такая — привлечь специалистов в той или иной области, причем хороших специалистов, потому что судья не может быть специалистом во всех правовых

отраслях. Он, как специалист, принимал бы активное участие в рассмотрении.

Насколько этот институт себя оправдал, я не знаю, потому что у нас только на следующий год предусмотрено проведение такого анализа. Мнения судей самые разные. К большому сожалению, недобросовестные стороны используют этот институт для затягивания. Другие судьи говорят: «Вы знаете, у меня такие специалисты... Он такие расчеты сделал, засело выше крыши».

Сказать о том, насколько он эффективен, я просто сейчас не могу. Я думаю, в следующем году мы встретимся, вы этот вопрос зададите, я подготовлю хорошую аналитическую информацию по этому вопросу.

Любой участник дела, рассматриваемого судьями, входящими в коллегии по рассмотрению споров, вытекающих из гражданских правоотношений, может заявить ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражного заседателя. Как это влияет на прозрачность, на транспарентность, я не задавал этот вопрос.

С.Л. Чижков. Вообще считается, что положительно.

А.В. Ремигайло. Наверное. Если это специалист, который хорошо знает эту проблему, почему бы его и не использовать?

С.Л. Чижков. Я знаю крайне положительные мнения тех, кто занимается арбитражными делами. Например, Гагарин спрашивает: «А что делать в экономических спорах Короне? Что там делать коронным судьям?» И так далее.

Я, наверное, человек десять спрашивал на эту тему, иногда не спрашивал — они сами начинали разговор, все положительно оценивают и считают, что надо по-другому формировать списки, шире привлекать бизнес, организации.

Когда открывался сайт Высшего Арбитражного Суда, его представляли Яковлев и технические специалисты, по-моему, из «Гаранта», так вот Вениамин Федорович высказал примерно такую мысль: мы, мол будем вывешивать решения, еще не знаем в каком виде и какие, а пока вот вывесили мировое соглашение двух каких-то нефтяных компаний.

Закончилась презентация, я подхожу к Вениамину Федоровичу и говорю: «Вениамин Федорович, вот вы не знаете, будете ли вы или не будете вывешивать решения, в которых дело рассматривалось судом по существу, но уже вывесили решение, где суд фактически лишь удостоверил сделку, то есть выступил скорее как нотариус?» Мне почему-то казалось, что все должно быть наоборот: публиковать судебные решения суд может без всякого согласования со сторонами, а вот

мировые соглашения вывешивать только при условии согласия обеих сторон, но, видно, есть какие-то другие основания для прямо противоположного хода мысли. Ей Богу, мне они не понятны!

Тогда началось то, что сейчас продолжается в нашем споре о том, в какой фазе наступает транспарентность. Это очень важный вопрос. Я целиком согласен с Александром Всеволодовичем в том, что пока есть возможность примирения, пока стороны не вышли в судебное заседание, не нужно слишком афишировать эти споры. Потому что журналисты раздуют, все будут ждать конфликта и подвоха. Стороны с большим трудом пойдут на примирение, когда уже все раструбили о конфликте.

Не во всех случаях это так. Я глубоко убежден, что это имеет место в тех случаях, когда спорят коммерческие структуры, физическое или юридическое лицо. Данные нормы не распространяются на спор, когда предприниматель или юридическое лицо предъявляет претензии к государству и его органам.

Здесь есть аргумент общественной пользы, потому что большинство споров, допустим, с налоговыми организациями. Появляется иск, и все другие участники этого пространства имеют право знать о том, как он рассматривается, в какой фазе находится, можно ли присоединиться и так далее. Более того, предприниматель выигрывает. Что дальше? Во всем мире это приводит к тому, что налоговая инспекция проводит проверку уже у себя. В нашей ситуации это означает, что налоговая должна пересмотреть свои инструкции и прочие подзаконные акты, чтобы больше такие ситуации не возникали.

Я считаю, что в тех случаях, где спор идет с государственным органом, данная идея не действует, а полная открытость должна быть с момента подачи иска или жалобы.

Мне кажется это важным, потому что здесь нет того, на что мы ссылались, когда говорили о примирении сторон. Во-первых, его почти никогда не бывает, за редким исключением, а во-вторых, это спор, представляющий публичный интерес, вне всякого сомнения.

А.В. Ремигайло. Тут я полностью с вами согласен. Скорее всего, когда споры вытекают из гражданских правоотношений, это однозначно. Когда публичные правоотношения, тут уже...

С.И. Уральский. Уважаемые участники семинара, я полагаю, что Александр Всеволодович по существу дал ответ на вопрос, касающийся получения копий судебных актов, ведь речь шла (со ссылкой на закон о средствах массовой информации) о том, что будет запрос — проблем нет. Если этот запрос не исполняется, то много организационных, административных рычагов.

Разница между арбитражными судами и судами общей юрисдикции в следующем: нагрузка на судей, которые рассматривают гражданские дела, огромнейшая.

Я и по себе сужу. Приходит журналист, который просит судебное решение. Отказать в этом по закону нельзя, но я знаю, что если я выдам бабушке судебное решение о том, что затопили потолок (когда не было мировой юстиции) — это одно, но когда рассматриваешь иск о защите права на изображение и ответчиком является член Совета Федерации, с которого все-таки взыскал, то нужно так выверить, потому что пройдутся по моему решению все, кому не лень, и поэтому здесь идет определенный тормоз.

У меня вал дел на остатке, я должен их рассматривать, иначе скажут: «Волокита». И трудовые споры, и так далее. Поэтому такая сдержанность судей не из-за того, что они не хотят выдавать решения по существу, а потому, что мы пишем сверху: «Именем Российской Федерации», — и нужно каждое решение выверить. Вот такая проблема возникает.

В арбитражном процессе несколько легче. Я думаю, что одним из поводов или оснований к тому, что такой семинар состоялся, было заявление (раньше это называлось жалобой) Нетупского, члена Гильдии судебных репортеров, в Верховный Суд Российской Федерации об оспаривании действий инструкции, изданной нами, Судебным департаментом, по судебному делопроизводству в районном суде, где речь шла о том, кто имеет право получать судебные акты, в том числе кто является «иными заинтересованными лицами».

Что такое инструкция? Это для девочек-секретарей, которые не могут перелистывать весь УПК и ГПК. Им дали, они руководствуются, и по существу там все верно и не указано, что запрещено получать журналистам информацию (копии судебных актов).

Спор не определенный. Верховный Суд заставит Судебный департамент внести дополнение и предоставлять копии судебных актов журналистам?

Тогда пойдем дальше. Если налоговая инспекция, ФСБ или милиция запрашивает материалы (копии приговоров и так далее), они же там не указаны, но им выдают по запросам. Точно так же журналисты могут получать. Проблема не в том, что в инструкции нет указания на то, что и журналист имеет право получать материалы.

Проблема в том, что условия, как сказал Борис Васильевич Савенков: «Унылая российская серость». Трудно судьям приходится, нагрузка большая и правовое сознание в данном случае...

Полагаю, что мы много обсудили вопросов, касающихся открытости, транспарентности. По существу особых разногласий между журналистским сообществом и нами, чиновниками (в хорошем смысле мы так себя считаем с коллегой), нет. Нужно правильно прочитывать закон, понимать и толковать его, тогда все получится, тогда не будет таких споров.

Это не вина судей, это беда — в том, что нагрузка сумасшедшая, а выверять все нужно, потому что никто не будет говорить, что «у судьи квартиры нет, у него компьютера нет, у него книг нет». Судья должен книги покупать, он должен выдавать продукт высочайшего качества, тогда все получится, поскольку вверху «Именем Российской Федерации» стоит.

Вот такая проблема.

С.Л. Чижков. Я с Вами полностью согласен. Но небольшое замечание: причем здесь судьи? Мы ведь говорим о работниках канцелярии, которые плохо знают УПК и ГПК, и Судебный департамент при ВС поэтому выпускает инструкции, чтобы им было легче и чтобы был единый порядок. Но они не знают и закон «О СМИ». Но Судебный департамент почему-то не прибегает к той же логике и не говорит работникам канцелярий, что нужно делать, когда обращается журналист. Поймите, в таком подходе явно виден намек на то, как надо понимать такой пробел — не давать, и все. Ну, вы ведь хорошо знаете традиции нашей бюрократии, она хорошо умеет читать между строк и реконструировать подлинные намерения начальства.

Формально мы проиграли иск против Судебного департамента, но наша задача была в другом: нам необходимо было решение Верховного Суда, в котором бы указывалось, что инструкции СД не ограничивают прав журналистов на получение судебных актов, и они имеют право получать копии решений. Мы этого добились, и в мотивировочной части это все есть. Но результат оказался парадоксальным: мы копии этого судебного решения, решения Верховного Суда предъявляем — не дают все равно. Поэтому мы решили обжаловать данное решение Верховного Суда, и в январе будет рассматриваться наша жалоба в кассационной коллегии Верховного Суда. Я не рассчитываю на победу, да она и не нужна. Нам нужно еще одно решение, которое будет вынесено после отказов в ряде судов. Посмотрим.

И еще, Вы ведь помните, что говорил представитель Генеральной прокуратуры после вынесения решения. Хотя она и выступила за отказное решение, но в кулуарах-то сказала, что если Судебный департамент сам не внесет соответствующие дополнения в инструкции, то она сама предпримет меры.

С.И. Уральский. Скажите, как мы это можем сделать? Речь идет о том, чтобы расширить перечень? Проблема может быть разрешена путем подачи запроса — это сделать не сложно. Но тогда по Вашей логике получается: нужно включить «может получить в соответствии с действующим законодательством». Разумеется. Вообще, с законодательством — с Законом о милиции, о службе внешней разведки, ФСБ, налогах — все должностные лица, которые имеют... Санэпидстанция...

Но так сколько мы законов... Сколько должностных лиц имеют право получить эти копии судебных актов — их очень много. Ну, что же — мы всех должны туда включать..? Добавить всех?

С.А. Чижков. А в чем, собственно, проблема? Как минимум можно указать, что список не является исчерпывающим, а как максимум — действительно перечислить. Поверьте, это не так много, не более четырех или пяти статей добавится. Все эти длинные списки группируются на четырех- пяти групп. К примеру, все должности гражданской государственной службы попадают в одну группу, органы дознания, прокуратуры, ФСБ и кто-то еще — в другую. В чем проблема. Кто-нибудь вообще знает, например, может ли представитель санэпидстанции ознакомиться с материалами дела? А истребовать документы из дела? Вот видите...

С. Праскова. Вы знаете, у меня возник такой вопрос: я понимаю, что журналисты — это наиболее острая проблема, и у них особая роль, и они на самом деле доносят информацию до населения в наибольшей степени. Но вопрос вот какого рода: в судебное разбирательство может зайти кто угодно, любой человек с любой улицы. Прослушать все, что там происходит — это принцип судебного разбирательства.

Та же самая информация, только в концентрированном виде, содержится в судебном решении.

С.Л. Чижков. Нет, не вполне так.

С. Праскова. Та же самая информация. Все, что слушается...

С.Л. Чижков. В решении есть мотивировка, то есть то, что в зале не произносится, то, что остается только в голове судьи после того, как он выслушал стороны и оценил доводы: одни принял, а другие отбросил. Вот этого никто знать не может, пока не прочтет судебное решение.

С. Праскова. Мотивировка — это всего-лишь описание...

С.Л. Чижков. Мотивировка — это не просто описание, а текст, отражающий позицию судьи и оценку им доказательств по делу..

Л.С. Халдеев. Почему возник сейчас этот спор? Он возник потому, что судьи оглашают только резолютивную часть решения.

Но есть же еще и решения по уголовным делам, которые тоже всех интересуют. Ну, многих журналистов, во всяком случае. И если он пришел с диктофоном, а потом этот диктофон расшифровал — то у него уже решение есть то есть, он знает приговор. И кто запретит ему его анализировать и прочее, прочее... Если он перейдет за пределы того, что там было, значит, будет какая-то ответственность.

Поэтому речь надо вести только о том, что судьями по гражданским делам должно оглашаться все решение, а не только одна резолютивная часть. Как бывший судья я просто с ужасом смотрю на цивилистов, которые заслушивают в день по 15—18 дел, а потом сидят, отписывают — как они могут там не перепутать все это? Это великие люди, если они еще вот так вот, грамотно пишут те судебные решения.

Значит, нужно изменить это законодательно, и все. Пока не вынес решение, пока не подписал его... Огласил — все, стоп, до свидания. И тогда уже записала Света или не записала, это уже ее проблемы. Это проблема, в том числе и того доступа. Но у нее была возможность — она интересуется этим — прийти в суд со своим магнитофоном или с ручкой, если она может все это дело написать как репортер.

Спасибо.

А.В. Ремигайло. Одно дело, когда журналист присутствует на судебном заседании и потом хочет посмотреть полный текст судебного акта. А другое дело, когда вы были на работе, не смогли присутствовать, и хотите посмотреть. А на заседании, действительно, кроме сторон никого нет — ни у кого же не возникнет идея выходить с ходатайством о проведении слушания в закрытом судебном заседании. Правильно?

С. Праскова. Не совсем.

А.В. Ремигайло. Но почему «не совсем»? Ну, нет других лиц.

Праскова С. Если стороны захотят закрыть эту информацию — наверное, они должны об этом ходатайствовать. Вот, если бы была презумпция открытости судебного решения, если бы сразу все знали, что судебное решение через 10 лет, через 20 лет — кто-то вытащит и, может быть, даже его опубликует...

А.В. Ремигайло. Вы говорите об идеале, когда высокий уровень правовой культуры, правового сознания. Уж извините, может быть и так. А слушается дело по вашему изнасилованию — ну? И что?

С. Праскова. Это уже закрытое с самого начала.

А.В. Ремигайло. Я хочу завтра посмотреть решение по этому делу. Я не был на судебном заседании, и оно не закрытое, потому что в деле нет определения о рассмотрении дела в закрытом заседании. Ну, и что? Да я никогда бы на месте судьи не дал это решение. И обжаловать...

Чижков С.Л. Тут вот такая штука, Александр Всеволодович. Мы затыкаем, опять-таки, дыру, которая существует, так сказать, объективно. Действительно, если наши залы пустые, то это только в наших постсоветских странах они пустые. Нигде... Вот, мы с Вами прошлись в Бостоне по Верховному суду штата и федеральному суду. Везде кто-нибудь да сидит, а в одном зале, Вы, вероятно, помните, не было свободных мест, так маршал нам стулья дополнительные принес. Там нет такого, чтобы ты вошел в зал, а там были только стороны и все. Там всегда, хотя бы на 20—50% заполнены скамейки для зрителей.

У нас ситуация другая. Как правило, в зале только стороны по делу. И если ты вошел в зал, то на тебя все сразу посмотрели, а возможно, и поинтересовались, что тебе здесь надо. Знаете, тут вопрос даже не в правовой культуре народа, а в том, чем суд в реальности является и насколько верно люди это отражают в своих представлениях и понятиях. Ведь до революции все было иначе: залы не пустели, дела и решения широко обсуждались. Правосознание граждан формировалось реальными спорами по поводу судебных решений: они постоянно оценивали решение с точки зрения своих представлений и свои представления оценивали с точки зрения действительного свершившегося права. Правовое образование населения всегда происходит по этой схеме, а иначе оно не происходит вообще. В период диктатуры пролетариата, да и потом суд стал местом расправы, и тайной, и публичной. И хотя с конца 50-х годов суд в качестве инструмента расправы применялся крайне редко (в общей массе дел), но, конечно, ни о какой гуманитарной функции суда и речи быть не могло.

Я не думаю, что пустые залы судебных заседаний — это признак уважения личной тайны или отсутствия праздного любопытства у людей. Это, скорее, свидетельство отчуждения, продолжающегося отчуждения, свидетельство недоверия и непонимания между гражданами и судебной властью стена. Со стороны судебной власти не видно никаких попыток разрушить эту стену. Я понимаю, что наши судьи не привыкли работать публично, но ведь в этом суть судебной власти и единственный способ разрушить стену. Нарушение принципа публичности во всем мире ведет к отмене решения. Даже в такой стране, как Нидерланды, где право на личную тайну ставится выше интересов правосудия, даже там, нарушение принципа публичности ведет к отмене решения. Но что-то я не припомню случая, когда бы у нас по этому основанию отменили решение, хотя принцип публичности у нас нарушается очень часто.

Что касается доступа к документам, то тут тоже должен быть простой и понятный принцип: все, что породила государственная власть

в письменной форме (обвинительное заключение, протокол и судебный акт) — все это изначально открыто, доступно и публикуется без каких-либо купюр. Закрывается только то, что запрещено к распространению законом. Что касается материалов дела, документов и прочего, то здесь все изначально закрыто, но есть четко прописанный специальный режим доступа (соглашение сторон или еще что-то).

Эта позиция вполне понятна и вытекает из более общего принципа: все, что власть породила, доступно, открыто. Все. Более того, я считаю, что ничего не может быть такого в судебном акте, что дискредитирует человека. Сама природа судебного акта такова, что не может содержать такие вещи, потому что если там что-то такое и есть, то это человек дискредитировал себя сам, а не власть его дискредитировала, она лишь удостоверила данный факт в решении.

Вот, кстати, недавний пример. Преподаватель одного из вузов обиделся на суд за то, что в руки студентов попал приговор в отношении него за получение взятки при приеме экзаменов. Мол, этот приговор меня дискредитирует, тогда как судимость уже погашена. И он начинает предъявлять претензии к судье. Но ведь студенты искали это решение потому, что он по-прежнему берет взятки.

И кто кого здесь дискредитирует? Что — общество не имеет права об этом знать?

С.Е. Вицин. Уважаемые коллеги, может быть, на первый взгляд это странно прозвучит, но уверяю вас, что технический прогресс и развитие информационных технологий меняют очень многое — в том числе могут изменить радикальным образом и само общество. Может, слишком издалека идущее утверждение.

Говорят, что те изменения, которые произошли в начале годов прошлого века, в значительно мере имели... произошли потому что появились средства фиксации звуковой информации. Если вся страна вслед за Высоцким говорила: «Все не так, все не так, ребята», то именно потому, что эти призывы распространялись не в рукописи, а потому что они в несколько дней могли стать достоянием любого достаточно активного гражданина нашей страны.

Давайте задумаемся, почему до сих пор, вернее, в наше время не запрещено фиксировать звуковую информацию, но есть некоторые ограничения на фиксирование видео-звукоинформации. Так ведь. А почему? Пока доступную всем видеоаппаратуру сегодня нельзя поместить в карман пиджака.

Реплика. Можно.

С.Е. Вицин. Нет. Доступную, общедоступную. А вот, звукозаписывающую аппаратуру можно. И потому стало забавной и неле-

пой идея ограничения такой звукозаписи. И кстати, замечу, что в недалеком прошлом в истории нашего судопроизводства, это войдет и в анналы мировой истории судопроизводства — судили в Ленинграде, теперь Санкт-Петербурге, будущего лауреата Нобелевской премии Иосифа Александровича Бродского. И там журналист, ее фамилия, по-моему, Вигдорова, стенографировала все, что происходит.

Ее потом подвергали всяким гонениям, но она зафиксировала все, что происходило в суде. И сейчас вы это можете прочитать в литературных источниках.

Теперь этот запрет выглядит вообще нелепо — изменились условия, изменились информационные технологии. И поэтому, если идти дальше, то мы должны подумать: а есть ли правовой запрет на то, чтобы, не уведомляя председательствующего, не уведомляя кого-то еще, записывать все, что происходит в суде? Да нет — такого запрета нет.

Реплика. Есть указание в УПК — с разрешения судьи.

С.Е. Вицин. Нет. Это видеозапись. А звуко- потому и нет, что новые технические возможности, и поэтому запрещать нелепо.

Реплика. Судьи этого не любят.

С.Е. Вицин. Судьи этого не любят — я очень хорошо их понимаю, потому что нельзя вести себя так, как они привыкли себя вести на протяжении многих... Вы не согласны, Александр Витальевич?

И скажу вам, что в связи с этим, конечно, если быть последовательными — давайте тогда укажем, что необходимо ввести запрет на то, чтобы вести звукозапись тогда, когда заседание является закрытым. А если оно открытое, то тут никаких ограничений быть не может.

Не уверен, что я это все изложил достаточно логично, но мы не можем лишить человека возможности делать то, что он может делать. Нельзя лишить возможности дышать, слушать, и так далее.

Спасибо.

А.В. Ремигайло. Я умышленно упустил этот вопрос. С чего начнем: с американского опыта? Где в федеральных судах съемка вообще запрещена? Если говорить о судах штата, по-моему, где нет никаких ограничений 17–25 — это с согласия сторон, и так далее. Но не важно.

У нас, к сожалению, нет закона о праве на образ. Может быть, все, как раз, упирается в это. Александр Витальевич вчера в своем выступлении говорил о снятии запрета на осуществление видеосъемки судебного заседания. Так ставился вопрос?

А.В. Смирнов. Не совсем.

А.В. Ремигайло. Не совсем. Я скажу чисто практически: когда пришел в суд... что называется, даже выкручивал судьям руки с

тем, чтобы они давали разрешение на проведение съемки. И снимали довольно много. Что стало потом, как стала использоваться эта информация? Я имею в виду фото- и видеoinформацию. Какая-то телевизионная программа делает передачу, ей нужна картинка. Она звонит в архив: «У вас есть что-нибудь по арбитражному суду?» — «О! Есть.» «А просто по суду?» — «И по суду есть». Берет наиболее хорошо отснятый сюжет и присобачивает, извините меня, к тексту, который совершенно не относится...

Показываются судьи, а речь, допустим, идет о коррупции в судебной системе. Это типа того, что в кадре показывают, например, Познера — а за кадром мы говорим о продажности журналистов. Вот, как Владимир Владимирович на это отреагирует?

Реплика. Обидится.

А.В. Ремигайло. Обидится. Ну вот. А то же самое и судьям остается — обижаться. Я один раз публично заявлял и корреспондентам заявляю: «Извините меня, уговаривать судей о проведении съемки я не буду, потому что у нас есть такое положение. И есть конкретные примеры». «Коммерсант-деньги» подготовил публикацию по коррупции, обратился в фотохронику ТАСС. И проиллюстрировал фотографиями наших судей.

Прекрасно! Ну, для того чтобы с издательского дома «Коммерсант» слупить еще миллион долларов — есть полное основание, я считаю. И поэтому, пока этот вопрос не будет отрегулирован, хороший видеоматериал у нас телекомпания не получают. Правовое основание — мало того, что есть статья, которая регламентирует соблюдение... что судья устанавливает правила ведения судебного заседания, то есть, порядок в судебном заседании. Здесь, кроме этого, я говорю: «А что — я ограничиваю ваши права на получение информации? Ведь видеосъемка — это один из способов отображения информации. Пожалуйста, проходите, садитесь в зале судебного заседания, пишите в блокнотики, на аудиоаппаратуру. Все. Информацию о ходе судебного процесса вы получаете».

С.Л. Чижков. С телевизионной журналистикой просто беда. Боюсь, пресс-службам надо самим позаботиться о том, чтобы иметь какую-то видео- и фототеку.

Основная проблема телевизионщиков — где брать картинку? Есть какая-то компания, которая собирает эти картинки, у нее есть информационная база — и она их там за деньги продает. Либо ты идешь в эту компанию и что-то там покупаешь, либо снимаешь сам. Это важная проблема, давайте обратим на нее внимание. Сколько раз была проблема с Конституционным Судом — один

состав слушал, показывают другой состав. Но это еще совершенно безобидная вещь. Есть и похуже.

Кстати, вот Вы рекомендуете журналистам обращаться в суд, когда их права нарушены. А почему бы и судьям в таких случаях не обратиться за судебной защитой? Есть практика Европейского Суда по таким делам. Есть, кстати, очень интересный случай по неуместному опубликованию фотографии судьи. На национальном уровне в Польше судье отказали, а Европейский Суд встал на его защиту.

Александр Всеволодович, я хочу сказать — либо вы заведите свою базу и предоставьте к ней бесплатный доступ, наверняка бесплатный. Либо дайте им возможность снимать — ничего страшного. Хотя наверняка все равно что-то переврут, но Вы хотя бы с чистой совестью сможете сказать, что все зависящее от Вас Вы сделали. Просто, если Вы этого не сделаете, то уж точно переврут.

Тележурналистика — жуткая вещь. И группы, которые там формируются — это полное безобразие. Потому что так, как они отразили наш иск в Верховном Суде на REN-TV — мы им, извините, хотели морду набить. И ведь я им все разъяснил: и в чем был смысл, и почему нам отказали, и чего мы хотим от мотивировочной части решения, и что будем делать дальше...

Друзья, у нас сейчас перерыв.

С.Л. Чижков. В Петербурге был когда-то интересный эксперимент (сейчас не знаю, в каком он состоянии), который тогда нас сильно обнадежил, приободрил в том, что сейчас появится нечто, о чем мы мечтали: сначала закрытая, потом открытая, общедоступная база данных судебных решений по одному региону — Санкт-Петербургу. Но время шло, а мы все никак не могли выяснить, когда же он будет открыт — доступ к этим ресурсам. Потом оказалось, что все значительно хуже, значительно сложнее и упирается в те же проблемы, в которые мы упирались. Сейчас мы слушаем руководителя этого проекта, возможно, поспорим, поговорим.

В.А. Белокин, координатор компонента «Правовая информатизация» Группы реализации проекта «Правовая реформа» Федерального центра проектного финансирования. Расскажу коротко обстоятельства. Я тогда работал в Российском фонде правовых реформ. Эта организация была уполномоченным агентством по реализации займа Всемирного банка российскому правительству. Заем был связанный, конкретный — на проект правовой реформы и подразумевал ряд мероприятий по разным направлениям. Заем начал реализовываться с 1996 года, а в 1998 году к нам обратился юри-

дический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. По направлению судебной реформы ничего особенного запланировано не было. В 1996 году планировать в конкретных мероприятиях было трудно, поскольку стояли, в основном, институциональные задачи, в которых мы не очень участвовали. Но поскольку резерв оказался именно в моем компоненте правовой информатизации то, как раз обратился Юридический факультет с предложением построить автоматизированную систему опубликования решений полностью на целый субъект Федерации — Санкт-Петербург.

Мы достаточно долго думали, совещались с банком. Банк сначала был очень сильно против внесения такого дополнительного проекта. Что повлияло? Тогда уже начались обсуждения подхода к опубликованию решений, и какой-то опыт был, и было сильное ощущение, что идет отвлеченное, теоретическое обсуждение, то есть, можно спорить до бесконечности. Есть одна точка зрения, есть другая. Они периодически встречаются, обмениваются аргументами, расходятся, встречаются снова, опять высказывают их же, снова обмениваются теми же аргументами, и так продолжается. Хорошо сказал Сергей Львович, что есть вещи, которые невозможно решить без практики. Сначала нужно об это стукнуться и тогда понять, есть ли в этих спорах какое-то реальное содержание или нет.

Тем не менее мы выбрали гибкую, последовательную стратегию. Мы сразу решили, что особо спорные моменты сейчас рассматривать не будем, тем более, что свойство судебной информации заключается в том, что она изначально хорошо формализована (хотя бы та информация, которая содержится в статистической карте). Там есть много значений, которые можно использовать как некие автоматические флажки — «Да/Нет». Было закрытое заседание — все, на этом этапе не рассматриваем. Сначала решаем более простые вопросы. До вступления в силу или после? Есть тут дата вступления в силу — все. После публикуем, дальше разберемся: нужно или не нужно публиковать до этого, какие аргументы «За», какие «Против». Последовательность, гибкость была и в другом. В чем проблема? Мало того, что журналисты или общество не имеют доступа ко всей судебной информации, сами судьи не имеют доступа ко всей судебной информации. Судьи одного суда не имеют доступа к информации этого суда. Нам казалось естественным, что мы для начала просто возьмем, не обсуждая, аспекты широкого доступа, сделаем общую базу с общим доступом судей в каждом суде, в регионе, и когда эти вопросы возникнут уже конкретно, тогда можно будет выработать подходы к открытию базы. Вот из этого мы исходили. Тем более правовая база к тому времени уже была.

Концепция формирования государственной информации для широкого доступа была сформулирована еще в 1993 году в Концепции правовой информатизации России, где было сказано, что государственные органы сами ответственны за поддержание баз производимой ими информации и это так называемые первичные базы, то есть, они содержат «чистую» информацию, не редактированную, с каким-то определенным уровнем сервиса, чтобы можно было по каким-то признакам отбирать информацию и формировать пользовательские базы. Например, этим могли бы пользоваться (по замыслу разработчиков концепции) коммерческие поставщики информации, когда они выбирают наиболее интересное (те решения, которые идут под копирунку, не брали бы), но они при этом имели бы возможность все проверить, посмотреть. Ведь выборочное опубликование чревато вольной или невольной манипулятивностью.

Если грамотно подбирать, что публиковать, можно создать любую картину. Это может быть и невольной тенденциозностью при подборе. Вот это, считает какой-нибудь судья, характерно для нашего суда, лично для меня и вообще для рассмотрения таких дел, а это не характерно. И кто это может оценить? Такой подход и был выбран.

Потом в 1995 году появилась правовая основа, где в законе было зафиксировано правило формирования баз государственных информационных ресурсов и определения порядка доступа. Закон, конечно, очень общий, но мы исходили из того, что для того, чтобы конкретизировать, нужно попробовать на практике. В 2000 году мы приступили к реализации.

Почему выбрали именно Петербург? Во-первых, инициатива исходила оттуда. Во-вторых, все-таки университет уже имел подходы к судебной системе (на личном уровне). Это было решающим. Ни в каком другом регионе мы бы за это просто не взялись — таких условий не было. К тому же мы полагали (как оказалось, наивно), что пока мы будем это все строить, юридическая общественность определится с позицией к доступу. Тут как раз мы (у нас все готово) и начнем делать. Подходы были такие. Денег было немного, остаточное финансирование — то, что мы не израсходовали на другие проекты, получилась экономия. Потом, когда банк увидел, что проект имеет такой резонанс и интерес, удалось еще расширить финансирование. Но основным принципом было, во-первых, вписаться в бюджет, но при этом получить системный эффект. Речь шла о том, чтобы охватить все суды или, по крайней мере, хотя бы 90%. Все суды охватить бы не получилось потому, что было три аварийных суда. В одном только построили сети. Я сейчас не помню

названия суда. Где-то три суда сейчас в таком состоянии. Техника лежит на складах. Но все остальные суды были сделаны.

Второй принцип — это общий принцип успешного внедрения автоматизированных систем: чтобы судьям, сотрудникам судов не приходилось делать лишнюю работу, чтобы они занимались только своей работой, а в результате получался бы некий информационный ресурс, с которым можно работать. Судебная система и сейчас в наименьшей степени подверглась внедрению информационных технологий. Тогда оснащенность была не выше 20% и то большинство техники было устаревшей. Исходили вот из этого.

Еще базовый принцип был таким: мы не изобретаем ничего сверхнового, мы берем существующие технологии, мы берем самую обычную технику — не отсталую, а именно ходовую технику на сегодняшний момент, которая используется для любого нормального современного электронного офиса для офисной работы.

Техника начала поступать в суды в 2001 году. Это был первый этап. Поскольку правила банка накладывают определенные ограничения, все было по конкурсным процедурам. Университет готовил проекты, софт, технические условия, осуществлял приемку. В конце 2001 года первые 18 судов были оборудованы: было поставлено оборудование, смонтированы сети.

Потом был второй этап. К февралю 2003 года он был закончен, была полностью создана информационная инфраструктура. Общая топология была простой: в каждом суде была локальная сеть, там же предполагалась локальная база данных этого суда и единая база данных на уровне региона. Когда мы это только планировали, в 1998 году, то думали сделать ее на факультете. Особого выбора не было. Потом Судебный департамент начал осознавать свои задачи, потому что в начале проекта он сам толком не знал, для чего он создан, и чем ему заняться.

И тогда решили (не то, что мы решили, а это решение было естественным: факультет ведь есть не в каждом регионе, а мы делали модель — модель с целью распространения), что центральное хранилище данных наиболее естественным было бы организовать в департаменте. Предполагалось, что до завершения проекта основная база данных будет оставаться на факультете. Но как только проект будет завершен, т.е. протестирован, проведена опытная эксплуатация, подправлен софт — все это будет передаваться в департамент, и департамент после этого будет работать уже сам. Но тут, коротко говоря, оно все и кончилось.

Я немного опишу этот проект. Технически я описал: это обычные офисные локальные сети в каждом суде. Делали их с превыше-

нием, т.е. сети делали в расчете на полное оборудование суда, больше, чем ставили компьютеров, предполагая дальнейшее развитие, чтобы вновь поступающие компьютеры тут же включали в общую сеть. Ведь поставка все-таки идет (по последним моим данным): 2–3 компьютера в год на суд.

Сначала собирается база данных в суде. Затем каждую ночь через обычные городские коммутируемые линии с помощью специально разработанного Информационным центром Факультета софта проводился опрос. Собирались данные по некоторым значкам, например, по вступлению в силу: вступившее в силу решение передавалось в центральную базу. Дело было ночью, когда трафик минимален, и никаких дополнительных средств это не требовало — обычная коммутируемая сеть, обычный телефон.

Был разработан софт и для центральной базы — вполне приличный софт современной базы данных. Он даже был с превышением по сравнению с тем, что мы имели в виду, когда говорили о базовых, первого уровня, базах информации. Софт был хорошим, на уровне тех же «Консультанта», «Гаранта». Плюс к этому — база сразу формировалась автоматически. Все поисковые атрибуты брались из системы делопроизводства: те данные, которые содержатся в учетно-статистической карте, достаточно хорошо формируют атрибутивный поисковый аппарат и текстовый поиск. Там хороший словарь, машинная морфология с обработкой окончаний, т.е. очень хороший словарь. Фактически все требования к современной базе данных по умолчанию там были выполнены.

Немного об экономическом аспекте. Могу назвать точные цифры, я их прикидывал. Было создано более 400 рабочих мест. В Санкт-Петербурге — 23 районных суда, занимающих 24 здания (один суд в двух смежных зданиях), один городской суд в двух зданиях (разнесенных, кстати) и Судебный департамент. Везде, за исключением трех судов, о которых я говорил, были построены сети. Поскольку вопрос о безопасности не решен (не решен, потому что не определено: «Безопасность от чего?»), сети, в общем, локальные, изолированные, не имеют выхода, кроме специального — для передачи.

Реплика. А безопасность конечной информации?

В.А. Беликин. Правильно. Для этого и стоял специальный сервер. Это нормальный сервер. Но его назначение — исключительно защита (открытие этой калитки, защита во время передачи и закрытие этой калитки).

Есть много способов сделать это дешевле, но в данном случае это было решение, скорее, превышающее. Но тогда это еще один сервер

на суд. И плюс один мощный сервер базы данных, который поставили в Судебный департамент. Сначала, когда мы рассчитывали на факультет, мы думали использовать сервер факультета. У него достаточно мощный Информационный центр. Но, когда департамент сказал: «Это неправильно, мы сами все сделаем. Давайте нам», — мы во время второго этапа поставок закупили для них специальный сервер. В феврале прошлого года был уже оборудован центр в департаменте, был специально построен коммутационный канал (и не один). Чтобы канал мог поддерживать многоканальную связь, нужны кое-какие вложения, хотя и небольшие. Речь идет о паре тысяч долларов (вместе с абонентской платой), т.е. мелочи. Получилось, что стоимость одного рабочего места (только инфраструктура) — две тысячи долларов. Это включает компьютер с периферией, локальную сеть. Средняя цена на одну розетку — 300 долларов (с работами и пассивным сетевым оборудованием). Это включает два сервера на каждый суд. Все это включает единый сервер судебных баз данных. То есть две тысячи — это очень дешево для такого расклада.

Могу привести пример. Вы сказали, что деньги — большие. Я сказал, что можно потратить любые деньги, было бы желание. Параллельно мы делали еще два проекта (например, проект по заказу Судебного департамента в Кургане). Речь шла о двух районных судах, одном областном и региональном управлении Судебного департамента. Полмиллиона. Или арбитражные суды — Московский областной и Ленинградский областной — 1 миллион 200 тысяч.

С.Л. Чижков. На один суд, а там — на все суды.

В.А. Беликин. Миллион двести — на два суда, т.е. по 600 тысяч. В Кургане полмиллиона — на четыре объекта, а здесь? Сколько объектов получается?

С.Л. Чижков. Если 400 мест на 2 тысячи, получается — 800 тысяч — меньше миллиона на регионы.

В.А. Беликин. Это по минимуму. Но это на современном, вполне качественном, оборудовании.

С.Л. Чижков. Это очень эффективно.

В.А. Беликин. Точно, эффективно. А что делать? Денег не было... Я немного расскажу о функциональной схеме системы. Вся система базируется на подсистеме судебного делопроизводства. Изначально была полная неопределенность. Юрфак делал собственную систему. Потом, в сентябре 2001 года, Судебный департамент официально рекомендовал разработку НИЦ «Агора», которая, по-моему, у них называется «Правосудие». Юрфак перестроил свою систему под форматы «Агоры». Судья и вообще любой работник суда имеет дело

только с этой системой автоматизированного судебного делопроизводства. Он ничего не знает о системе сбора — она проходит мимо него. Он работает в этой системе. Формируются какие-то ресурсы. Ночью, независимо ни от кого, проводится обзор: решения вместе с атрибутикой подтягиваются к центру. В центре — база. В принципе она уже готова к работе, но есть еще дополнительный аппарат для дальнейшей ручной обработки: возможность тематического рубрицирования, редактирования, возможность подтягивать нормативные акты. Это было необязательно, но они это сделали.

А дальше мы споткнулись на том, на чем и боялись споткнуться. В определенный момент опять встал вопрос, который юридическая общественность в обсуждении, в попытках его решить напоминает Тяни-Толкая — вопрос персональных данных и вопрос опубликования. Нам сказали: «Ну, этот вопрос вы сами не решили до сих пор». Это потребность не государства, а потребность общества. И та, и другая: и иметь доступ к решениям, и защищать персональные данные. Определитесь, что важнее. А пока это все будут делать специально уполномоченные люди, т.е. Судебный департамент.

Цифры следующие: если (по последним данным) в Санкт-Петербурге принимается около 110 тысяч решений в год, это — 440 решений в день. Допустим, можно обработать четыре решения в час (просто убрать фамилии, обезличить). Но это 20 человек на постоянной потогонной системе с подстраховкой от болезней и отпусков. В принципе на 5-миллионный регион это немного, но на управление Судебного департамента 20 человек — задача нерешаемая.

Наш нажим немного ослаб еще и по внешним причинам. У нас пошли организационные проблемы в Российском фонде правовых реформ. И проект не то чтобы закончился, он просто был приостановлен. Сейчас, правда, решается вопрос о возможности нашей работы в следующем году. Мы, исходя из опыта, знаем основные болевые точки, основные направления. Мы и так знали, что проблема — не техническая. С технической точки зрения, мы все проанализировали. Мы знали, что все решается, все делается, никаких особых вопросов нет. С экономической точки зрения (как я уже сказал) — по минимуму. Поддержка? Да — Судебный департамент. Связь? Пока еще нет повременной оплаты, оплаты за трафик в Санкт-Петербурге. Связь ничего не стоит пока. Потом будет строить, конечно, в каждом регионе. Этот вопрос о связи будет решаться в каждом регионе отдельно. Например, в Ставропольском крае есть прекрасная оптоволоконная сеть, которая покрывает практически все станицы. Там это будет легко решить. Где-то может быть с «ГАС-выборы». Судеб-

ный департамент пытается составить какую-то корпоративную сеть. Где-то можно арендовать выделенные каналы, но это — деньги. Но деньги у системы сейчас появились. Это не критично дорого. А вот содержание штата, который бы работал с этой базой (речь идет о квалифицированных людях)... Вопрос можно решить с нуля, т.е. полностью автоматизированный сбор, по ключам.

Единственный нерешенный вопрос — относительно персональных данных. Можно собрать, нормально. База работает. Ее не надо специально чистить. Но это — не нормативный акт, в который периодически вносятся изменения, делаются отмены, их надо отслеживать. Если судебное решение принято, то принято. Его может отменить только вышестоящее решение. Специальной обработки не требуется. Готовая база первого (или даже нулевого) уровня — для работы профессионалов, исследователей, коммерческих поставщиков правовой информации и всегда гарантированная возможность реально проверить: подойти, поработать с базой, проверить, что там есть, чего там нет, выбрать статистику.

Передали в Судебный департамент, и, как я уже сказал, на этом все кончилось. В частности, внешне это было так: в тех помещениях, которые Судебный департамент выделил под информационный центр, начали ремонт. Говорят: «Мы для Вашего проекта сделаем капитальный ремонт». Я там был в начале марта этого года. Действительно, стены отштукатурены хорошо. Больше ничего. Что я особо хотел отметить — это вопрос внутренней базы для судей. Хотелось бы отметить даже несколько моментов.

Во-первых, заинтересованность судей в такой базе достаточно вялая. Некоторые высказывали большую заинтересованность, некоторые, например председатель одного из петербургских судов, первым делом говорили: «Как? Это же канал для распространения неправильных решений! Судьи же будут смотреть, делать по опыту, а эти решения — неправильные, так нельзя делать». Такой аргумент.

Второй момент: в конце 2002 года, планируя завершение проекта, мы проводили конференцию на юрфаке с приглашением судей. Судьи говорили: «Вы нам скажите, издайте для нас какие-нибудь правила, как нам эти решения оформлять, публиковать, а сами мы не можем. В каком формате? Мы не знаем, как нам публиковать. У нас нет руководящих указаний. Обеспечьте нам. Нам нужна нормативная база».

У нас никак не могло удержаться на этом специально выбранном промежуточном этапе обсуждения, что это — для судей, для внутреннего употребления. Он все время сваливался в обсуждение

доступа. Это на уровне рефлекторного страха. Мы пока не говорим о внешнем, мы говорим о вашем. «Ну а как же, доступ же должен быть ограничен». Не удалось удержать дискуссию именно на этом уровне и пройти этот запланированный этап, который, как мы думали, пройдет достаточно гладко. По крайней мере судьи привыкнут смотреть, а что же творится в соседнем кабинете, в соседнем зале. Мне было бы любопытно. Большинству — нет. Может быть, это можно было как-то еще решить, но тут наложились наши проблемы, фондовские, и мы плотную работу с проектом прекратили.

Результат такой: три суда работали, передавали решения, пока шли отладка и тестирование системы. Далее. На март этого года, когда я ездил, интересовался, систему автоматизированного делопроизводства используют всего 6 судов из 23. И никаких требований к этому, насколько я понял, инструкции не содержат.

С.Л. Чижков. То, что вы создали, они используют только в нескольких судах, а все остальное, что, по старинке? Перешли, снова на какие-то другие системы набора текстов и т.д.

В.А. Белокин. Нет, текст все набирают на компьютере. Они не используют автоматизированную систему делопроизводства, т.е. они создают у себя на компьютере некую свалку файлов, и это их вполне устраивает. А карточки по-прежнему кто-то в канцелярии заполняет вручную. Мы им говорили, мы поднимали этот вопрос, с департаментом обсуждали. Ладно мы, но ведь в эту же «Агору» вложены немереные деньги. Они же 10 лет работают. Еще на Минюст работали. Если все эти деньги посчитать, перевести в современные цены, она, наверное, золотая будет. Зачем-то это делалось? «Мы же не можем давить на судей, — говорят они. — Судьи — они... на них нельзя давить, они независимы».

С.Л. Чижков. То есть нужна воля...

Докладчик. Точно! Я было собирался это сказать, но вчера меня опередили, и я решил не говорить, а то, думаю... Вот именно, фактически единственное, что требуется — воля. Больше ничего. Судьи заняли очень интересную позицию — стороннюю. Дескать, вот — департамент, решайте с ним, а мы посмотрим. департамент, поскольку реально не обладает ни полномочиями, ни компетентностью решать такие вопросы, тоже боится. Естественно, он — структура обслуживающая, боится сделать что-нибудь не то.

А.В. Смирнов. Вопрос немного риторический, потому что Вы все очень хорошо сказали и всем все понятно, но, тем не менее, Вы говорите, что дело уперлось в проблему (я понимаю, это повод конечно), что персональные данные нужно вымарывать из решений.

Мы сегодня также говорили об этой проблеме, и получается так, что и не надо этого делать, за исключением тех случаев, когда в процессе затрагивалась какая-либо тайна, по крайней мере, на мой взгляд. Но тогда, раз была тайна, очевидно, что судебное заседание также было закрытым. Очевидно, что можно перелопачивать не весь массив, а брать только дела, где судебные заседания были закрытыми. И там, конечно, будет значительно меньший объем материала — в десятки раз меньший. Это раз. И там это можно будет уже делать. И, во-вторых, Вы говорите, нужны компетентные лица. Там, где была тайна, может быть, с судьями как-то решить этот вопрос, чтобы они сразу же купировали те места, где тайна.

В.А. Белюкин. Ну, это нарушение определенного принципа, согласно которому мы хотели по минимуму загрузить дополнительно судей, вообще даже не загружать. Это возможно, тут возможны разные решения. Любовь государственных органов к открытию информации — она известна. Даже если нет конкретных каких-то причин, всегда есть «вдруг чего», «мало ли что», «откроем, а там — скандал».

А.В. Смирнов. Вы говорили вначале, что это было как бы в обмен. Суды компьютеризируют, за это они обязуются открыть информацию. Получается, что вас надули.

В.А. Белюкин. Примерно так, хотя у нас не было такого. Это была договоренность, но когда все это начиналось, непонятно было, а с кем мы вообще должны, можем... Так бы по-хорошему — было бы все понятно, мы бы заключили письменное соглашение.

А.В. Смирнов. А кто деньги давал? Всемирный банк?

В.А. Белюкин. Это связанные деньги Федерального правительства. Это те деньги, которое Федеральное правительство взяло в долг у Всемирного банка.

А.В. Смирнов. Все-таки Федеральное правительство?

В.А. Белюкин. Федеральное правительство.

С.Л. Чижков. Деньги надо отдавать. С большими процентами.

В.А. Белюкин. Надо. Нет, проценты маленькие. 2% — самый низкий процент среди международных финансовых организаций.

В.И. Руднев. У меня вопрос такой: Вы говорили о том, что после того, как эта система была запущена, не все суды выполняют это — три суда или сколько? Но ведь там речь идет о деятельности не процессуальной, не связанной с принятием решений, а связанной с обработкой информации. Это, в общем, не задача судей, а задача Судебного департамента. Это — организационная работа, поэтому судьи к этому, по большому счету, не имеют отношения. К этому имеют отношение или аппарат, или Судебный департамент, или другие органы и т.д.

С.Л. Чижков. У нас судья очень часто нагружен специфическими и непрофильными функциями. Дело в том, что когда мы разговаривали с теми же американскими судьями, они говорили: «Моя задача принять правосудное решение. Вот моя задача. Все остальное — дело аппарата». И у них, более того, принцип разделения властей, отделения судебной власти от всех остальных, распространяется в т.ч. и на судебное здание. Там тоже есть разделение: собственно судебных функций и административных функций. Административные функции полностью отделены от судебных функций. Это прослеживается четко. Наши судьи даже как будто впервые понимали: «Ага! Действительно, это же не дело судьи!». И когда мы с судьями говорили, даже по таким вопросам: а должен ли судья комментировать свое решение, то я пересмотрел свою точку зрения на этот вопрос. Нет, не обязан, он все сказал в решении, он его написал. Галочки ставить, вести статистику — это не его дело. Он должен принять правосудное решение. Стоит ли его нагружать какими-то дополнительными функциями? Нет, не стоит. Поэтому тот судья и говорит: «Меня вообще не интересует вопрос: публикуется — не публикуется. Не я принимаю решение. Я принимаю решение по существу спора. Все. Все остальное — это дело административной структуры».

Мне кажется, что в Питерском проекте надо повернуться лицом к судье и сказать: «Вы примите правильное решение. Это — Ваша функция, все остальное мы сделаем». И учитывая все эти сложности, что они сохраняют не в той папке, надо доработать автоматизированную систему. Может, в этом направлении пойти?

Л.С. Халдеев. На самом деле судья поставил точку, вышел в зал и огласил, он должен забыть об этом. Просто забыть. Что с этим будут делать, кто это будет делать, буквы менять или цифры менять — это не его дело, он садится — следующее дело, и решает проблему правосудия. Вот и все. И надо любыми средствами, финансовыми, освободить его от этого. Новых людей дать, технику какую-то, и т.д. Не должен судья этого делать — это первое, потому что статус его другой. И второе, он ведь еще потом будет отвечать и за ту ошибку, которую он допустит. А зачем ему это надо? Когда он дает согласие быть судьей, он идет на то, чтобы осуществлять правосудие, а не на то, чтобы какие-то технические вещи еще делать.

С.Л. Чижков. Последнее выступление, последний доклад в большей степени посвящен совсем не нашим проблемам и не нашим успехам.

В.А. Власихин, ведущий научный сотрудник Института США и Канады, кандидат юридических наук. Не в большей сте-

пени, а целиком. Я вообще — американист, я не трогаю российскую проблематику. В отдельные моменты этого прекрасного семинара по тому, как затрагивались некоторые вопросы, по характеру сетований и по некоторым позициям у меня возникало ощущение, что я нахожусь году в 1987, на дальних подступах к гласности. Как будто не было этих всех лет. По отдельным позициям (не все время) мне становилось немного не по себе. Это единственное, что я скажу про Россию.

Я — американист и работаю в Институте США и Канады — ведущий научный сотрудник Власихин Василий Анатольевич. Тема у нас — транспарентность, прозрачность судебной власти, которая складывается из доступа в суды и доступа к судебной информации. С ходу вопрос: Сергей Львович, Вы говорили, что ходили, гуляли в Верховном Суде (он по-чуждому называется в Массачусетсе). У вас пропуск туда был?

С.Л. Чижков. Вообще-то ни в одном суде от нас никаких документов не потребовали. Даже в Верховном суде в Вашингтоне. Что касается Верховного суда Массачусетса, то мы попали туда... через специальный лифт для заключенных. Ну, так захотели ради экзотики...

В.А. Власихин. Мне уже стыдно говорить, все уже все про Америку знают. Иногда чувствуешь себя неловко. Иногда говорят: «Ну, что ты опять со своей Америкой?! Америка твоя уже вот где! Все все знаем». Подавляющее большинство здесь присутствующих и номинальных, кто не пришел, были в Америке и знают: суды — открытые. Любой может войти (в любой суд любого уровня), присутствовать на любом заседании. Вы знаете, что закрываются только заседания судов по делам несовершеннолетних, и то в редких случаях, не целиком, а по отдельным эпизодам (я узнавал у практика по делам национальной безопасности). Это что касается физического доступа в суды.

Что касается информации, то просто как турист (вернее, я был в служебной командировке с Лебедевым) во Флоридском суде я наблюдал интересную сцену. Нас привели в такую приемную, как в банке, знаете? Окошечки, окошечки. И администратор суда говорит: «Здесь у нас простые граждане, кто хочет, получают копии любых судебных актов». Тут же целый ряд компьютеров, по которым человек может найти то, что его интересует, идет в окошечко и говорит: «Мне — вот это». Ему выставляют счет (в Америке — капитализм), но не как на рабочих материалах — по пять долларов за страницу. Нет, речь идет о центах за страницу. Выставляют счет за работу (ксерокопирование или распечатку) и выдают любому — не спрашивают, журналист — не журналист. Ты пришел, трезвый, прилично себя ведешь, не хулиганишь — получаешь информацию. Так что, этот вопрос закрыт.

Вопросы магнитофонной, аудио-, видео-, фотозаписи — было сказано, все знают, что в федеральных судах ничего этого делать нельзя. В судах Штатов вопрос решается по-разному, в зависимости от председательствующего — могут разрешить.

Я как-то увлекался фотографией, видел рекламу в фотографическом журнале, по-моему, «Лейка»: «Судья такой-то из штата Флорида разрешает нашу «Лейку» в зале судебного заседания, потому что у нее бесшумный затвор». Но мой сегодняшний «анекдотец» — совершенно простенький по сравнению с тем, какие пласты были подняты в отношении российского правосудия.

Как человек с юридическим образованием и американист я как-то вечером у себя дома, как простой юзер (прошу заметить, простой юзер — человек, не понимающий в технике; у меня системный администратор — мой сын 18 лет, он все делает). Я просто могу найти выход. Я решил попробовать (вы помните, тогда был семинар аналогичного свойства, материалы готовил), как я, просто сидя у себя дома за компьютером на Юго-Западе, могу установить масштабы прозрачности американских судов. После того, как я подбил итоги и написал этот материал, который содержится в рабочих материалах, я был захвачен самой невероятностью того, что, сидя в тапочках у себя дома на Юго-Западе, я могу облазить все суды США и посмотреть их по всем параметрам. На некоторых сайтах размещены даже видео-экскурсии по зданию суда (фото — очень часто).

Вы все знаете, что Америка — государство федеративное, и там — подлинно федеративная система судов — подлинно, еще раз подчеркиваю. Системы федеральных судов в большинстве штатов трехзвенные. Я отстранил в сторону Верховный Суд США, там все в порядке, где-то — схожесть с нашими параметрами. Решил сразу перейти в федеральные суды, эти — окружные суды первой инстанции. Естественно, каждый из этих федеральных судов, федеральные окружные первой инстанции и апелляционные, имеют базовую страницу. Найти очень просто — федеральный сайт. У меня на бумаге написано: «US Court, Subcourt». Все это — очень просто, через любую поисковую систему.

Здесь же у федеральных судов — комплект примыкающих обслуживающих учреждений: Конференция судей США (американский Совет судей) и административные службы судов США (американский Судебный департамент). Есть ссылки на Общество американских судей, на Ассоциацию администраторов судей, Комиссии США по вопросам наказаний, Гильдии судебных репортеров (хороший «анекдотец» прозвучал вчера), Конгресс, и т.д. На сайте феде-

ральных судов я обнаружил кнопку (опцию), которая называется «Наиболее часто задаваемые вопросы». Кликнув на нее, я нахожу такой вопрос среди прочих: «Как я могу проверить состояние производства по моему делу? Могу ли я знакомиться с материалами дела?»

Первая фраза в ответе на этот вопрос была очень бесхитростной. Она обескуражила своей житейской мудростью. Там было буквально сказано: «Положитесь на своего адвоката, который наверняка знаком с повседневной работой Вашего суда и будет Вам хорошей подмогой». И далее, если ты все-таки настаиваешь, я зачитаю текст — он довольно интересный в переводе: в общем, все документы суда, и принятые, и зарегистрированные судом, являются открытыми документами для населения. Они доступны через офис клерка суда — это или администратор, административная структура, или заведующий канцелярией. Как угодно называйте. В порядке исключения некоторые документы печатаются по специальному постановлению суда, а некоторые документы, такие как материалы слушания Большого жюри и материалы уголовных дел, относящиеся к несовершеннолетним, являются закрытыми в силу закона. Вы знаете, что производство перед Большим жюри вообще закрыто, это досудебная процедура, как бы предварительное расследование — оно, в принципе, закрыто. Как хранитель судебной документации офис-клерк суда, администратор отвечает на большинство запросов о состоянии производства по интересующему делу (если будет предоставлено конкретное наименование дела или его регистрационный номер). Во многих судах запрос о получении информации, просьбе об ознакомлении со списком дел, материалами дел, иллюстрациями доказательств или другими документами представляется гражданами приемной офис-клерка. Часто запросы делаются по телефону. Установлена плата в размере 15 долларов (я освежал, недавно смотрел, не изменилось) за предоставление гражданину информации, неподготовленной для выдачи, на поиск которой требуется время. 50 центов взимается за каждую выдаваемую страницу копии какого-то документа в распоряжении суда.

Почти все федеральные суды оснащены автоматизированными системами поиска и извлечения информации через персональные компьютеры и телефонную связь. В большинстве судов доступ к информации, связанной с тем или иным делом, осуществляется бесплатно самими гражданами в приемной офиса-клерка (все, что я наблюдал с Лебедевым в приемных Флоридского суда). За предоставление информации посредством телефонной связи из дома или с работы в настоящее время взимается умеренная плата в размере 6 центов за минуту. Во многих судах по делам о банкротстве и

апелляционных судах установлены телефонные информационные системы, позволяющие звонящим получить информацию по делу с помощью кнопочных телефонных аппаратов. Пользование этими системами бесплатное. Они работают круглосуточно, имеют бесплатный номер для междугородних звонков.

Для электронного поиска документа федеральных судов со своего компьютера (мне советуют) вы можете воспользоваться услугами Центра электронного публичного доступа к судебной документации Административной службы судов США. Это ныне известная система PACER (как она сокращенно называется). Этот центр был учрежден по настоянию Федерального судейского корпуса, в лице конференц-судей, и был передан американскому Судебному департаменту. PACER — название складывается из первых букв названия систем электронного доступа граждан к судебным документам: Public Access to Court Electronic Records — Публичный доступ к судебной электронной документации.

Америка отличается тем, и мы в перерыве это обсуждали, что в ней нет этой зарегулированности. Какого-либо закона или нормативного акта для создания системы PACER не требовалось. Вообще, многие аспекты в Америке не регулируются. Для создания системы PACER суды в одиночку размещали о себе информацию.

Я решил поинтересоваться историей: откуда «растут ноги» у этой системы. И просто написал менеджеру по электронной почте (там указан веб-мастер). Я написал, и мне ответил менеджер системы PACER. Оказалось, что инициатива создать такую единую систему электронного доступа граждан к документации судов исходила от низов — от клерков судов (в данном случае мелких служащих), секретарей, на которых падала основная тяжесть работы с бумагами, которые были перегружены работой, т.е. запросами, когда им приходилось отвечать на запрос на выдачу материалов дела, поступавший по почте или телефону.

Инициатива создать электронную систему доступа была поддержана органами Федерального судейского сообщества, которые обратились в Конгресс США с просьбой о включении соответствующих денег в бюджет судебной власти. А Конгресс США сказал: «Денег не дам». И не дал. Он сказал: «Хотите иметь систему, назначайте разумную плату. Вы посоветуйтесь между собой, между товарищами, назначьте разумную плату за пользование и на этой основе создавайте себе бюджет и расходуйте средства на функционирование системы». Конгресс обозначил предложенные судебной властью тарифы. Они были закреплены в законе, и дальше дело поехало.

На сайте PACER имеются следующие опции: обзор системы PACER (общие обзоры), регистрация для пользования PACER, переходы на сайты различных судов (94 суда федеральных округов первой инстанции и 12 апелляционных), индекс дел, по которым Соединенные Штаты выступают стороной, информация по расчетам. Капитализм — за все надо заплатить. Документы PACER включают в себя пособие для пользователей, наиболее часто задаваемые вопросы, объявления, общие объявления, ежеквартальные вестники PACER, новости PACER.

Заглянув на страницы, я узнаю, что электронный доступ возможен к документации большинства федеральных судов, каждый из которых имеет собственную систему доступа. В индексе дел, по которым Соединенные Штаты выступает стороной, поиск осуществляется по следующим параметрам: по делам о банкротстве — по имени лица или по номеру его карточки социального страхования; гражданские дела — по названию или сути гражданского дела; по уголовным делам — по имени обвиняемого; для дел в апелляционном производстве — по имени стороны. Каждый клик кнопки мышки выведет на экран монитора имя стороны, наименование суда, который принял дело к производству, и дату регистрации дела в суде. Предоставляемая информация включает следующее: список сторон и всех участников процесса, в том числе, представителей сторон, а также такие сведения о деле, как основание для иска, его характер, сумма исковых требований, хронология производства по делу, включенная в материалы дела, реестр исков, ежедневный список вновь поступивших дел, решения апелляционных судов, решения судов или состоящие движения дела, виды документов, приобретаемых к делам.

Доступ к материалам судов в системе PACER открыт круглосуточно. Объявление ободряет. Там сказано буквально: «Вы можете проверить всю самую свежую информацию, касающуюся делопроизводства суда и недавно закрытых дел, не занимаясь постоянным хождением в суд для того, чтобы знакомиться с бумажным содержанием дела». Если же обновление информации не производилось, это можно подтвердить в считанные секунды. Надо, однако, зарегистрироваться — регистрация бесплатна. Дают возможность бесплатно потренироваться — некоторый бесплатный вариант, потому надо все-таки заплатить за абонентское пользование.

Сидя у себя дома на Юго-Западе, я пытаюсь обойти кассу. Как бы мне обойти кассу, куда-нибудь влезть и посмотреть решение, документ, живой судебный акт? Я пошел в Новую Англию, в Бостон. Это был апелляционный суд по первому апелляционному округу (навер-

ное, новый). Решения здесь доступны без кассы (добрые они). Есть две опции: «Опубликованные решения суда», последние из которых размещены 28.11.2004 года в 7 часов 00 минут 10 секунд по полудни, дела номер: 00141 002124 97-1583 и «Неопубликованные решения суда», последние из которых размещены 23.11.2004 в 4 часа 45 минут 06 секунд по полудни, дела номер... Опубликованы — не опубликованы. В США не опубликованные решения апелляционных инстанций, т.е. те, которые не включены в официальные сборники судебных решений, не имеют полновесной законной силы. Поэтому здесь же на сайте есть предупреждение: «Не для публикации! В качестве прецедента не цитировать». То есть рассчитывают на твою добросовестность, капиталистическое правосознание. Это не значит, что журналистам его нельзя цитировать. Это предупреждение для адвокатов, естественно. Значит, вывод: суд вправе разрешить доступ как к материалам незаконченного производства по делу, так и решения, которые не обрели полной законной силы, только предупредив пользователя, что информация — для его личного употребления, и только.

Я перескакиваю всю первую инстанцию. У меня — красиво, с картинками, недавно его построили. В материалах посмотрите. На странице надпись: председатель суда себя рекламирует. Достопочтенный Уильям Дж. Янг, председатель суда, и Тони Анастас — клерк суда. Размещена фотография здания суда. Дальше я зачитаю (это вопрос о доступе к судебной информации): новости, общая информация о суде, информация относительно присяжных, путеводители публикаций, информация о делах, управление движением дела и электронный доступ, ежедневный список дел к слушанию, формуляры и бланки, используемые в суде (это все можно скачать), информация для адвокатов, вакансии в аппарате суда (если на работу хотите устроиться), полезные ссылки, план сайта, как контактировать с нами. Среди последующих — тариф судебных пошлин, правила производства по гражданским делам в суде, правила производства по уголовным делам в суде, информация о порядке в зале суда, информация о клерке суда, задачи и функции клерка суда, администратора, предлагаемые поправки к правилам судопроизводства, адреса суда, ежегодные отчеты суда, как проехать к отделению суда в Бостоне, как проехать к отделению суда в Урстере, как проехать к отделению суда в Спрингфилде. Отдельно — опции, касающиеся адвокатов: инструкции по заполнению заявления о допуске к адвокатской практике (суды там контролируют процесс допуска в адвокатуру), план заявления о допуске к адвокатской практике, порядок регистрации адвокатов, желающих выступать по делам неимущих (*pro bono*), анкеты и заявления для адвокатов, желающих выступать по делам не-

имуших. Кнопочка «Полезные ссылки» — для граждан, федеральная судебная власть, суды штата Массачусетс, Ассоциация адвокатов штата Массачусетс, Ассоциация адвокатов города Бостона, Апелляционный суд США по первому апелляционному округу и суд по делам о банкротстве. Я, естественно, нажимаю «Информация о делах» и наталкиваюсь на препятствие: «Если хотите посмотреть список дел производства, можно получить информацию, но по параметрам федеральной системы PACER». То есть надо ввести пароль пользователя системы и зарегистрироваться, платить разумную пошлину.

Я, движимый каким-то чутьем, перескочил в Нью-Йорк — окружной суд США по восточному судебному округу Нью-Йорка. И здесь я обнаруживаю бескорыстность достопочтенного Эварда Кворумена, председателя суда, и Роберта Хейнимана — клерка суда, первым делом, любезно извещающих посетителей сайта: «Доступ к информации, размещенной в этой системе, в настоящее время является бесплатным. Однако в будущем мы, возможно, установим плату, взимаемую с пользователей, в размере, предписанном Конференцией судей США. Дальше, естественно, идут подробные описания касательно работы суда по следующим общим параметрам: общая информация о суде, образцы документов, пользование которыми принято в суде, сведения об обязанностях присяжных, списки дел к слушанию, представление документов и их регистрация, осуществляемая в электронной форме, решения, представляющие интерес, дела, представляющие интерес, уведомление, помощь в поиске, статус информационной системы суда, «Что нового», поиск по сайту и другие сайты восточного округа, ссылки. Я мог вынуть любой судебный акт, но я решил перебраться на западный берег и перескочил в Калифорнию.

В Калифорнии — очень интересно. Судебная власть крупнейшего штата в стране обеспечивает доступ (как следует из объявления на сайте) к сайтам калифорнийских судов — California Courts. Объединенная система разъясняет посетителю устройство штата и снабжает информацией о публикациях, связанных с деятельностью судов. Далее переход — кнопочка «Решения судов», где сообщается, что здесь размещены полные тексты решений Верховного Суда штата и Апелляционного суда Калифорнии, обнародованных за последние 120 дней. В соответствии с пилотной программой, которая вступила в действие в 2000 году, решения, обнародованные ранее, доступны на архивной странице этой кнопочки.

Решения, которые тщательно отредактированы для официальных сборников решений апелляционных инстанций Калифор-

нии, доступны через систему West Publishers. Это крупнейшее ведущее американское издательство, которое официально публикует в бумажном виде решения судов. Решения Верховного Суда Калифорнии, которые суд обычно регистрирует в 10 часов утра по понедельникам и четвергам, размещаются в электронной сети немедленно после регистрации. Решения Апелляционного суда размещаются в течение нескольких часов после их регистрации в офисе, в административных структурах.

Каждое решение одновременно размещается в формате Word'a и в формате Adobe Acrobat. Решение не является объектом охраны авторских прав. Верховный Суд Калифорнии свои документы предлагает по следующим параметрам: представленные, зарегистрированные дела (даты размещения, наименование дела, описание дела), решения, принятые за последние 24 часа (даты размещения, номер дела в списке, наименование дела, описание дела, ссылка «смотри предыдущее решение»), список действий Верховного Суда по делам, находящимся в производстве (дата размещения, наименование дела, описание дела), списки дел, назначенных к слушанию за последние 30 дней (дата размещения, номер дела в списке, наименование дела, описание дела, ссылка «смотри предыдущий список»), протоколы рассмотрения дел за последние 7 дней (дата размещения, наименование дела, ссылка «смотри предыдущие протоколы»).

Дальше я перескочил в Канзас. Свой выбор я делал не совсем произвольно, а где-то подсознательно. В свое время мне довелось учиться в Новой Англии, в Канзасе — преподавать, в Калифорнии приходилось бывать в служебных командировках.

Потом я залез в Техас. Президент США оттуда родом. Дай, думаю, там посмотрю, что творится.

Канзас меня потряс. Я не знаю, стоит ли зачитывать те кнопочки, опции, о которых я прочитал (в принципе они повторяются), но тут есть некоторые вещи, которые касаются канзасской судебной власти. Тут все есть, абсолютно все, о чем я говорил до того. Вот что интересно: полные тексты решений Верховного Суда и Апелляционного суда Канзаса (это к тому, что капитализм — капитализм, но там есть и благородные люди) доступны в Интернете бесплатно. Проект размещения этих решений, кстати, осуществляется административной службой судов штатов совместно с двумя юридическими вузами: Университет в Ошборне и Канзасский университет. Совместный проект. Поиск интересующего решения можно осуществлять введением ключевого слова, регистрационного номера дела, даты оглашения решения суда, «опубликовано» или «не опубликовано».

Решение, как правило, размещается на сайте в течение одного часа. Обычно в 9 часов 30 минут утра в пятницу осуществляется их передача ответственным за сайт в службе составителю сборника судебных решений. В административной структуре суда у них есть такая должность. Административная служба также размещает краткое изложение избранных решений. Это для любопытствующих. На сайте имеется важное предупреждение в отношении решений, изданных в виде отдельных оттисков (это на листочках, которые они раздают и которые еще не сбиваются в сборники), могут быть заявлены ходатайства о пересмотре или повторном рассмотрении дела до вступления решения в законную силу. Прежде чем ссылаться на такое решение, убедитесь, что оно стало окончательным (опять апеллируют к капиталистическому правосознанию). Решения, изданные в виде отдельных оттисков, подлежат модификации в силу издаваемых судебных приказов или редакционной правки до их опубликования в официальных бумажных сборниках судебных решений. Обращайтесь к окончательным, официальным текстам решений Верховного Суда Канзаса и решений Апелляционного суда Канзаса, включенных в переплетенные издания сборника решений этих судов. Просьба к адвокатам — обращать внимание на типографские и иные технические ошибки в тексте: «Пожалуйста, сообщайте о замеченных ошибках только-то составителю судебных решений».

Теперь я перепрыгнул в местный суд. Местные суды меня потрясли. Я сейчас опущу Тапико, штат Канзас. Заверяю вас, здесь есть все — потом посмотрите в моем материале. Есть некоторые «эмоционально-романтические» вещи, которые я хотел бы отметить. Здесь говорится (местный суд штата Канзас, графство Шоуни): «Вся предоставляемая информация (а там — абсолютно все судебные акты на местном уровне) является публичным достоянием и не является конфиденциальной», — заявляется на сайте. — «Если возникли вопросы с делом, обращайтесь к своему адвокату или в офис клерка окружного суда графства Шоуни». Еще одна система: я через компьютер в данном конкретном суде могу бесплатно получить электронные копии судебных актов.

Теперь я отправился в Техас. Там я натолкнулся на несколько иную систему предоставления информации. Естественно, все распланировано. Меня встретила миловидная женщина, администратор суда (там есть фотография), окружной клерк — она отвечает за все, она стоит в кругу защиты своего суда. Все осуществляется через нее. Она — фильтр, канал, как угодно это называйте. Доступ к материалам дела и иной документации данного суда в Техасе обеспечен полностью, но

надо платить деньги. Бесплатно вы, экскурсанты, можете ознакомиться с основными данными о делах: наименование суда, даты принятия к производству и принятия решения, имена тяжущихся сторон и представляющих юристов. Если же появился интерес к постоянно-му доступу к материалам дел, то до регистрации в качестве постоянно-го подписчика можно 10 дней ими пользоваться бесплатно. Тебе дают для затравки 10 дней бесплатно. Программа такого доступа посредством Интернета в Техасе называется АЙДОКИТ. Она объединяет суды графств — АЙДОКИТ система. Выдержки из инструкции для пользования этой системой: «Пользователи программы АЙДОКИТ могут заказать документы суда кликом кнопки мышки. Пользователям программы надо всего лишь указать искомый документ, кликнуть кнопкой, избрать форму доставки документа: факсом или почтой (т.е. через электронику тебе не дают), а затем дать возможность клерку суда выставить счет за копирование и доставку документов на номер кредитной карточки пользователя. Нет нужды (предупреждает) в устных или телефонных запросах. Программа АЙДОКИТ является формой Интернет-услуги, позволяющей пользователям Интернета осуществлять поиск информации о конкретной стороне по делу, юристам, представительным сторонам, подведомственным суду в графстве, дате регистрации дела или преступлении по уголовному делу. После того, как пользователь находит искомое дело, он может ознакомиться с датами поступления и разрешения дела, категориями дела, формой окончания производства по делу — вердикт присяжных, мировое соглашение о прекращении дела, сторонами по делу или их представителями (юристами), получателями, датами слушания в суде и т.д. Вся информация вокруг «мяса» решения. Кликнув кнопкой «Заказ», расположенной рядом с наименованием документа, пользователь программы АЙДОКИТ может запросить копии документа. Суды графств, т.е. нижестоящие суды, объединены в эту программу. Расценки в суде графства Поттер таковы: если хотите иметь неограниченный по времени или количеству просматриваемых документов доступ («золотой» — у них называется), то за месяц пользования должны платить 49 долларов 95 центов, за квартал — 130 долларов 95 центов, за год — 499 долларов 95 центов. Дополнительно законом установлен налог на покупку услуги. Я здесь привел только «золотой» доступ, дальше идет «серебряный», «медный», «деревянный».

В связи со всем сказанным я хочу подчеркнуть: судоустройство в США плюралистично, поистине федеративно, плюралистичные подходы судов и органов судебного правления к вопросам доступа к информации. Но главным является то, что доступ к инфор-

мации открыт, и любой судебный акт (как было сказано на одном сайте местного суда) является публичным достоянием.

Я приложил к своему материалу, к своему «анекдотцу», перевод статьи г-на Мекома, который долгие годы занимал пост директора Административной службы федеральных судов, т.е. директора американского Судебного департамента. В своей статье он описывает, как они дошли до системы PACER, с чего они начинали, какой методикой, методологией они пользовались, с чего начиналось, как продолжалось, как приходилось преодолевать трудности и т.д. Когда материал будет опубликован, вы сможете подробно ознакомиться. Но там тоже есть одна «романтическая» вещь, которая прозвучала у моего полного тезки Василия Анатольевича, рефреном была. Это статья Леонидаса Ральфа Мекома «Электронные материалы дел в федеральных судах». Статья адресуется (цитирую) «тем судам, которые готовы идти вперед».

С.Л. Чижков. А эта статья где-то опубликована?

В.А. Власихин. Она будет опубликована впервые в этом сборнике. Я сделал предложение.

С.Л. Чижков. Какие вопросы авторского права и прочее?

В.А. Власихин. Нет проблем. Я потом объясню.

С.Л. Чижков. Друзья, у меня чувство грусти и радости за то, что у нас все еще впереди.

В.А. Власихин. Я забыл сказать, что они начали систему в 1990-м году. И Конгресс сказал: «Не дам денег!»

С.Л. Чижков. А мы — в 1996-м.

Реплика. Мы тоже начали в 1990-м.

С.Л. Чижков. На самом деле, эта система — продукт нескольких вещей, которые встретились в нужное время, в нужном месте. Это бурный рост информационных технологий, невероятный профицит бюджета при Клинтоне, когда бюджеты судов росли как на дрожжах и наличие хорошей многовековой демократической традиции. Вот три вещи, которые встретились. Не было бы информационных технологий и т.д., ничего бы этого тоже не было. Один интересный американец рассказывал, что в начале 80-х годов у них было то же самое, что у нас сейчас. Нужно было бороться, еще что-то делать. И вдруг начался информационный бум, Интернет-революция, и все почувствовали необходимость своего участия в этом. Судья немного по-другому все понимает: он понимает не как чиновник, а как лицо гражданского общества. Но не в полном смысле лицо гражданского общества, а некоторая точка, лицо, которое уполномочено решать эти проблемы. Когда говоришь с американскими судьями, каждый

раз обнаруживаешь, что они видят себя как часть этого community, чьи проблемы они решают, действительно живут проблемами своего сообщества. А многие наши судьи видят себя, скорее, как лицо государственное, чиновника, которого государство уполномочило решить какие-то проблемы на этой территории. Он часто не видит себя лицом, вовлеченным в эту большую жизнь. И плюс ко всему, вспомните, наверняка, видели какие-то фильмы: судья или еще кто-то приходит в школу и общается и т.д.

Спасибо, Василий Анатольевич. Будет масса вопросов.

А.В. Ремигайло. Вы не будете возражать, если Ваш доклад в том или ином виде будет размещен либо на сайте Высшего Арбитражного Суда, либо...

С.Л. Чижков. Есть авторские права.

В.А. Власихин. Я отдался. Вы знаете, что интересно... Название сайта, который если у вас в электронном виде это есть, то можно проверить, не соврал ли. Вы сразу нажимаете на эту ссылочку, воспроизведенную в тексте...

А.В. Ремигайло. Сергей Львович, поскольку Василий Анатольевич в теме, нельзя ли это чуть-чуть продолжить и сделать небольшое сравнительное исследование: суды в виртуальном мире США и в России.

С.Л. Чижков. Что касается России, то я могу два слова сказать. Я делал обзор «Российские суды в Интернете», когда готовил обоснование проекта. Это было два года назад. Да, это было давно, но основные сайты уже были: и Ваш был сайт, Высшего Арбитражного Суда и т.д. На тот момент нормально функционировали 38 сайтов по всей стране. 38 сайтов — это очень мало. При этом некоторые находились в такой интернетовской глубинке, в доменах четвертого уровня. Более того, я выяснил, что многие сайты расположены на серверах судов, и при этом у них коммутируемый доступ в Интернет. Вот тут начиналось самое смешное. Он есть, какая-то страничка загружается, а дальше уже ничего невозможно, потому что по этому же каналу они выходят в Интернет и качают свою информацию. Ситуация тяжелая.

Что касается другой информации, то, как ни странно, наиболее интересную, полную информацию о судах я находил совсем на других ресурсах, не связанных с судами. Например, на сайте таеквондо. Один из юристов, одновременно и обладатель черного пояса, и сенсей, решил собрать всю информацию по московским судам. Там представлена наиболее полная информация: и о судьях, и о судах, и о принимаемых решениях. И там даже расписана повестка по многим судам: какие дела будут рассматриваться. Человек в порядке частной

инициативы это делал и продолжает делать. Это очень хороший сайт. Когда мне что-то нужно, я туда захожу. Но это не сайт суда.

И, наконец, я скажу еще одну вещь — очень важную и, к сожалению, очень грустную. Почему сорвался портал судебной информации? Идея была такова: создать информационный ресурс, где все суды могли бы разместить свои сайты, создать их через веб-конструкторы или через другую оболочку (можно было бы помочь им, либо разместить там их зеркала). Был бы ресурс с легким доступом. После второго месяца мытарств выяснилось, что, во-первых, отдел информатизации судов этого видеть не хочет, потому что они рассчитывают, что деньги будут либо им, но они для кого-то другого работать не будут. Но потом появилось постановление Правительства о том (и это очень важно), что вся информация, находящаяся на сайтах судов, является официальной. Более того, все информационные ресурсы, в т.ч. ресурсы в Интернете, суды могут создавать либо из бюджета, либо из внебюджетных фондов, либо специальных федеральных программ, в частности, «Электронная Россия». Это всего два источника создания информационных ресурсов. Никаких коммерческих ресурсов — нельзя. Более того, нельзя оказывать помощь в создании сайтов. Это тоже не допускается. То есть то, в чем когда-то помогал «Гарант», «Консультант», брали гранты и т.д. — нельзя. На сегодня ситуация такая, что информационные ресурсы судов, органов государственной власти могут развиваться за счет либо бюджета, либо целевых федеральных программ. Все. На этом поставлен крест всяким инициативам Гильдии судебных репортеров, других организаций, которые хотели бы что-то сделать.

А.В. Ремигайло. По крайней мере в прошлом году арбитражным судам были выделены специальные средства на создание сайтов, и многие суды эти сайты создавали. У кого-то они лучше, у кого-то хуже, но я нигде не встречал именно такого анализа: что же все-таки представляет из себя присутствие арбитражных судов в Интернете? Что там хорошо, чего там не хватает?

По сравнению с теми же Соединенными Штатами (я знакомился с опытом — в свое время был в Министерстве по налогам и сборам), они в Интернет вышли раньше нас, и, с точки зрения организации этой работы, они шли впереди судебной власти, по крайней мере, в управлении информацией, общественных связей. У них было подразделение, которое занималось постоянным мониторингом сайтов, имеющих территориальные органы министерств по налогам и сборам. У них были свои показатели в работе: насколько они обновлялись, насколько актуальная информация, достаточно ли там

документов (имеется в виду нормативных актов) по налогам и т.д. Эта работа только развивается: опыта у судов нет, ресурсов, конечно, тоже (по сравнению с Соединенными Штатами, где есть специальный отборщик решений, составитель). У нас ни один суд не может это себе позволить. Тем не менее работу эту делать надо, развивать надо. На мой взгляд, было бы неплохо провести такой анализ, который можно было бы даже направить в адрес вновь назначенного председателя Высшего Арбитражного Суда.

С.Л. Чижков. Я сначала не совсем понял Ваш вопрос. Я прошу прощения, что я за Вас отвечаю, но я этим интересовался. Я анализировал информацию, содержащуюся на сайтах. К сожалению, она везде одна и та же, несмотря на то, что дизайн у всех сайтов разный.

Везде мы обнаруживаем основные нормативные документы: о статусе судьи (ГПК мы там не найдем, но какой-то «джентльменский набор» — что там можно публиковать), распорядок дня, какие-то контактные телефоны. Решений я не видел. Решения я видел на сайтах военных судов. При этом доступ на некоторых из них был по FTP, на некоторых просто были образцы маловажных судебных решений.

Я не беру высшие суды, арбитражные суды, потому что там есть решения. Я говорю о судах общей юрисдикции. Там, как правило, решений нет. В лучшем случае — образцы заявлений, что-то о работе суда, расписание, и очень часто я встречал дела, назначенные к слушанию, годичной давности. То есть обновление явно идет от случая к случаю и не на должном уровне. Нет такого, что обновление произведено сегодня утром в 11 часов 10 секунд.

А.В. Ремигайло. Либо Вы считаете, что это положение Вас устраивает как представителя общественности, либо нет. А если Вас это не устраивает, то сразу вопрос: «Какое управленческое решение принять? Что надо сделать для того, чтобы не только мы с Вами обменялись мнениями и посетовали на то, что да, это плохо, а что надо сделать?» например, предлагаю предать этот анализ, который Вы провели, публичности. А потом, уже в зависимости от этого, посмотреть, какое решение примет администрация судов, руководство Высшего Арбитражного Суда, если, по Вашему мнению, есть какие-то недостатки. Раз какие-то деньги были отпущены, то в какой степени они истрачены. Есть недостатки? Можно эти недостатки устранить, можно сделать наши сайты более совершенными.

С.Л. Чижков. На самом деле, может быть, и так, но я не вижу возможных результатов. «Электронная Россия» выделит специальные средства для судов либо разработает какой-то алгоритм, либо разработает какие-то шаблоны, минимальные требования? Вряд

ли. А поскольку доступ к другим источникам финансирования у судов закрыт, то в чем тогда смысл?

А.В. Ремигайло. Я думаю, что средства федерального бюджета найдутся в размере, выделяемом на информатизацию судов.

С.Л. Чижков. Друзья, я думаю, что всех проблем мы не решим. Заключительное слово Чижкова Сергея Львовича. Кто хотел выступить? Кто хотел еще что-то сказать?

Я хочу высказать слова благодарности всем, кто досидел до конца, а также всем, кто сейчас отсутствует или присутствует где-то на других, не менее важных, мероприятиях. Мой многолетний опыт проведения мероприятий по проблеме транспарентности, доступа к информации и т.д. показывает, что данное мероприятие, эти два дня, были самыми эффективными. Я скажу, почему. Не только потому, что у нас привлечены ведущие российские юристы (кто не выступил лично, тот предоставил свой материал), но и потому, что был элемент прорыва. Все мероприятия прошлых лет сводились к обнаружению конкурирующих норм права и к ситуации взаимного урезонивания. Мне кажется, что в этот раз произошло что-то очень важное. Мы можем говорить о том, что произошло некоторое осмысление проблемы, мы увидели приоритеты и возможные пути решения проблем. Весной 2005 года мы опубликуем книгу, разместим материалы в Интернете на дискуссионных страницах, где продолжим дискуссию. Все наши материалы мы передадим в Верховный Суд РФ, который готовит специальный Пленум по информационной открытости судов, и будем сотрудничать по мере сил. Уверен, что, кроме теоретического, наш семинар будет иметь и заметное практическое значение.

Большое спасибо всем за участие в работе семинара и до новых встреч!